

**АЛАН
УОТС**

**КНИГА О ТАБУ
НА ЗНАНИЕ О ТОМ,
КТО ТЫ ЕСТЬ**

"Книга о Табу" - возможно, наиболее известная из книг Алана Уотса. В ней автор исследует не признаваемое, однако довольно сильное табу - наш заговор молчания вокруг знаний о том, кем или чем мы в действительности являемся. Это попытка ответить на вопрос: если ощущение нами себя в виде отдельного эго в мешке из кожи является иллюзией, которая не соответствует ни последним открытиям западной науки, ни экспериментальной философии-религии Востока, - то какова же тогда наша истинная природа?

Погружая читателя в атмосферу созерцательной философии и придавая современное звучание древним учениям, автор предлагает ему психологический путь осознания того, что то неопределимое представление-чувство, которое мы называем "я", - в действительности является источником и основанием Вселенной.

Уотс Алан

Книга о табу на знание о том, кто ты

Глава I. ТАЙНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Что следует молодому человеку или девушке знать для того, чтобы их можно было причислить к "сведущим"? Другими словами, существуют ли в нашем обществе табу на какие-то знания о жизни человека и существовании мира? Есть ли какие-то тайные сведения, которые либо неизвестны большинству родителей и учителей, либо никогда открыто не высказываются?

В Японии когда-то был распространен обычай давать молодым людям, которые собирались пожениться, "постельную книжечку". Это был маленький томик отпечатанных с ксилографических клише цветных картинок, изображающих все подробности полового сношения. Такой обычай существовал не только потому, что, как говорят китайцы, "один рисунок стоит тысячи слов". Давая книжечку своим взрослым детям, родители получали возможность избежать неловкой ситуации, в которой им пришлось бы объяснять своим детям интимные подробности с глазу на глаз. Между тем в наши дни на Западе подобную информацию можно найти на любом книжном лотке. Секс больше не является серьезным табу. Подростки нередко знают о нем не меньше взрослых.

Но если секс теперь не является табу, на какие сведения, в таком случае, наложен запрет? Ведь в обществе всегда существует что-то запретное, подавленное и не признаваемое всеми. Речь идет о сведениях, открытое обсуждение которых вызывает у людей сильное беспокойство, и поэтому они, как правило, закрывают на них глаза. Табу окружают табу, словно слои луковицы. О чем же тогда должна быть Книга, которую отцы могли бы исподтишка - не признавая открыто ее существования - подсунуть своим сыновьям, а матери своим дочерям?

В некоторых кругах запрет наложен на все, что связано с религией. Так зачастую принято даже среди тех, кто ходит в церковь и читает Библию. Здесь религия является личным делом каждого. Разговаривать о ней, задавать вопросы или, что еще хуже, открыто демонстрировать свою набожность в обществе таких людей считается признаком плохого тона и даже неприличным. Но если тебе все же удастся проникнуть в святая святых одной из бесчисленных современных религий, ты будешь озадачен, вокруг чего вообще разыгрывается все это представление. Очевидно, что Книга, которую я имею в виду, не может быть Библией, или "Благой Вестью". Ведь с этой антологией древней мудрости, исторических преданий и мифов так долго обращались как со священной коровой, что было бы нелишним подержать ее пару столетий под замком для того, чтобы потом люди смогли взглянуть на нее свежим взглядом. В Библии, действительно, иногда речь идет о тайнах, среди которых есть такие, разглашение которых связано с некоторым риском, однако все они изложены с помощью архаичных символов и упрятаны за традиционными интерпретациями. Потому объяснить людям суть христианства с каждым веком становится все труднее, если, конечно, не сводить это объяснение к проповеди хорошего поведения и агитации подражать Христу, - однако ни один проповедник не объясняет, как научиться поступать так, как он. Говорят только, что для этого ты должен обладать даром Божьим, который называют "милостью". Между тем о милости мы по существу знаем лишь то, что одни получают ее, а другие нет.

Стандартные современные религии - такие, как иудаизм, христианство, ислам, индуизм и буддизм - в своем нынешнем виде напоминают отработанные рудники: здесь очень трудно что-то найти. За некоторыми исключениями, обнаружить которые не так-то легко, их идеи о человеке и мире, их образы, обряды и представления о хорошей жизни не согласуются с современными научными знаниями о Вселенной. Ведь в наши дни окружающий мир изменяется так быстро, что почти все изученное человеком в школе устаревает еще до того, как он успеет ее окончить.

Книга, которую я задумал написать, не будет религиозной в обычном смысле, и тем не менее в ней найдется место для обсуждения многих вопросов, которыми занимаются религии. На ее страницах мы поговорим о Вселенной и месте в ней человека, о таинственном средоточии жизненного опыта, называемом нами "я", о проблемах жизни и любви, страдания и смерти, а также обо всем, что связано со смыслом жизни в любом понимании этого слова. Ведь с каждым годом все больше людей убеждаются в том, что существование - это бесконечная и бессмысленная гонка, напоминающая вращение белки в колесе.

Живые организмы, в том числе и людей, можно уподобить трубкам, которые поглощают вещество с одной стороны, а затем выделяют с другой. Благодаря этому они могут существовать, однако не очень долго, потому что через некоторое время изнашиваются. Чтобы продолжать этот фарс, трубки научились производить на свет новые трубки, которые тоже умеют поглощать с одной стороны, а затем выделять с другой. С того конца, который поглощает, они развили у себя нервный узел, называемый мозгом. К нему с помощью нервов подключены глаза и уши, благодаря чему трубкам легче удается преодолевать препятствия, отделяющие их от пищи. Еще одна особенность трубок состоит в том, что, наевшись, они начинают использовать избыток энергии для ползания по поверхности земли по хитроумным траекториям. При этом они издают всевозможные звуки с помощью отверстия для заглатывания пищи и собираются в группы для борьбы с другими трубками. Со временем трубки научились наращивать вокруг себя так много различных приспособлений, что их бывает трудно узнать, причем делать это они умудряются с потрясающей изобретательностью. Кроме того, среди них действует какая-то не до конца ясная договоренность не пожирать трубки своего вида, которая тем не менее не мешает им упорно соревноваться в том, кто станет трубкой высшего разряда. Вся их деятельность кажется забавной суетой, и чем дольше ты думаешь об этом, тем очевиднее тебе становится, что забавы здесь больше, чем суеты. В любом случае, все это необычайно странно.

Своеобразным просветлением можно назвать чувство, которое говорит нам, что обычное и обыденное странно, невероятно и даже как-то жутко. Г. К. Честертон когда-то заметил, что одно дело удивляться горгоне или грифону существам, которых в природе не существует, - а другое дело удивляться носорогу или жирафу, которые встречаются в природе, но выглядят так, словно попали в наш мир из сказки. Чувствовать странность всего, что нас окружает, означает каждый раз по-новому видеть самые обычные вещи. Почему из всех возможных миров существует лишь этот один с таинственно искривленным пространством-временем? Почему в пространстве разбросаны колоссальные и на первый взгляд никому не нужные скопления галактик, в одной из которых живые трубки самостоятельно развлекаются игрой в "кто кого съест"? Откуда это неопишное разнообразие форм, наблюдаемое нами в мире, в котором можно встретить все - от утонченной структуры снежинки и молекулы до поразительного великолепия птицы-лиры и фазана?

Людвиг Витгенштейн и другие современные "логические" философы попытались подавить подобные вопросы, утверждая, что они бессмысленны, и поэтому их не следует задавать. Они утверждают, что большинство философских проблем решаются осознанием того, что этих проблем не существует. Это осознание подразумевает ясное понимание того, что вопросы типа "Почему существует Вселенная?" возникают вследствие предрасположенности человека к особому рода интеллектуальному неврозу. Эта болезнь ума проявляется в неправильном использовании слов, которые хотя и звучат осмысленно, однако фактически являются такими же бессмысленными, как вопрос "Где находится Вселенная?". Ведь сама постановка этого вопроса свидетельствует о непонимании, ведь где-то может находиться только вещь, пребывающая внутри Вселенной. Таким образом, задача философии сводится к тому, чтобы вылечить людей от привычки задавать бессмысленные вопросы. Витгенштейн, как мы увидим позже, в чем-то

был прав. Однако удивление - это не болезнь. Способность удивляться и выражать свои чувства в поэзии и искусстве относится к числу самых существенных качеств, которые отличают человека от других животных, а разумных и проницательных людей - от идиотов.

Существует ли, в таком случае, во всей этой восхитительной картине мироздания какая-то "недосказанность" - нечто никогда не сообщаемое в виде Ответа традиционными религиями и философскими системами? Существует. Знающие говорили о нем неоднократно, но таким образом, что мы, жители этой конкретной цивилизации, сейчас не понимаем, о чем идет речь. Мы не представляем себе, какие серьезные и даже пагубные последствия может повлечь за собой разглашение этих сведений. Дело в том, что оно не только даст толчок к изменениям в политической и моральной сферах, но и повлияет на наше мировоззрение: наш здравый смысл может оказаться вывернутым наизнанку и поставленным с ног на голову. В настоящее время мы еще не имеем четкого представления о том, какими могут быть эти изменения в политике и морали. Ведь до сих пор подобная внутренняя революция была уделом лишь небольшого числа индивидов. Насколько я знаю, она никогда не затрагивала большие группы и сообщества людей. Поэтому не удивительно, что она считается опасной. Отсюда необходимость запрета.

Однако сегодня наш мир находится в чрезвычайно опасной ситуации, а для лечения серьезных болезней, как известно, зачастую требуется принимать решительные и рискованные меры. Примером может служить использование при бешенстве сыворотки Пастера. Ведь опасность нашего положения не исчерпывается тем, что мы можем просто взорвать планету с помощью ядерных бомб, задохнуться от перенаселенности и погубить почву вместе со всем растительным миром в результате использования химических удобрений и пестицидов. Ведь, кроме того, возможно, что наша цивилизация сможет достичь огромных успехов в развитии технологии, однако при этом большинство людей потеряют покой, будут введены в заблуждение и разочарованы - в частности потому, что наш образ жизни будет постоянно изменяться. Ситуация напоминает игру, правила которой постоянно изменяются, так что игрокам никогда не удастся понять их до конца. Не совершив самоубийства, никто не может выйти из этой игры, равно как никто не может вернуться к старым правилам или предложить свои собственные.

Однако проблемы человека и технологической цивилизации почти всегда рассматриваются неверно. Говорят, что человечество развивается односторонне - только экономически, без аналогичного роста в моральной сфере. Или, как говорят другие, при всех технических достижениях нет прогресса в образовании и рациональном мышлении. В действительности же проблема здесь более глобальна. Причина всех наших затруднений кроется в том, как мы чувствуем себя по отношению к остальному миру, что думаем о себе, своей жизни и ее источниках. Мы страдаем потому, что подвержены иллюзии - ложному и искаженному представлению о себе как об отдельных живых организмах. Большинство из нас ощущает, что "я" - это отдельный центр чувств и поступков, обитающий внутри физического тела и ограниченный его рамками. Этот центр "сталкивается" с "внешним" миром других людей и объектов, взаимодействуя с помощью органов чувств со всей остальной Вселенной, которая представляется ему чуждой и враждебной. Обороты нашей повседневной речи отражают эту иллюзию. "Я пришел в этот мир". "Ты должен противостоять реальности". "Покорение природы".

Однако то, что человек ощущает себя временным одиноким пришельцем в этот мир, находится в явном противоречии со всем, что говорит о человеке (и других организмах) современная наука. Мы не приходим в этот мир, мы появляемся из него, как листья на дереве. Вселенная очеловечится" точно так же, как океан волнуется. Каждый индивид представляет собой целое измерение мира природы, уникальное действие всей Вселенной. Однако большинство из нас если и осознает эту истину непосредственно, то случается это крайне редко.

Даже человек, который знает, что это верно теоретически, не чувствует и не переживает этого в жизни, продолжая осознавать себя отдельным "это" в мешке из кожи.

Первым следствием иллюзии отделенности является то, что мы чаще всего относимся к "внешнему" миру враждебно. Мы не перестаем "покорять" природу, пространство, горы, пустыни, бактерий и насекомых вместо того, чтобы научиться жить в гармонии и сотрудничестве с ними. В Америке великими символами этого поколения являются бульдозер и ракета. Первый представляет собой приспособление, с помощью которого холмы превращаются в асфальтированные площадки и маленькие жилые ящички, построенные из всякого мусора, тогда как ракета - это большой фаллический снаряд, который с ревом продирается сквозь небо. Тем не менее среди нас есть талантливые архитекторы, которые знают, как строить на холмах дома и не вносить при этом диссонанс в пейзаж, а также астрономы, которые поняли, что земля уже сама по себе летает в космическом пространстве и что для исследования других миров нам прежде всего нужны чувствительные электронные приборы, которые, подобно глазам, сделают достоянием нашего мозга самые удаленные объекты.^[1] В основе нашего враждебного отношения в миру, проявляющегося в стремлении покорять природу, лежит непонимание глобальной взаимосвязи всех вещей и явлений неведение того, что мир вне нашей кожи на самом деле является продолжением наших тел. Если мы не изменим своего отношения к внешнему миру, окружающая среда, которая породила и питает нас, вскоре может исчезнуть с лица земли навсегда.

Еще одним следствием того, что мы чувствуем себя независимыми субъектами во враждебной и большей частью неразумной Вселенной, является отсутствие у нас подлинной человеческой системы ценностей - мировоззрения, которое было бы естественным для людей. Все сводится к противоборству. Наши отношения построены на борьбе мнений - "мое" всегда лучше, чем "твое", - и поэтому верх всегда одерживает мнение более агрессивного и настойчивого (а значит, менее чувствительного) человека. Хаос противоречивых мнений, в котором все решает сила пропаганды, не может быть надежным средством контроля мощных технологических средств, как бы мы ни пытались убедить себя в обратном.

Поэтому может показаться, что человечество нуждается в гении для того, чтобы изобрести новую религию, жизненную философию или мировоззрение, которое в конце двадцатого века будет убедительным для всех и поэтому станет общепринятым. Таким образом каждый индивид сможет приблизиться к целостному видению мира, и его жизнь обретет смысл. Подобные надежды не имеют под собой оснований - и история неоднократно подтверждала это. Религии борются за сферы влияния и конфликтуют друг с другом. С их помощью одни люди стремятся возвыситься над другими. Каждая религиозная система противопоставляет "спасенных" обреченным на "вечное проклятие", подлинно верующих - еретикам, а своих сторонников - своим противникам. Даже религиозные либералы играют в игру "Мы более терпимы, чем вы".

Более того, как совокупность догматических взглядов, символических образов и моральных норм религия вскоре после своего возникновения превращается в организацию, которая ставит своей целью управлять массами. Поэтому ее представители начинают обосновывать истинность своих убеждений и добиваться "чистоты" традиции. Но, как известно, уверенность в чем-то всегда основывается на надежде и, следовательно, является прикрытием для сомнений и неуверенности в себе. Теперь понятно, почему глашатаи всех религий стремятся завербовать себе побольше последователей. Чем больше тех, кто соглашается с нами, тем увереннее мы себя чувствуем. В конце концов все сводится к тому, чтобы человек считал себя христианином или буддистом, какие бы взгляды он при этом ни исповедовал. Поэтому к традиционному религиозному учению зачастую насильственно прибавляют новые идеи, которые несовместимы с ним. Это делается исключительно для того, чтобы любой человек мог с чистой совестью

сказать: "Я прежде всего являюсь последователем Христа, Будды, Магомета или кого-то еще". Безусловная приверженность какой-либо религии это не просто интеллектуальное самоубийство, это положительное проявление неверия, потому что ум фанатика полностью закрыт для новых возможностей видения мира, тогда как подлинная вера прежде всего подразумевает доверие, открытость неизвестному.

Ревностный последователь Свидетелей Иеговы однажды пытался убедить меня в том, что если бы Бог действительно любил человечество, Он бы обязательно дал ему книгу, которая могла бы стать для него надежным и незыблемым руководством. Я ответил ему, что ни один здравомыслящий Бог не стал бы наносить такой сокрушительный удар по человеческому разуму. Ведь в этом случае жизнь человека стала бы однообразной - ему не нужно было бы ни о чем думать, достаточно было бы лишь заглядывать в одну книгу, Библию, которая дает ответы на все вопросы. Между тем использование слов, а следовательно и книги, предполагает, что они указывают на что-то отличное от себя - на мир жизненного опыта, который включает в себя не только слова или идеи. Книги это не реальная жизнь точно так же, как деньги - это не настоящее, потребляемое богатство. Слепое преклонение перед писаниями подобно употреблению в пищу бумажных денег.

Поэтому я хочу, чтобы книга, которая украдкой проскользнет из моих рук в руки моих детей, сама была скользкой. Читая ее, они должны поскользнуться и попасть в новое измерение - царство чувств и ощущений, а не одних только идей. Она должна стать временно принимаемым лекарством, а не постоянной диетой; исходным пунктом, из которого начинается путешествие, а не абсолютным авторитетом на все времена. Они прочтут ее, и этого уже будет достаточно, потому что если она будет написана хорошо и понятно, им не нужно будет возвращаться к ней снова и снова в поисках скрытого смысла и для прояснения туманных идей.

Нам не нужна новая религия или новая Библия. Нам нужно новое переживание - новое осознание того, что значит "быть собой". Великая тайна жизни (которая, конечно же, и является тем глобальным и секретным знанием) состоит в том, что наше обычное ощущение "я" - это иллюзия или, по крайней мере, временная роль. Мы играем ее потому, что в детстве нам ее навязали при нашем молчаливом согласии. Нам некого обвинять в этом, потому что, как и в случае гипноза, мы подверглись этому влиянию по сути добровольно. Итак, наиболее тщательно охраняемое из всех существующих на сегодняшний день табу - это табу на знание о том, кто ты такой или что такое в действительности, под маской своей отдельной, независимой и самостоятельной личности. Я не имею здесь в виду дикое фрейдовское "Id" ("Оно"), или подсознание, которое якобы скрывается за фасадом нашего эго. Как мы увидим, Фрейд находился под влиянием интеллектуальной моды, которая существовала в девятнадцатом веке и известна нынче под названием "редукционизм". В наши дни так обозначают странную традицию унижать достоинство человеческой культуры и разума, сводя ее к случайным и второстепенным проявлениям слепых иррациональных сил. Но тогда многим пришлось хорошенько потрудиться, чтобы доказать, что виноград может расти на колючем кустарнике.

Как всегда бывает в подобных случаях, мы подавили и не заметили то, что очевиднее всего. Трудность здесь в том, что речь идет о чем-то настолько очевидном и широкодоступном, что для него почти невозможно подобрать подходящие слова. Немцы называют это *Hintergedanke* - представление, которое лежит так незаметно на заднем плане нашего ума, что мы даже себе не признаемся в его существовании. Ощущение себя в качестве одинокого и изолированного центра сознания настолько убедительно и общепринято, так глубоко вошло в наш язык и мышление, в наши законы и общественные традиции, что мы ни при каких условиях не чувствуем себя кем-то отличным от этого поверхностного "я" на фоне всей остальной Вселенной. Я кажусь самому себе короткой вспышкой света, которая загорается лишь один раз в течение миллиардов лет.

Этот свет появляется вместе с редким, сложным и слишком уж беззащитным организмом, возникшим на гребне биологической эволюции, где волна жизни разбрызгивается на мириады отдельных, сверкающих всеми цветами радуги капелек, которые существуют лишь на миг, чтобы потом исчезнуть навсегда. Находясь под гипнозом подобных идей, я считаю невозможными и даже абсурдными всякие попытки осознать, что я живу не в одной лишь капельке, а во всем этом море энергии, которое простирается от галактик до ядерных полей в атомах моего тела. На этом глубинном уровне бытия я невообразимо стар, количество моих проявлений бесконечно, а их приход и уход - это просто пульсации и вибрации одного вечного потока энергии.

Трудность осознания всего этого заключается в невозможности глубоко понять происходящее с помощью концептуального мышления. Попытки рационально истолковать истину напоминают желание заглянуть в свои собственные глаза без всяких вспомогательных приспособлений или стремление описать цвет зеркала с помощью цветов всего того, что отражается в нем. Основание, или "фундамент" нашего существования и восприятия не может быть понят в терминах известных вещей точно так же, как видимая картина - это нечто большее, чем совокупность всех объектов, попавших в поле зрения. Поэтому мы вынуждены говорить о нем с помощью мифов - то есть с помощью особых метафор, аналогий и образов. Таким образом мы получаем отдаленное представление о том, на что реальность похожа, не указывая при этом, чем конкретно она является. С этой стороны миф - это выдумка, обман, предрассудок. Однако с другой стороны "миф" - это полезный и плодотворный образ, с помощью которого мы можем объяснить смысл жизни подобно тому, как мы иллюстрируем поведение электрических сил, сравнивая их со свойствами воды и воздуха. Однако, если мы пользуемся "мифом" в этом втором смысле, мы не должны принимать его буквально, точно так же, как мы не путаем электричество с воздухом или водой. Таким образом, пользуясь мифами, важно научиться за образом чувствовать реальность. В противном случае наше понимание будет подобно влезанию на столб, на котором укреплен указательный знак, вместо того, чтобы продолжать путешествие в указанном направлении.

Поэтому, когда дети задают мне фундаментальные метафизические вопросы, которые иногда естественно возникают у них, я пытаюсь давать им ответы в виде мифа. Отвечая на вопросы типа "Откуда взялся мир?", "Почему Бог его создал?", "Куда уходят люди, когда умирают?", я снова и снова убеждаюсь, что мой простой рассказ вполне удовлетворяет их. Он звучит приблизительно так:

Нельзя указать время возникновения мира, потому что он повторяется снова и снова подобно тому, как двигаясь по кругу, мы будем снова и снова возвращаться в одно и то же место. Ведь окружность нигде не начинается и нигде не заканчивается. Посмотри на мои часы, по которым я узнаю время; стрелки часов движутся по кругу, и точно так же мир повторяется снова и снова. Смотри, часовая стрелка поднимается по циферблату вверх от шести до двенадцати, а затем опускается вниз от двенадцати до шести. Подобно этому есть день и есть ночь, можно бодрствовать, а можно спать, люди живут и умирают, приходит лето, а затем зима. Ты не можешь жить так, чтобы у тебя все время было только что-то одно и не было другого. Ведь ты не мог бы знать, что такое черный цвет, если бы ты никогда не видел его рядом с белым.

Подобно этому бывает так, что мир есть, но бывает и так, что его нет. Ведь если бы мир шел все время только вперед и вперед, он бы ужасно наскучил себе. Поэтому он появляется, а затем исчезает. Ты то видишь его, то не видишь. После исчезновения он всегда возвращается снова, потому что он никогда не успевает окончательно надоесть самому себе. Это напоминает твое дыхание: ты делаешь вдох, а затем выдох, снова вдох и снова выдох, но если ты попытаешься один раз вдохнуть и больше никогда не выдохнуть, тебе вскоре станет плохо. Еще это похоже на игру в прятки, потому что интересно всегда находить новое место для того, чтобы спрятаться.

Вспомни о том, что тебе не нравится играть с друзьями, которые прячутся всегда в одном и том же месте. Бог тоже любит играть в прятки, но Ему не с кем играть, кроме Самого Себя, потому что кроме Бога в мире никого больше нет. Однако для того, чтобы выйти из этого затруднения, Он притворяется, что не является Собой. Таким образом Ему удастся спрятаться от Себя. Бог притворяется, что Он - это ты и я, и все люди в мире, все животные, все растения, все камни и все звезды. Когда Он играет Сам с Собой таким образом, у Него бывают необыкновенные и удивительные приключения, среди которых есть страшные и даже ужасные. Однако все они просто напоминают плохие сны, потому что когда Бог просыпается, все, что Ему снилось, исчезает.

Вот и получается, что когда Бог прячется и притворяется тобой или мной, Он делает это очень ловко. Поэтому для того чтобы найти Себя, Ему может потребоваться довольно продолжительное время. Но этот долгий поиск очень интересен - именно на него Бог рассчитывал, когда начинал игру. Он не хочет найти Себя слишком быстро, ведь так играть было бы не интересно. Вот почему тебе и мне так трудно обнаружить, что на самом деле мы - это Бог в маске, играющий наши роли. Но после того, как игра закончится, все мы проснемся, перестанем притворяться и вспомним, что мы - одно Я - Бог, являющийся всем тем, что есть в мире, и живущий веки вечные.

Тебе, конечно, следует помнить, что Бог не похож на человека. У человека есть тело, и поэтому всегда существует что-то снаружи тела. Если бы снаружи ничего не было, мы бы не смогли заметить различие между тем, что снаружи, и тем, что внутри. Но у Бога нет тела, потому что он охватывает Собой все и ничто не лежит вне Его. (Если ребенок уже достаточно смысленный, то в этом месте рассказа я показываю ему ленту Мёбиуса - полоску бумаги, склеенную в колечко так, что у него есть только одна сторона и один край). Для Бога внутреннее и внешнее - это одно и то же. И хотя я говорил о Боге "Он", а не "Она", в действительности Бог - это не мужчина и не женщина. Я не говорю о Боге "Оно", потому что в английском языке так называют лишь неживые вещи.

Бог - это Я целого мира, но ты не можешь видеть Его по той же самой причине, по которой без зеркала ты не можешь заглянуть в собственные глаза. Ты не можешь видеть свои глаза точно так же, как ты не в состоянии укунить свои зубы или посмотреть, что творится внутри твоей головы. Твое "я" спрятано так искусно потому, что в тебе прячется Сам Бог.

Ты можешь спросить, почему Бог иногда прячется в облике ужасных людей и почему Он иногда притворяется теми, кто страдает от страшных болезней и несчастий. Чтобы понять это, вспомни прежде всего о том, что Он фактически не подвергает опасности никого, кроме Себя. Вспомни также и о том, что почти во всех сказках, которые тебе нравятся, кроме хороших героев есть еще и плохие. И вся увлекательность повествования в том и состоит, чтобы узнать, как добрые герои победят злых. То же самое получается, когда мы играем в карты. В начале игры мы хорошенько перетасовываем их, что соответствует поступкам плохих людей. Но смысл игры в карты в том, чтобы привести в порядок всю эту путаницу. Тот, кто сделает, это лучше других, становится победителем. Затем мы перетасовываем карты еще раз и начинаем игру сначала. Точно так же обстоят дела с миром, в котором мы живем".

Эта история по сути своей - миф, она не претендует на то, чтобы быть научным описанием происходящего в действительности. Она уподобляет мир игре или драме, называет Игрока затасканным словом "Бог" и пригодна лишь для получения общего представления о том, на что похоже реальное положение вещей. Я использую этот миф точно так же, как астрономы для объяснения расширения Вселенной надувают черный воздушный шарик с белыми точками, обозначающими галактики. Но для большинства детей и многих взрослых этот миф оказывается простым, понятным и увлекательным. По сравнению с ним другие символические описания

мира выглядят грубыми, запутанными и невразумительными. Однако многие люди считают, что безоговорочное принятие в качестве истины тех туманных утверждений и неочевидных аналогий, которые предлагают им религии, является испытанием глубины их веры. "Я верю, сказал христианин Тертуллиан, - потому что это абсурдно".

Но самостоятельно мыслящие люди не принимают на веру идеи лишь на том основании, что они абсурдны. Они не чувствуют себя обязанными верить в чудеса и непонятные утверждения. В этом они отличаются от Авраама, который почувствовал долг перед Богом, состоящий в необходимости принести в жертву своего сына Исаака. Т.Джордж Харрис говорит об этом так:

В прошлом процветали социальные иерархии, в которых повелитель всегда наказывал своих подчиненных за малейшую ошибку. Поэтому люди привыкли чувствовать присутствие суровых авторитетов на каждом этапе "пути вверх". Однако в наши дни всеобщей свободы мы не чувствуем больше этого бремени. Со времени появления книг доктора Спока в семьях почти не осталось отцов, которые бы напоминали Бога Иегову. Поэтому в наше время подсознание большинства людей не стремится завоевать снисхождение гневного Бога на небесах.

Однако он продолжает:

Наше поколение познало холод ада и одиночество заточения в этой жизни без Бога, Который мог бы проклясть или даровать спасение. До тех пор пока человек не обнаружит, что он находится в ловушке, и собственными силами не достигнет... "Первоосновы Бытия", у него полностью отсутствует понимание смысла своего существования. Ограниченный, пустой человек знает лишь то, что вскоре его не станет. Поскольку эта жизнь бессмысленна, а будущей жизни он не видит, он не является полноценным живым существом и обречен на одиночество и смерть.[\[2\]](#)

Поль Тиллих обезвредил слово "Бог", назвав его "Первоосновой Бытия" (Ultimate Ground of Being). Это понятие имеет тот же смысл, что и "высшее Я этого мира" - термин, который я использовал в своей сказочке для детей. Однако особенность моей истории в том, что она незаметно создает у ребенка впечатление, что Первооснова Бытия - это он сам. Речь, конечно же, вдет не о той личности, которую Первооснова принимает или которой она притворяется, а о том глубинном Я, которое невозможно наблюдать в себе, потому что оно-то как раз и является наблюдателем. Итак, вот тайна тайн и запрет всех запретов: ты есть ЭТО!

Однако признавать это в нашей культурной среде означает дать повод для подозрений в сумасшествии, сказать самое страшное из богохульств и продемонстрировать свое глубочайшее невежество. Мы верим, что подобные заключения представляют собой предел мегаломании - раздувания своего эго до полной абсурдности. Мы развиваем эго с одной стороны, но ограничиваем его с другой. Из поколения в поколение мы выбиваем дурь из наших детей, приучая их "знать свое место" - вести себя, мыслить и чувствовать так, чтобы их скромность соответствовала их положению маленьких эго среди многих других маленьких эго. Моя мать часто повторяла: "Не думай, что на тебе свет клином сошелся!" Каждый, кто в своем здравом уме верит, что он - Бог, должен быть распят на кресте или сожжен на костре. Однако теперь мы, как правило, поступаем с такими людьми более гуманно, потому что убеждены, что в своем здравом уме никто не может верить в такую бессмыслицу. Только несчастный идиот может считать себя всемогущим властителем мира и ожидать, что все будут падать ниц перед ним и поклоняться ему.

Но мы убеждены в этом потому, что считаем Бога Царем Вселенной, Абсолютным Технократом, который лично и сознательно контролирует каждую деталь своего космоса, - но в моей истории речь шла не о таком Боге. На самом деле это вовсе не моя история, потому что каждый, кто знаком с восточными религиями, знает, что она происходит из древней Индии и

является мифом о сотворении мира в философии веданты. Веданта - это учение "Упанишад", сборника диалогов, историй и стихов, среди которых есть и те, что восходят по крайней мере к VIII в. до н.э. Проницательные индусы не считают Бога своеобразной, независимой ни от кого сверхличностью, которая управляет миром как монарх. Их Бог скорее находится "под" всем, а не "над" всем, играя мир изнутри. Если считать, что религия - это опиум народа, то в таком случае можно сказать, что индусы принимают его внутрь. Более того, ни один индус не думает, что только он является замаскированным Богом, а все остальные и все остальное нет. С точки зрения философии веданты кроме Бога ничего вообще не существует. Реальность объектов, отличных от Бога, только кажется, потому что они Ему сняты, и под их прикрытием Он может спрятаться для того, чтобы поиграть с Собой в прятки. Поэтому Вселенная отдельных вещей кажется реальной не вечно, а лишь в течение некоторого времени. Она появляется, когда Я прячется, и исчезает, когда Я вновь находит себя.

Но веданта - это намного больше, чем идея об этом или вера в то, что все это реально имеет место. Ведь ее смысл в том, чтобы привести человека к переживанию, к непосредственному постижению того, как все есть. Именно поэтому она может так решительно изменить наше видение мира. Она его выворачивает внешним внутрь, а изнанкой наружу. Сходным образом звучит высказывание, приписываемое Христу:

Когда ты сделаешь двоих одним,
когда внешнее для тебя станет внутренним,
а внутреннее - внешним,
когда то, что сверху, окажется внизу...
тогда ты войдешь [\[2a\]](#)...
Я - свет, который сияет над всеми,
Я - все, и все исходит из Меня и
Возвращается в Меня. Расколи кусок дерева,
и Я буду там; подними камень, и в нем
Ты найдешь Меня. [\[3\]](#)

Учение веданты в том виде, в котором мы его знаем сегодня, пришло к нам через столетия. В течение веков оно взаимодействовало с различными ритуалами, традициями и символами индийской культуры, которая переживает взлеты и упадки уже более чем 2 800 лет. Все это время она страдала от мусульманского фанатизма и подвергалась разлагающему влиянию британского пуританства. В изложении многих современных учителей, работающих на Западе, она не оправдывает возлагаемых на нее надежд. Ведь увлекаются ею, как правило, только утонченно духовные и до прозрачности интеллектуальные люди, для которых воплощение в этом физическом теле кажется таким отвратительным, что, если бы могли, они предпочли бы вообще не рождаться. [\[4\]](#) Однако сущность веданты может быть выражена на понятном для современных людей языке, и если это сделать без хитроумных уловок, санскритской терминологии и высокопарных намеков на какую-то заоблачную духовность, веданта становится понятной даже тем, кто никогда не интересовался "восточными религиями". И оказывается, что подобное учение является как раз тем толчком, который может вышибить из ловушки отдельного эго всех, кто чувствуют себя в нее пойманными.

Однако освобождение от иллюзий эго не следует путать с обычными идеями о "неэгоистичности", которые предлагают отождествление себя с другими людьми и их нуждами. Ведь в этом случае человек по-прежнему непоколебимо убежден в том, что сам он - это лишь одно эго, заключенное в его собственном теле. Такая "неэгоистичность" на поверку оказывается сильно утонченным эгоизмом, который можно соотнести с психологической игрой тех, кто говорит: "А мы более терпимы, чем вы!" Веданта не является по своей сути системой моральных

норм. Она не заставляет людей подражать святым, если они не пережили того, что является уделом святых. Более того, она утверждает, что достичь подобных переживаний человек может лишь с помощью глубинного осознания основ собственного бытия.

По этой причине книга, которую я бы хотел передать своим детям, не будет содержать проповедей о том, что они должны и чего не должны делать. Подлинная любовь является следствием понимания, а не чувства долга или вины. Как бы ты чувствовал себя, если бы был больной женщиной, дочь которой не может выйти замуж, потому что чувствует себя обязанной ухаживать за матерью, но в то же время втайне ненавидит ее за это? Поэтому я хотел бы писать не о том, как все должно быть, а о том, как оно действительно есть, и о том, почему мы не видим этого реального положения вещей. Ты не можешь заставить эго быть не эгоистичным, хотя оно умеет очень ловко притворяться, убеждая других в том, что его очень легко изменить. Следовательно, наша задача сводится к тому, чтобы методом проб и ошибок осознать иллюзорность эго, а не пытаться его преобразить. В результате может случиться так, что поведение человека, освобожденного от эго, не будет вписываться в общепринятые нормы морали. Но не будем забывать то, что фарисеи говорили об Иисусе: "Посмотрите на него! Это бездельник и пьяница, друг мытарей и грешников!"

Более того, когда видишь насквозь иллюзорность эго, невозможно считать себя лучшим или более продвинутым, чем другие люди, которые по-прежнему заблуждаются. Птенцы не лучше, чем яйца, из которых они вылупились. Можно даже сказать, что птенец - это способ, с помощью которого одно яйцо становится другим яйцом. Яйцо - это эго, а птенец - освобожденное Я. У индусов есть миф о Я в образе божественного лебедя, снесшего яйцо, из которого потом вылупился мир. Таким образом, я не настаиваю даже на том, что ты "должен" вырваться из своей скорлупы. Когда-нибудь, каким-то образом ты (подлинный ты, высшее Я) обязательно сделаешь это. Однако не исключена и такая возможность, что на нашей планете игра Я состоит в том, чтобы оставаться непробужденным в большинстве своих масок, а затем закончить драму на Земле громадным ядерным взрывом. Еще один индийский миф говорит, что по мере того, как идет время, жизнь в мире становится все хуже и хуже. Процесс ухудшения продолжается до тех пор, пока в конце концов разрушающий аспект Я - бог Шива - не станцует свой ужасный танец, в результате чего все поглощает огонь. Затем, утверждает миф, последует 4 320 000 лет полного спокойствия, на протяжении которых Я будет просто оставаться собой, не играя в прятки. А затем игра начнется снова: вначале Вселенная в непревзойденной великолепии просуществует 1 728 000 лет, после чего она вновь начнет постепенно вырождаться. Каждый раунд игры устроен так, что силы тьмы заявляют о себе только в последнюю треть периода существования мира, одерживая в конце внезапную, но довольно иллюзорную победу.

Сегодня мы исчисляем продолжительность существования одной только нашей планеты намного большими промежутками времени, чем упомянутые в этом мифе. Но следует признать, что среди всех древних цивилизаций индусы самые реалистичные в своих представлениях о космических промежутках времени. И все же не забывай о том, что эта история о периодически возникающем мире является мифом, а не научным наблюдением, скорее притчей, нежели предсказанием. Этот миф просто иллюстрирует идею о том, что Вселенная похожа на игру в прятки.

Итак, я не утверждаю, что ты обязательно должен очнуться от иллюзии эго и начать помогать спасать мир от грядущей катастрофы. Теперь ты можешь спросить, зачем в таком случае вообще нужна эта Книга? Почему бы не сесть себе спокойно и не предоставить всему возможность идти своим чередом? А дело просто в том, что мое написание этой Книги и является частью этой "возможности всего идти своим чередом". Как человек, я по своей природе получаю удовольствие от философствования и обмена мыслями с другими людьми. Я делаю это

точно так же, как одни птицы являются орлами, а другие голубями, одни цветы являются лилиями, а другие - розами. Я понимаю также и то, что чем меньше я буду проповедовать, тем скорее меня услышат.

Глава II. ИГРА В ЧЕРНОЕ-И-БЕЛОЕ

Когда нас учили считать на пальцах и читать по слогам, едва ли нам рассказывали об Игре в Черное-и-Белое. Идея этой Игры очень проста, но относится к той стороне вещей, которая обычно замалчивается. Прежде всего обрати внимание на то, что все твои пять органов чувств являются различными формами одного и того же чувства - в чем-то подобного осязанию. Зрение - это чувствительное прикосновение. Глаза касаются волн света и поэтому воспринимают их. В результате мы можем прикоснуться к вещам, находящимся далеко за пределами досягаемости наших рук. По аналогии с этим можно сказать, что уши касаются звуковых волн, которые распространяются в воздухе, а нос - крошечных частичек пыли и газа. Но сложные структуры и цепи нейронов, лежащие в основе этих органов чувств, представляют собой совокупность нейронных клеток, каждая из которых может находиться в одном из двух состояний: есть сигнал или нет сигнала. В центральный мозг каждый конкретный нейрон передает информацию либо "да", либо "нет" - и больше ничего. Как мы знаем, эта двоичная система исчисления использована в компьютерах. В них вся информация представлена с помощью Он [\[1\]](#), и при этом из таких простых элементов удастся построить очень сложные и крайне удивительные наборы.

В этом отношении наша нервная система и, двоичные компьютеры очень похожи на все остальное, потому что физический мир построен из вибраций. Как бы мы ни представляли себе эти вибрации - в виде волн, частиц или, возможно, волночастиц - мы нигде не встречаем гребней волн без впадин между ними, а частиц - без разделяющих их промежутков пустого пространства. Другими словами, не существует такой вещи как волна или частица сама по себе, без окружающего пространства. Не может быть ни "да" без "нет", ни верха без низа.

Хотя звуки высокой частоты могут длиться долго и казаться нам непрерывными, в действительности в их основе лежит колебание, фаза которого постоянно изменяется. Каждый звук фактически представляет собой последовательность импульсов и промежутков тишины между ними. Однако наши уши не замечают промежутков тишины, если они чередуются с импульсами слишком быстро. Мы замечаем интервалы между импульсами только в звуках нижних регистров органа, когда частота колебаний настолько низка, что слух может уловить неоднородность звука. Свет также представляет собой не постоянный чистый свет, а чередование промежутков света и темноты. Он тоже приходит к нам в виде волн, которые имеют структуру импульсов с интервалами отсутствия сигнала между ними. При некоторых условиях частоту световых вибраций можно так синхронизировать с движением освещаемых объектов, что последние будут выглядеть неподвижными. Теперь понятно почему обычные электрические лампочки не используются в пилорамах. Ведь излучаемый ими свет представляет собой колебание, которое можно легко синхронизировать со скоростью вращения дисковой пилы, в результате чего ее зубцы будут выглядеть неподвижными.

Хотя глаза и уши фактически регистрируют и максимум, и минимум во всех этих вибрациях, этого нельзя сказать об уме человека. Ведь наше сознательное внимание замечает только максимум. Темный, беззвучный интервал отсутствия сигнала игнорируется им. Это почти общий принцип: сознание не принимает во внимание интервалы, хотя без них оно не смогло бы зарегистрировать никаких сигналов. Если ты положишь руку на колено привлекательной девушки и оставишь ее там неподвижной, девушка вскоре забудет о ней. Но если ты будешь поглаживать ее колено, она будет все время помнить, что ты рядом и интересуешься ею. Таким образом девушка замечает и, ты надеешься, предпочитает наличие твоей руки, а не ее отсутствие. Как бы то ни было, все вещи, которые согласно нашим

убеждениям существуют в мире, всегда являются чередованием наличия/отсутствия. Одно только наличие или одно только отсутствие сами по себе невозможны.

Многие люди думают, что, слушая музыку, они просто слышат последовательность нот различной высоты, которые звучат по одной или аккордами - по несколько сразу. Если бы это действительно было так - как это бывает в исключительных случаях, когда человек совсем не воспринимает высоту звука, - они бы услышали не мелодию, а лишь последовательность бессвязных звуков. Слышание мелодии подразумевает различие интервалов между тонами, даже если сознательно не думаешь об этом. В этом случае интервалы представляют собой не промежутки тишины, а "ступени" различной высоты между звуками музыкальной гаммы. Эти ступени или промежутки являются звуковыми "интервалами", которые по своей природе отличаются от пространственных интервалов между телами и временных интервалом между событиями.

Однако сознательное внимание, как правило, склонно к тому, чтобы под любым предлогом игнорировать эти интервалы. Большинство людей, например, думают, что пространство - это "просто ничто", если временно не принимать во внимание тот факт, что оно может быть заполнено воздухом. Поэтому они удивляются, когда слышат, как художники или архитекторы рассуждают о свойствах пространства. Они недоумевают еще больше, когда узнают, что астрономы и физики говорят об искривленном пространстве, конечном пространстве или влиянии пространства на распространяющийся а нем свет и находящиеся в нем звезды. Из-за этой привычки не замечать пространственные интервалы мы не осознаем, что вся Вселенная (то есть все существование) является громадной вибрацией вещества/пространства. Ведь объекты и окружающее их пустое место так же неотделимы друг от друга, как внутренняя и внешняя стороны одной поверхности. Пространство - это отношение между телами, и без него не могло бы быть ни энергии, ни движения.

Если бы существовал только один какой-то объект, например, изолированный шар без всякого окружающего пространства, у нас не было бы никакой возможности ни увидеть его, ни понять, шар ли это или что-нибудь другое. Ведь если бы вокруг него ничего не было, у него не было бы поверхности. Это уже скорее был бы Бог, но не объект! По аналогии с этим можно сказать, что если бы существовало лишь одно пространство без чего-нибудь находящегося в нем, это было бы вовсе не пространство. Ведь нет другого пространства, кроме пространства между вещами, внутри них или вокруг них. Вот почему можно утверждать, что пространство - это отношение между объектами.

Можем ли мы вообразить себе одно-единственное тело, один шар, например, среди пустого пространства? Наверное, можем. Но этот шар. не будет обладать энергией и не сможет двигаться. Ведь по отношению к чему он будет двигаться? Мы говорим, что объект движется только в том случае, когда мы сравниваем его местонахождение с другими объектами, которые относительно неподвижны. Ведь движение - это в действительности движение/покой. Давай теперь понаблюдаем за двумя шарами, как они приближаются друг к другу или разлетаются в разные стороны. Несомненно, что в этом случае присутствует движение, но какой из шаров движется? Шар номер один, шар номер два, или оба? У нас нет возможности судить об этом. Все ответы являются в одинаковой мере правильными и неправильными. Добавь теперь к ним еще один шар. Шары один и два покоятся на некотором расстоянии друг от друга, а шар номер три подлетает к ним или удаляется от них. Это можно описать и по-другому. Можно сказать, что шары один и два движутся вместе по направлению к третьему или от него. А можно представить все так: все три шара движутся навстречу друг другу одновременно. На основании чего нам следует предпочесть одно описание другому? Можно ответить так: поскольку шары номер один и два находятся рядом, они составляют группу, в которую входит большинство шаров. Поэтому

их голос имеет решающее значение в том, кто движется, а кто нет. Но если шар номер три присоединится к ним и хорошенько толкнет их, все они начнут двигаться, а о группе в целом снова ничего нельзя будет сказать. Ни один из шаров не сможет уверенно сказать двум другим: "Почему вы улетаете от меня?!" Ведь у нас нет точки отсчета для того, чтобы сделать вывод о движении-всей группы в целом.

Обрати внимание, что тогда как два шара могут двигаться только по прямой, три шара могут двигаться по поверхности, но не в пространстве. Но как только мы добавляем к ним четвертый шар, мы получаем трехмерную картину движения. Теперь может создаться впечатление, что наш четвертый шар находится в стороне от трех остальных шаров, наблюдает объективно за всем происходящим и действует как рефери. Но предположим, что добавляя четвертый шар, мы забыли его пометить. Где теперь он? Каждый из четырех шаров может находиться в третьем измерении по отношению к остальным. Все это можно назвать "первым уроком по теории относительности", ведь принцип остается один и тот же, сколько бы шаров мы ни добавили. Поэтому наши рассуждения могут относиться ко всем астрономическим объектам в этой Вселенной и ко всем наблюдателям их движения, где бы последние ни находились. Любая галактика, звезда или планета может быть принята за начало отсчета. Таким образом, мы получаем, что каждая вещь находится в центре по отношению ко всем остальным!

Но, рассматривая шары, мы упустили из виду одну возможность. Предположим, что шары не движутся, а движется пространство между ними. Ведь мы говорили об увеличении или уменьшении расстояния (то есть интервала пространства) так, будто оно является самостоятельным объектом, с которым может что-то происходить. Мы пришли к проблеме расширяющейся Вселенной. Действительно ли другие галактики движутся от нашей, как нам кажется, или наша движется от них, или, быть может, все они разлетаются в разные стороны?

Но при этом они сталкиваются с тем же затруднением: кому решать? Что движется, галактики или пространство? Тот факт, что ни одно решение не может быть окончательным, сам по себе является ключом к ответу на вопрос. И дело не в том, что расширяются и галактики, и пространство, можно подумать, они представляют собой два независимых действующих лица. Правильный ответ звучит так: расширяется то, что мы можем неуклюже назвать галактики/пространство или вещество /пространство.

Эта проблема возникла потому, что мы задали вопрос неправильно. Мы исходили из предположения, что вещество - это одно, а пространство, или пустота, - другое. Затем оказалось, что пространство - это не просто отсутствие вещей, потому что вещи вообще не могут существовать без него. Таким образом, наша ошибка в самом начале состояла в том, что мы начали представлять себе вещество и пространство как две различные сущности, вместо того, чтобы думать о них как о двух аспектах одного и того же. Смысл в том, что они отличаются друг от друга, но не отделимы, как голова и хвост кошки. Раздели их, и кошка погибнет. Устрани гребень волны и подошвы тоже не останется.

Аналогично можно подойти и к древней задаче о причине и следствии. Мы верим в то, что каждая вещь и каждое событие должны иметь причину - то есть другие вещи и события, которые в свою очередь являются следствиями чего-то иного. Но как причина приводит к следствию? Положение осложняется еще и тем, что если предположить, что все мои действия представляют собой последовательность обусловленных событий, тогда их причина теряется где-то в неизмеримом прошлом. Если это все в действительности так и есть, я не могу ничего изменить, потому что все мои поступки обусловлены прошлым. Я просто являюсь марионеткой, которую дергают за веревочки, уходящие далеко в те времена, о которых я не имею ни малейшего представления.

И снова, как и в предыдущий раз, проблема возникает в результате того, что мы

неправильно задали вопрос. Предположим, что есть где-то человек, который никогда в своей жизни не видел кошки. Но вот он получил возможность понаблюдать через щелочку в заборе, как она проходит по другую сторону от забора. Вначале он видит голову, затем не так отчетливо очерченное туловище и наконец хвост. Поразительно! Кошка поворачивается и проходит мимо щелочки снова, и опять наблюдатель видит вначале голову, а затем хвост. В результате своих наблюдений он приходит к выводу, что событие, называемое "голова", является неизменной и обязательной причиной события, называемого "хвостом", которое таким образом оказывается следствием "голова". Это бессмысленное и запутанное описание появляется тогда, когда мы не видим, что голова и хвост существуют вместе и составляют вместе с туловищем одну целую кошку.

Кошка не появилась на свет в виде головы, которая впоследствии стала причиной своего хвоста. Она родилась вся одновременно в виде одного животного с головой и хвостом. Наш наблюдатель испытал затруднение при описании кошки, потому что он рассматривал ее через узенькую щелочку, ширина которой не дает возможности видеть все животное сразу.

Эта щелочка в заборе очень напоминает то, как мы обзреваем мир с помощью сознательного внимания, потому что когда мы сосредоточиваемся на чем-то одном, мы игнорируем все остальное. Внимание - это ограничение диапазона восприятия. Это способ рассмотрения жизни по кусочкам, используя при этом память для того, чтобы соединить эти кусочки вместе. Изучение мира с помощью сознательного внимания похоже на то, как темную комнату обследуют при помощи фонарика с очень узким лучом света. Восприятие, ограниченное таким образом, имеет одно преимущество: оно ярко и точно фокусируется. Но за это приходится платить тем, что оно может обзирать мир только по частям, переходя последовательно от одной детали к другой. А там, где не оказывается никаких деталей - в пустом пространстве на гладкой поверхности - оно почему-то начинает скучать и искать какие-то примечательные особенности. Следовательно, внимание представляет собой нечто подобное сканирующему механизму радара или развертке на телеэкране. Исследования Норберта Винера и его коллег дают некоторые подтверждения того, что мозг действительно опирается в своей работе на похожие процессы.

Сканирующий метод наблюдения мира по частям убеждает того, кто им пользуется, в том, что мир является огромной коллекцией отдельных объектов, которые называют вещами или событиями. Мы часто говорим, что человек может мыслить только об одном предмете в каждый конкретный момент времени. Дело в том, что, глядя на мир по кусочкам, мы привыкли считать, что он состоит из отдельных объектов. Тем самым мы поставили себя перед необходимостью решать задачу о том, как эти объекты связаны друг с другом и каковы между ними причинно-следственные отношения. Но эта проблема не возникла бы вообще, если бы с самого начала помнили, что разделение мира на независимые части, вещи и события, причины и следствия - это просто способ его описания. Мы не видим мир целостно, как кошку, которая обладает одновременно и хвостом и головой.

Мы говорим также о внимании как о выделении. Выделить означает заметить и начать рассматривать какой-то один аспект восприятия или какую-то одну черту мира, как что-то более примечательное и важное, чем все остальное. Эти аспекты восприятия и черты мира приковывают к себе наше внимание, а все остальное мы игнорируем - вот почему сознательное внимание является не-видением (то есть неведением), хотя оно и дает нам ясную картину того, к чему мы решили обратиться. Физически мы видим, слышим, обоняем, пробуем на вкус и осязаем множество деталей, которые никогда не замечаем. Ты можешь проехать в автомобиле тридцать миль, разговаривая все это время с другом. При этом ты замечал и запоминал только содержание вашей беседы, но каким-то образом тебе все это время удавалось реагировать на

окружающую обстановку: обгонять другие машины, останавливаться на светофорах и делать много других действий, не замечая их, или, другими словами, не фиксируя на них луч своего сознательного внимания. Подобно этому ты можешь поговорить с кем-нибудь на вечеринке и совсем не запомнить, во что он или она были одеты, потому что этот человек ничем не заинтересовал тебя и не показался тебе важной персоной. Однако не вызывает сомнений тот факт, что твои глаза и нервы реагировали как-то на его внешний вид. Ты смотрел, но фактически не видел.

Создается впечатление, что мы замечаем что-то только тогда, когда одновременно проявляются два фактора, одним из которых является требование, чтобы деталь была интересной и важной. Второй фактор, который должен присутствовать параллельно с первым, состоит в том, что объект, на который мы обращаем внимание, должен обладать названием. Название дается с помощью системы характеристик - слов, чисел, знаков, простых образов (таких как квадратики и треугольнички), музыкальных нот, букв, иероглифов (как в китайском языке) и других наборов отличительных особенностей - таких, например, как палитра цветов и оттенков. Все эти символы дают нам возможность классифицировать наши отдельные частички восприятия. Это ярлычки на тех полочках, где все эти вещи хранятся в нашей памяти. Вот почему очень трудно бывает заметить то, для чего у нас нет обозначения. У эскимосов есть пять слов для обозначения различных типов снега, потому что они живут в той местности, где эти различия заметны и важны. Но в языке ацтеков для снега, дождя и града используется лишь одно слово.

Так что же управляет нашим выбором замечать или не замечать какую-то деталь? Во-первых, ее значимость для выживания, благоприятность для социального статуса и выгодность для наших личных интересов (о чем у нас будет возможность поговорить позже). И во-вторых, необходимо еще присутствие этой детали в описательной структуре и логической системе представления, которую мы унаследовали от людей нашего общества и культурной среды. Ведь очень трудно заметить что-то такое, для чего в нашем языке нет какого-нибудь обозначения - словесного, математического или музыкального. Вот почему мы заимствуем слова из других языков. В английском языке, например, нет обозначения для переживания, которое японцы называют югэн. Поэтому понять то, что они описывают этим словом, мы сможем только тогда, когда сами откроемся для подобных переживаний.[\[5\]](#)

Таким образом есть все основания полагать, что существует бесчисленное множество аспектов и измерений мира, на которые наши органы чувств реагируют без привлечения сознательного внимания. Кроме того, в природе существуют вибрации (подобные космическим лучам), длины волн которых таковы, что органы чувств человека вообще не могут их воспринять. Если бы кто-то осознал все эти вибрации сразу же, он бы оказался в сущем аду. Ведь это было бы подобно такой игре на фортепиано, при которой музыкант постоянно стучит по всем клавишам сразу. Однако можно выделить два фактора, которые нам совсем не помешало бы осознать. Ведь подверженность иллюзии коренится именно в том, что мы игнорируем эти факторы. Речь здесь идет об иллюзии это, о неспособности видеть, что каждый из нас представляет собой замаскированное Я.

Первый фактор, который ускользает от нашего сознания, состоит в том, что так называемые противоположности - свет и тьма, звучание и тишина, объекты и пространство, наличие и отсутствие, внешнее и внутреннее, появление и исчезновение, причина и следствие - суть взаимосвязанные полюса или аспекты одного и того же. Однако для обозначения этой Сущности у нас нет более подходящего слова, чем такие туманные понятия, как Существование, Бытие, Бог или Первооснова Бытия. По большей части все эти концепции остаются расплывчатыми идеями, которые не соответствуют у человека никаким ярким переживаниям.

Вторым фактором, который тесно связан с первым, является то, что мы настолько поглощены сознательным вниманием и так убеждены в реальности наблюдаемого, что этот поверхностный тип восприятия кажется нам единственным реальным способом наблюдения мира. При этом у нас возникает настолько удивительное представление о себе как о сознательном существе, что мы оказываемся полностью загипнотизированными этим нецелостным видением Вселенной. Мы действительно считаем, что этот мир представляет собой скопление отдельных вещей, которые каким-то непонятным образом оказались собранными вместе или, возможно, когда-то составляли нечто целое, развалившееся затем на куски. И при этом мы верим, что сами представляем один из таких объектов. Мы смотрим на каждую деталь мира в отрыве от всех остальных - как он сам по себе рождается и умирает. Поэтому мы в лучшем случае видим в нем лишь фрагмент чего-то целого или заменимую деталь какой-то большой машины. Крайне редко мы ясно видим, что так называемые вещи и события "идут вместе", как голова и хвост кошки, как отдельные звуки и интонации - нарастающие и угасающие, высокие и низкие - одного поющего голоса.

Другими словами, мы не играем в Игру в Черное-и-Белое - великую вселенскую игру в верх-и-низ, наличие-и-отсутствие, объекты-и-пространство, каждый-и-все. В противоположность этому мы играем в Игру Черное-против-Белого, или как чаще бывает, в Игру Белое-против-Черного. Ведь когда скорость чередования противоположностей незначительна, как бывает в случае дня и ночи или жизни и смерти, у нас создается впечатление, что темный или отрицательный аспект мира нам навязывается вопреки нашей воле. А затем, не понимая того, что положительный полюс и отрицательный полюс взаимосвязаны, мы начинаем опасаться, что Черное может победить в Игре. Однако Игра Белое-должно-победить - это уже не игра. Это борьба, которой сопутствует чувство хронического разочарования, потому что в ходе борьбы мы стараемся сделать что-то столь же бессмысленное, как попытки сохранить горы, но избавиться от долин.

Основная форма этой борьбы называется Жизнь-против-Смерти. Это так называемая борьба за выживание, которая, как предполагается, является реальной, серьезной задачей всех живых существ. В данном случае иллюзия держится на том, что (а) эта борьба временно успешна (мы продолжаем жить до тех пор, пока не умрем) и что (б) жизнь требует, от живущих усилий и изобретательности. Последнее, впрочем, верно и в отношении игр, которые не подразумевают серьезной борьбы. Насколько мы знаем, животные не одержимы постоянным беспокойством о болезнях и смерти так, как мы, потому что они живут настоящим. Тем не менее они вступают в борьбу, когда ощущают голод или подвергаются нападению. Однако мы должны быть внимательными, когда говорим о животных в качестве модели "совершенно естественного" поведения. Ведь если "естественным" называть "доброе" или "мудрое", несомненно, что люди могут проявлять себя лучше, чем животные, хотя так случается далеко не всегда.

Люди относятся к смерти как к большому пугалу, и особенно это характерно для представителей Западного мира. Причина этого, вероятно, кроется в том, что не так давно повсеместно было распространено христианское поверье, согласно которому за смертью последует ужасный Страшный Суд, на котором будут решать, куда приписать грешника - на временные муки в Чистилище или па вечную агонию в Ад. Сегодня же более популярно мнение о том, что после смерти мы попадаем в вечную пустоту. Пытаясь вообразить себе это своеобразное переживание, мы прежде всего думаем о человеке, которого заживо похоронили и держат под землей вечно. Нет больше друзей, солнечного света и пения птиц - только тьма и тьма без конца.

Не уходи по своей воле в эту ночь, что тьмою манит...

До последнего борись за свою жизнь и света танец.

С помощью воображения невозможно представить себе абсолютную пустоту, и потому этот пробел заполняют наши фантазии. Нечто подобное происходит в экспериментах по изоляции органов чувств (experiments with sensory deprivation), участников которых погружают в воду в звуко- и светонепроницаемых помещениях. Поэтому когда смерть рассматривается как окончательная победа Черного над Белым в чрезвычайно серьезной Игре Белое-должно-победить, фантазии, которые заполняют этот пробел, становятся довольно неприятными. Даже популярные образы Небес у нас довольно суровы, потому что Бога, как правило, воображают себе в виде очень серьезного и грозного Дедушки, восседающего на троне в громадной церкви - а в церкви, как известно, человек может благопристойно "возрадоваться", но не может от души, раскатисто рассмеяться.

О как велика их радость и слава,
Вечное счастье блаженных в Раю!

Кто желает, чтобы его нарядили в стихарь и навсегда заперли в церкви, где ничего нельзя делать, а можно только петь "Аллилуйя!"? Эти образы, разумеется, являются исключительно символическими, но ведь все мы знаем, как дети относятся к Божьей Добрай Книжке в черном переплете и с совершенно непонятным шрифтом, а также к традиционным протестантским праздникам. Мыслящие христиане перерастают эти ужасные образы, но в детстве страх уходит глубоко в подсознание и оттуда продолжает определять наше отношение к смерти.

Есть все основания полагать, что представления о смерти человек получает в ходе воспитания в обществе, потому что на сегодняшний день наука не дает убедительных доказательств в пользу того, что существуют какие-то врожденные природные эмоции, связанные с умиранием. В качестве примера представлений, формируемых у человека обществом, можно привести широко распространенное мнение о том, что рождение ребенка должно быть болезненным. Христианство утверждает, что страдания в данном случае являются наказанием за Первородный Грех или массу приятных переживаний при его "зачатии". Ведь Бог сказал Еве и всем ее дочерям: "В болезни будешь рожать детей" (Быт. 3 16). Итак, все верили, что давая жизнь ребенку, женщина обязательно должна мучиться, и они выполняли этот долг, а многие продолжают это делать и по сей день. В то же время мы были немало удивлены, когда обнаружили, что в "первобытных" обществах женщины рожают детей, работая в поле. Они просто приседают, производят дитя на свет, перекусывают пуповину, кормят ребенка, пеленают его и продолжают работу. Дело не в том, что эти женщины так разительно отличаются от наших, - у них просто другое отношение к родам. И вот наши гинекологи недавно обнаружили, что многих женщин не так уж трудно подготовить к естественным и легким родам. "Родовые муки" для этого переименовывают в "напряжения", после чего будущие матери регулярно проделывают ряд подготовительных упражнений, смысл которых в том, чтобы научиться расслабляться под это напряжение и содействовать ему. Роды - это не болезнь, говорят им. Женщину забирают в роддом только для перестраховки на тот случай, если что-то пойдет не так как нужно. А в последнее время становится все более популярной традиция принимать роды на дому.

Понятно, что преждевременная смерть может наступить в результате болезни, но - как и рождение - смерть как таковая совсем не является болезнью. Это естественный и необходимый конец человеческой жизни - такой же естественный, как опадание желтых листьев осенью. (Неопадающие листья, как известно, делают из пластика, и поэтому не будет ничего удивительного, если когда-нибудь хирурги смогут заменить все наши органы пластиковыми устройствами, в результате чего человек станет бессмертным, превратившись в пластиковую модель себя.) Поэтому врачам следует рассмотреть возможность подготовки человека к смерти и связанными с ней переживаниями по аналогии с тем, как они готовят беременных женщин к

родам.

Ведь по большому счету смерть - это великое событие. До тех пор пока она не довлеет над нами, мы привязываемся к себе и всему, что окружает нас в жизни, проводя день за днем в привычном безысходном беспокойстве. При этом все, что связано со смертью, мы сознательно отодвигаем в самые отдаленные уголки ума. Но наступает время, когда мы узнаем, что наши дни сочтены. В этой ситуации у нас появляются идеальные условия для того, чтобы полностью отпустить себя (to let go of oneself). Если это происходит, человек оказывается освобожденным из тюрьмы своего эго. Поэтому вполне естественно, что смерть представляет собой уникальную возможность пробудиться к знанию своего подлинного Я, которое исполняет на космической сцене нашу Вселенную. А значит, смерть может быть поводом для большей радости. Однако в наши дни распространен обычай, который требует от врачей, медсестер и родственников умирающего, чтобы они обманывали его. Все эти люди должны ходить вокруг него с улыбками на лицах и уверять его, что он все-таки выздоровеет, что через неделю он вернется домой и тогда вся семья поедет отдыхать на море. Хуже всего то, что врачей никогда не учат, как нужно вести себя с безнадежно больными. В этом отношении католический священник находится в гораздо более выгодном положении: как правило, он знает, что нужно делать в присутствии умирающего. Поэтому он действует без слез, неловкости и невнятного бормотания. Однако врач должен, согласно всеобщему мнению, стараться любой ценой продлить жизнь - для этого он вправе распорядиться всеми сбережениями больного и его семьи.

Ананда Кумарасвами^[6] однажды сказал мне, что предпочел бы умереть на десять лет раньше, но не на десять минут позже - когда старость или отравление лекарствами не дадут ему отпустить себя, "лечь в могилу по своей доброй воле".^[7] "Я молюсь, - часто говорил он, - чтобы смерть не застала меня врасплох и я успел выйти из игры". Речь идет о том, чтобы успеть отпустить себя. Вот почему Г.И.Гурджиев, этот восхитительный плут-мудрец, писал в книге "Все и вся" ("All and Everything"):

В настоящее время единственная возможность спасти жителей планеты Земля состоит в том, чтобы внедрить в их сознание новый механизм... Его свойства должны быть таковы, чтобы каждый из этих несчастных в своей жизни постоянно осознавал и чувствовал неизбежность своей смерти, равно как и смерти каждого, на ком останавливается его взгляд или внимание. Только такое осознание и такое чувство смогут в наши дни уничтожить эгоизм, который кристаллизовался в людях.

Принимая во внимание наши сегодняшние воззрения относительно смерти, слова Гурджиева выглядят как рекомендация жить в кошмарном сне. Однако постоянное осознание смерти до неузнаваемости преобразует мир в глазах человека. Он начинает видеть его медленно проплывающим мимо и почти прозрачным, подобным тонкой струйке голубого дыма, растворяющейся в воздухе. И при этом ему становится очевидно, что не за что цепляться, да и некому. Это наводит грусть только до тех пор, пока остается хотя бы малейшая надежда на то, что существует какой-то выход из сложившегося положения - что мы можем еще ненадолго продлить жизнь или что существует какая-то призрачная душа, с помощью которой наше эго выживет после смерти тела. (Этим я не хочу сказать, что не существует никакой жизни личности после смерти, - я говорю только, что вера в эту жизнь продолжает держать нас в рабстве).

Сказанное вовсе не означает, что мы не должны бояться смерти. Мы уже встречались с похожей ситуацией, когда я говорил о том, что нам вовсе не следует стремиться не быть эгоистичными. Подавление страха смерти еще больше усиливает его. Весь смысл здесь в том, чтобы знать - вне всяких сомнений что "я" и все другие "вещи" и "личности", которые сегодня присутствуют, рано или поздно исчезнут. В конце концов это знание заставит тебя отпустить их, но для этого ты должен чувствовать быстротечность жизни уже сейчас и так же ясно, как было

бы в том случае, если бы ты только что свалился с обрыва в Большой Каньон. В действительности ты сорвался в пропасть еще тогда, когда родился, и поэтому цепляться за камни и людей, которые падают вместе с тобой, - совершенно бессмысленное занятие. И так, если ты боишься смерти бойся ее. Идея в том, чтобы отождествиться с этим страхом, дать возможность всему одержать верх - ужасам, привидениям, страданиям, мимолетности, разрушению. И тут ты открываешь нечто удивительное и до сих пор невообразимое: ты никогда не умрешь, потому что ты никогда не рождался. Ты просто забыл, кто ты.

Присутствие друзей может помочь случиться всему этому. Когда мы были детьми, наши другие "я" - родные, знакомые и учителя - сделали все, что от них зависело, для того, чтобы мы поверили в иллюзию собственной независимости. Они помогли нам стать искусными притворщиками, ведь именно в этом смысл высказывания: "Нужно быть настоящей личностью". Обратим внимание на то, что английское слово person (личность) происходит от латинского слова persona, которое вначале означало маску с рупором у рта. Такими масками пользовались актеры, выступавшие на сценах открытых амфитеатров в Древней Греции и Риме. Это были маски, через (per) которые до зрителей доходил звук (sonus). Смерть отрывает нас от persona точно так же, как актеры снимают маски и костюмы в гримерной, которая находится за сценой. И подобно тому как друзья актеров идут за сцену для того, чтобы поблагодарить их за хорошее представление, друзья умирающего должны собраться для того, чтобы помочь ему выйти из своей смертной роли. Им следует отдать ему должное за участие в представлении и, даже более того, отметить с шампанским или с помощью каких-то других ритуалов (которые умирающий выбирает по своему вкусу) великое пробуждение смерти.

Можно привести много других примеров того, как Игра в Черное-и-Белое переходит в Игру Белое-должно-победить. Подобно представлению о борьбе за выживание, этот переход основывается на несознательности, не принятии во внимание взаимозависимости обеих сторон. Любопытно отметить, что это неведение является неотъемлемой частью самой Игры в Черное-и-Белое, потому что забывание или неосознавание взаимосвязи противоположностей являются "прятанием" в Игре в Прятки. Но ведь Игра в Прятки - это в свою очередь Игра в Черное-и-Белое!

В качестве иллюстрации мы можем предпринять экскурс в сферу научной фантастики, которая очень быстро становится нашей действительностью. Прикладная наука может рассматриваться как Игра в Порядок-против-Хаоса (или Игра в Порядок-против-Случайности). Это особенно справедливо в области кибернетики - науки об автоматическом управлении. С помощью научных предсказаний и технических приспособлений мы пытаемся в максимальной степени подчинить себе окружающую среду и наши собственные организмы. В медицине, информатике, производстве, транспорте, финансах, коммерции, строительстве, образовании, психиатрии, криминалистике и юриспруденции мы создаем всевозможные системы "защиты от дурака" для того, чтобы исключить появление случайных ошибок. Чем более мощной становится технология, тем больше мы нуждаемся в средствах контроля. В качестве примеров можно привести системы гарантии безопасности на реактивных авиалайнерах и, конечно же, верхом такого подхода являются устройства, которые разрабатывают специалисты по ядерному оружию для того, чтобы исключить возможность несанкционированного нажатия кнопки. Использование могущественных средств, которые могут изменять организм человека и его окружение, требуют соблюдения многих законов, получения официальных разрешений и учета большого числа разнообразных мнений, что приводит к необходимости создавать все более сложные процедуры получения и хранения информации. В больших университетах, например, есть должности вице-ректоров, в обязанности которых входит работа по поддержанию связи с правительством и целыми армиями секретарей, переворачивающими тонны бумаги. По

временам создается впечатление, что сами эти бумаги и необходимость поддерживать их в порядке намного более важны нежели то, что в них написано. Документы с данными о студентах зачастую хранятся в огромных административных помещениях в сейфах, тогда как с книгами в библиотеках обращаются далеко не так бережно - если, конечно, они не крайне редки и опасны. Таким образом, административное здание становится самым большим и впечатляющим строением во всем студгородке, а преподавателям кафедр все чаще приходится проводить время на длительных служебных совещаниях. Вместо того чтобы проводить научную работу и обучать студентов, они вынуждены заполнять бланки и писать отчеты, без которых работа современного учебного заведения просто немыслима.

По той же причине становится все труднее заниматься независимой трудовой деятельностью. Ведь при этом очень много времени и усилий уходит на то, чтобы подавать во все инстанции финансовые и юридические документы. Без этого нынче не может обойтись ни одно даже самое скромное начинание. Повсеместное распространение средств передачи информации - таких как телевидение, радиовещание, книги и периодические издания - дает возможность одному краснобаю высказываться перед миллионной аудиторией. В то же время с помощью телефона и почты практически каждый житель страны может выразить выступившему свои мнения, среди которых бывают очень лестные и приятные. Однако нет никакой возможности давать миллионам отозвавшихся индивидуальные ответы - особенно в том случае, когда человек просит посоветовать ему лично либо когда речь идет об очень специфических проблемах. Только президент, премьер-министр или директор крупной корпорации может позволить себе содержать достаточно большое количество служащих для того, чтобы справляться со всей этой лавиной информации,

Скорость и объем перевозки пассажиров на далекие расстояния по автомагистралям и по воздуху достигли таких масштабов, что человек не может больше путешествовать по собственному маршруту. С каждым днем все труднее найти место для обычной прогулки, если, конечно, не принимать во внимание существования специальных "резерваций для отдыхающих", называемых государственными парками. Но ближайший к моему дому парк обнесен оградой, а у входных ворот на заборе висит длинный ряд плакатов. Они гласят: ЖЕЧЬ КОСТРЫ ЗАПРЕЩЕНО! ВЫГУЛИВАТЬ СОБАК ЗАПРЕЩЕНО! ОХОТИТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО! СТАВИТЬ ПАЛАТКИ ЗАПРЕЩЕНО! КУРИТЬ НА ТЕРРИТОРИИ ПАРКА ЗАПРЕЩЕНО! ЕЗДИТЬ НА ЛОШАДЯХ ЗАПРЕЩЕНО! КУПАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО! МОЙКА ЗАПРЕЩЕНА! (я никогда не мог понять, что означает эта последняя надпись) ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ НА ПИКНИК ТОЛЬКО В ОТВЕДЕННЫХ ДЛЯ ЭТОГО МЕСТАХ! Целые мили побережья океана, которое когда-то было зоной свободного отдыха, теперь превратились в государственные парки, закрывающиеся в шесть часов вечера. Поэтому никто больше не может устроить здесь пиршество при лунном свете. Никто теперь не имеет права заплывать дальше положенной стоярдовой зоны, которая охраняется спасателями. Все это потому, что "меры безопасности должны соблюдаться прежде всего", а жизнь в наши дни "защищена от дураков" практически во всех отношениях.

Попробуй только прогуляться после наступления сумерек по американскому пригороду. Если тебе удастся проникнуть через заборы из сеток на ухоженную зеленую полосу, тянущуюся вдоль шоссе, через несколько минут возле тебя, так и знай, остановится полицейская машина. "Что вы здесь делаете?" Бесцельное гуляние кажется странным и подозрительным. Ты, наверное, "без определенного места жительства" или вор. Ты даже не выгуливаешь собаку! "Сколько у вас с собой денег?" Ты выглядишь еще более подозрительным, если у тебя их достаточно для того, чтобы оплатить проезд в автобусе. А если у тебя их нет или очень мало, тогда и подавно ясно, что ты бродяга и нарушитель общественного порядка. Посему любой опытный взломщик выезжает "на дело" в "Кадиллаке".

Правильное путешествие в наше время означает перемещение с максимальной скоростью по безопасному шоссе из одного пункта в другой. Но в самых доступных местах с каждым годом собираются все большие толпы туристов, занимая все свободное место автомобилями, так что скоро начинаешь чувствовать, что здесь не на что смотреть. По той же причине становится все более неудобно вести дела в центрах больших городов. Ведь подлинное путешествие должно включать в себя максимум незапланированного странствия, потому что иначе невозможно открывать для себя чудеса и неожиданности - одни только они, как мне кажется, могут быть поводом для того, чтобы не оставаться дома. Как уже говорилось, возможность быстрого перемещения из одного места в другое делает все эти места одним местом. В наши дни Вайкики-Бич является всего лишь смесью Атлантик-Сити, Брайтона и Майами.

Несмотря на то что дома происходит больше неожиданностей, чем в других местах, повышение эффективности коммуникаций и уровня контроля человеческого поведения могут не оправдать возлагаемых на них надежд. Вместо того чтобы сделать нас свободными как птицы в воздухе, может случиться, что мы окажемся прикованными к земле, как грибы. Вся информация будет поступать к нам по сверх реалистическому телевидению и другим электронным приспособлениям, одни из которых уже сейчас разрабатываются, тогда как другие пока еще никому и не снились. С одной стороны это даст человеку возможность пребывать где угодно, не перемещая никуда своего тела. Вероятно, тогда каждый сможет посетить самые отдаленные уголки пространства. Но это уже будет другой тип индивида существо с колоссальной нервной системой, которая простирается далеко-далеко в бесконечность. Более того, эта электронная нервная система будет такой разветвленной, что все подключенные к ней люди будут разделять одни и те же мысли, чувства и переживания. Возможно, тогда будут существовать какие-то особые типы людей, чем-то напоминающие разные виды клеток и органов, которые составляют наши тела. Ведь при этом будет наблюдаться тенденция всех индивидов образовывать в совокупности одно биоэлектронное тело.

Давай рассмотрим удивительные технические средства, которые в наши дни используются для незаметного сбора информации. Речь идет об устройствах слежения, которые уже сейчас широко используются в государственных учреждениях, на фабриках и в крупных магазинах, а также на различных линиях передачи сообщений, таких как, почта и телефон. Изобретение транзисторов и дальнейшие успехи в миниатюризации технических средств дают возможность сделать эти устройства с каждым годом все более незаметными и чувствительными ко все более слабым электрическим сигналам. Все это рано или поздно приведет к тому, что индивид ничего не сможет держать в тайне от других. Вполне может быть и так, что он не сможет даже скрывать свои мысли. В конце концов ни у кого не останется собственного ума - будет существовать лишь один огромный и сверхсложный ум общества. Не исключено, что этот коллективный разум будет наделен такими фантастическими средствами контроля и предвидения будущего, что сможет предсказывать свою судьбу на многие годы вперед.

Однако чем точнее и полнее ты знаешь свое будущее, тем больше у тебя оснований считать, что ты его уже прожил. Когда исход игры становится ясен, мы утрачиваем к ней интерес и начинаем новую партию. Вот почему многие люди не желают, чтобы им предсказывали судьбу: дело не в том, что, по их мнению, все это предрассудки, и не в том, что они боятся, как бы им не напорочили нечто ужасное. Все просто сводится к тому, что чем более определено наше будущее, тем меньше в нем неожиданностей и тем скучнее в нем жить.

Пофантазируем еще в том же духе. Технология должна будет поддерживать равновесие между численностью населения и наличными продовольственными ресурсами. А это повлечет за собой с одной стороны строгий контроль рождаемости, а с другой - поиски новых видов пищи, источником которых будет не только почва, океан и воздух, но и химические процессы

получения питательных веществ из экскрементов и других отходов. Однако в любой замкнутой системе такого рода наблюдается постепенная потеря энергии. По мере исчерпания ресурсов численность населения должна будет сокращаться пропорционально их убыванию. Если к этому, времени цивилизация уже будет чувствовать себя как единая система ум-тело, этот супериндивид увидит, что с течением времени он становится все меньше и меньше. Так будет продолжаться до тех пор, пока последний рот не съест последний кусочек еды. Однако может случиться и так, что задолго до этого люди научатся производить себе подобных из пластика, а им не нужна будет пища. Но разве это не будет равносильно вымиранию всех представителей цивилизации? Ведь в таком случае от последних останутся лишь их пустые пластиковые эхо, продолжающие звучать и дальше во времени.

Для большинства ныне живущих людей эти фантазии кажутся очень зловещими. Подумать только, тогда не будет никакой уединенности и свободы личности, мы не сможем путешествовать, куда захотим, а наша плоть и кость, дерево и камень, фрукты и рыба - все это будет постепенно превращаться в пластик, синтетику и электронные приспособления. При этом художник и музыкант рано или поздно окажутся без дела, потому что компьютеры научатся так хорошо им подражать, что никто не сможет отличить произведение человека от творения компьютера. Теперь напрашивается вопрос о том, сменится ли когда-нибудь биологическое воспроизведение человека с помощью слияния клеток и полового акта каким-то другим типом технологического воспроизведения. Короче говоря, не будет ли следующим шагом эволюции преобразование человека в электронную структуру?

Все эти перспективы могут казаться столь отдаленными, что многие не захотят тратить времени на их обсуждение. Заметим однако, что новые веяния уже вошли в нашу жизнь в очень многих отношениях, и поэтому их нельзя просто так сбросить со счетов. К тому же, как мы видели, скорость технологических и социальных изменений возрастает даже быстрее, чем нам бы этого хотелось. Популярность научной фантастики также свидетельствует об очень глубоком интересе к подобным вопросам. Ведь большая часть произведений этого жанра являются в действительности комментарием к тому, что уже существует. Бывает, что для лучшего понимания происходящего достаточно просто представить себе его будущие последствия. В чем различие между тем, что реально существует сейчас, с одной стороны, и направлением развития с другой? Ведь если я лечу из Лондона в Нью-Йорк, мое движение на запад уже началось, даже если мой самолет еще не вылетел за пределы Британских островов.

Научная фантастика, которой мы здесь развлекались, приводит нас к двум важным выводам. Первый из них состоит в том, что если Игра в Порядок-против-Хаоса будет продолжаться как игра, порядок не должен победить. Ведь по мере того как предвидение дает нам возможность все лучше знать будущее, а средства контроля становятся все более совершенными, игра перестает стоять свеч. Другими словами, мы оказываемся в ситуации, когда нам снова нужно спрятаться, возможно, на этот раз как-то по-другому, чтобы появилась необходимость искать себя каким-то иным способом. Ведь прятание и поиск вместе образуют один удивительный танец бытия. Аналогично можно сказать, что хаос не должен - и скорее всего не может - победить, потому что полярность порядок/хаос так же характерна для мироздания, как и полярность наличие/отсутствие или верх/низ. Некоторые астрономы считают, что наша Вселенная начала свое существование со взрыва, который разметал галактики в пространстве. Опираясь на физический факт возрастания энтропии Вселенной, они заключают, что когда-то в ней останется лишь равномерное излучение. Но я не могу мыслить подобным образом. Наверное, это моя основная метафизическая аксиома, мой "скачок веры": то, что однажды случилось, может повториться. Это не означает, что до взрыва или после взрыва время существовало или будет существовать в его обычном смысле. Скорее речь идет о том, что время

(как и пространство) обладает кривизной и может образовывать циклы.

Это предположение прозвучит еще более убедительно, если мы сформулируем второй вывод, который можно сделать на основе наших фантазий. Для этой цели нам пригодится французская поговорка *plus ça change, plus c'est la même chose* - чем больше что-то меняется, тем больше оно становится тем же самым. Изменение - это в каком-то смысле иллюзия, потому что мы всегда находимся в ситуации, когда любое будущее может подхватить нас! Если случится так, что человечество разовьет у себя новую электронную нервную систему, которая будет простираться далеко за пределы тел индивидов, и при этом все получат возможность пользоваться этими общими электронными умом и телом, то это будет почти в точности то же, что произошло с клетками, которые теперь составляют наши тела. Это нам уже знакомо.

Более того, клетки наших тел и их микроскопические элементы появляются и исчезают во многом подобно тому, как в пространстве распространяются световые волны, или подобно тому, как люди живут от рождения до смерти. Тело человека напоминает вихрь: он характеризуется определенными более или менее постоянными очертаниями, но вихрь этот кружится лишь до тех пор, пока в нем есть вода. Даже сами молекулы и атомы, из которых состоит вода, также являются "вихрями" - структурами движения, в которых нет постоянного и ни к чему не сводимого вещества. Каждый человек - это форма, которую принимает поток, чудесным образом объединяющий в себе молоко, воду, хлеб, бифштексы, фрукты, овощи, воздух, свет, тепло. Хотя все это в свою очередь тоже представляет собой потоки. Так же точно обстоит дело и с учреждениями. Нечто постоянное, называемое нами Калифорнийским университетом, в действительности не содержит в себе ни одного неизменного элемента: студенты, преподаватели, администраторы и даже здания приходят и уходят. Поэтому сам университет по сути представляет собой продолжающийся процесс, структуру поведения людей и вещей.

О способностях предсказания и контроля тоже можно сказать, что они не новы. Ведь у нас есть все основания утверждать, что каждый человеческий организм уже развил их в себе в такой степени, которая бы, несомненно, удивила отдельные нейроны тогда, когда они только начинали образовывать между собой отдельные связи. Поэтому если нам удастся воспроизвести себя в виде механических, пластиковых и электронных структур, это на самом деле случится не впервые. Представители любого эволюционирующего вида, должно быть, смотрят с опаской на тех своих собратьев, у которых появляются первые признаки чего-то нового. Все нормальные существа, конечно, будут считать этих выскочек опасными или сумасшедшими. Более того, этот новый и неожиданный вид воспроизведения является, вообще говоря, таким же диковинным, как и многие другие методы размножения, уже существующие на сегодняшний день в биологическом мире. Мы знаем об удивительном преобразении гусеницы в бабочку, о симбиозе пчел и цветов и о необычайно сложном - хотя и малопривычном для нас - процессе размножения малярийного комара.

Если все это закончится тем, что человечество оставит после себя во Вселенной не что иное, как систему электронных структур, почему это должно нас беспокоить? Ведь сейчас мы уже существуем в точности в таком виде! Органическое вещество и пластик, разум и механизм, нервные волокна и провода, биология и физика - все это, как мы теперь знаем, представляет собой один и тот же сказочный танец элементарных частиц. Наблюдая за ним на макроскопическом уровне, мы не видим этих частиц, но зато замечаем целую гамму форм и "субстанций".

Основная проблема кибернетики, из-за которой эта наука переживает бесконечную последовательность удач/неудач, состоит в необходимости управлять самим процессом управления. Власть - еще не обязательно мудрость. Я могу достичь почти абсолютного всемогущества в управлении своим телом и окружающей средой, но как мне научиться так

управлять собой, чтобы исключить возможность их нерационального и неправильного использования? Генетики и нейрофизиологи скоро, наверное, научатся воспроизводить людей с любым нужным типом характера. Но откуда же они смогут узнать, какие типы характеров будут нам тогда нужнее всего? Бурно развивающейся культуре требуются настойчивые и агрессивные индивиды, тогда как урбанистически-индустриальная культура нуждается прежде всего в общительных и трудолюбивых коллективистах. Принимая во внимание возрастание скорости социальных изменений, следует задаться вопросом, как смогут генетики предвидеть развитие вкусов, темпераментов и мотивов поведения вперед на двадцать-тридцать лет? Кроме того, нельзя забывать, что любое вмешательство в естественное развитие изменяет жизнь самым непредсказуемым образом. Человеческий организм, подвергшийся воздействию антибиотиков, - это уже не тот организм, который был прежде, потому что поведение микроорганизмов в нем после этого вмешательства существенно изменяется. И чем больше человек вмешивается в природу, тем детальнее он должен анализировать постоянно возрастающий объем информации о последствиях своего вмешательства. Ведь мы живем в мире, бесконечное число аспектов которого переплетено между собой невообразимо сложно. Уже в наши дни количество подобной информации даже в наиболее систематизированных отраслях научных знаний так огромно, что ни один человек в течение всей своей жизни не может полностью ознакомиться с ней - не говоря уже о том, чтобы переработать ее.

Решая одни проблемы, технология порождает другие, и мы убеждаемся, что находимся в положении, о котором Красная Королева из "Алисы в Зазеркалье" говорит, что мы должны бежать все быстрее и быстрее лишь для того, чтобы оставаться на месте. Таким образом, ты вправе поставить вопрос о том, дает ли технический прогресс возможность "куда-нибудь прийти" в смысле улучшения жизни и достижения живущими счастья. Несомненно, что в момент появления чего-то нового нас охватывает восторг, и мы чувствуем некоторое облегчение. Так было тогда, когда впервые появились телефон, радио, телевидение, реактивные самолеты, волшебные лекарства и вычислительные машины. Но слишком уж скоро эти новые приспособления становятся привычными, и мы сталкиваемся с проблемами, которые приходят в нашу жизнь вместе с ними. Один преуспевающий ректор университета как-то пожаловался мне: "Я так загружен работой, что вынужден буду скоро приобрести вертолет!" "Что ж, - ответил я ему, - в таком случае ты будешь на коне только до тех пор, пока другие ректоры тоже не обзаведутся вертолетами. Но лучше не покупай вертолет. Ведь тогда каждый будет ожидать от тебя еще большего".

Технический прогресс больше всего впечатляет тогда, когда сравнивают отдельные достижения наших дней с тем, что было когда-то. Один пожилой человек, сэр Седрик Хардвик, сказал в середине 60-ых, что он сожалеет о том, что ему не пришлось пожить в эпоху королевы Виктории - но с пенициллином. Мне тоже очень приятно, что сейчас я не должен пользоваться услугами медицины и зубо врачевания времен моего детства. Однако я понимаю, что достижения в одной области тесно связаны с изменениями, происходящими во всех остальных. Поэтому я не могу пользоваться пенициллином или современными средствами анестезии без того, чтобы в моем мире не было авиации, электроники, средств массовой информации, скоростных автострад и индустриализованного сельского хозяйства - не говоря уже об атомных бомбах и биологическом оружии.

Поэтому если мы взглянем на происходящее с более общей и последовательной точки зрения, весь проект покорения природы покажется довольно иллюзорным. С помощью технических средств мы просто увеличили темп жизни, не изменив своего отношения к ней - все случилось как раз так, как говорила Красная Королева. Однако постоянное увеличение скорости топтания на месте вследствие технического развития обусловлено иллюзией - мы верим, что

человек и природа, организм и его окружение, управляющий и объект управления принципиально различны. Мы "покорили" бы внешнюю природу, если бы вначале или наряду с этим - покорили свою собственную природу. Однако мы не видим природу человека и "внешнего" мира целостно. Подобно этому мы не чувствуем, что "я" как знающий и управляющий - это тот же самый парень, которого я считаю "собой", когда говорю, что знаю нечто о себе или контролирую себя. Осознающий себя механизм обратной связи, появляющийся у человека в результате эволюции коры головного мозга, позволяет нам пребывать под впечатлением, что каждый из нас - это две души в одном теле. Мы считаем себя одновременно рациональным существом и животным, наездником и лошадью, хорошим парнем с полезными инстинктами и утонченными переживаниями и в то же время - негодяем со всевозможными ненасытными желаниями и неуправляемыми эмоциями. Отсюда все изощренные уловки лицемерия: чувство вины и раскаяния, ужасы наказаний и пыток, гонка вооружений и даже благородное стремление творить добро и бороться со злом. Но чем больше человек отождествляется со своей доброй душой, тем яснее проступает в нем неотъемлемая тень этой души, и чем больше человек отгораживается от этой тени, тем более зловещей она становится.

Таким образом, в течение тысячелетий история человечества является удивительно бессмысленным конфликтом. Ведь как бы люди ни старались, их жизнь остается великолепно поставленной драмой, в которой триумфы чередуются с поражениями. И все это потому, что здравый смысл упорно отказывается признать, что Черное не может существовать без Белого. Возможно, никогда еще в истории мира ничто не шло в никуда с таким обилием восхитительной суеты. Как и в том случае, когда Труляля и Траляля согласились соперничать друг с другом, существенной деталью Игры в Черное-и-Белое остается тщательно скрываемый заговор между противоположностями, согласно которому они прячут свое единство и стараются выглядеть как можно более различными. Это напоминает настолько хорошую постановку поединка на сцене, что зрители невольно начинают верить в то, что видят реальную схватку. За кажущимися различиями всегда сокрыто их глубинное единство, которое Веданта называет Абсолют - которому-нет-равных. В этом учении Высшая Реальность является одновременно тем, что есть, и всем, что есть. Более того - Она спряталась в тебе так, что ты ее пока не видишь. Но если это фундаментальное единство индивидуального "я" и всего мира человека и Вселенной реально, как могло случиться, что наше поверхностное сознание даже не догадывается об этом?

Глава III. КАК БЫТЬ ИСКУСНЫМ ПРИТВОРЩИКОМ

Итак, кот уже выпущен из мешка. Тайные сведения оглашены во всеуслышание, и ты теперь знаешь, что тебя разыграли. Тебе сказали, что ты "пришел в этот мир" для того, чтобы некоторое время пожить в нем в мешке из кожи. И ты настолько поверил в эту мистификацию, что до сих пор притворяешься "всего лишь маленьким я". Но в действительности ни одна из вещей во Вселенной и ни одно из событий, происходящих в ней, неотделимы от всего сущего. Таким образом, единственно реальные Ты и Я - это Целое. По этой причине оставшаяся часть книги будет попыткой сделать это столь очевидным, что ты не просто поймешь это на словах, но и почувствуешь, что так оно и есть. Первым шагом к такому осознанию является как можно более ясное понимание того, как вся эта мистификация началась.

Прежде всего мы должны разобраться с особенностями и характером самого розыгрыша. Я уже не один год пытаюсь выяснить, как люди чувствуют и осознают существование своей личности - какие конкретные переживания они ассоциируют со своим "я".

Лишь некоторые люди, по-видимому, пользуются этим словом для обозначения своего физического организма. Высказывание "Я обладаю этим телом" распространено гораздо шире, нежели высказывание "Я являюсь этим телом". Мы говорим о "своих" ногах точно так же, как и о "своей" одежде, ведь мы убеждены, что "я" не претерпевает никаких изменений даже в том случае, когда ноги приходится ампутировать. Мы говорим: "Я разговариваю, я иду, я думаю и (даже!) я дышу". Но мы не говорим: "Я формирую свой скелет, я отращиваю ногти или я обращаю кровь". Мы склонны использовать слово "я" для обозначения чего-то внутри тела, но, по существу, к телу не относящегося. Ведь большая часть процессов, протекающих в теле, происходит так же независимо от "я", как и внешние события. Таким образом, получается, что слово "я" мы используем для обозначения центра волевого поведения и сознательного внимания, хотя при этом мы не всегда последовательны. Дыхание, например, лишь отчасти подчинено нашей воле. Кроме того, мы говорим: "Я болел, я видел сон и я уснул" так, будто в этих случаях речь идет о наших собственных действиях. Однако никто не сомневается в том, что все это в действительности случается с нами произвольно.

И в то же время "я" обычно связывают с каким-то местом в теле, хотя разные люди говорят при этом о разных местах. В некоторых культурах принято считать, что "я" локализовано в области солнечного сплетения. Среди китайцев, например, распространено мнение, что син - ум-сердце или душа находятся в центре груди. Но большинство людей Запада склонны считать, что их эго живет в голове, тогда как все другие члены тела болтаются в пространстве вокруг этого центра. Им кажется, что эго пребывает внутри головы сразу же за глазами и где-то между ушами. Это можно себе представить следующим образом: под сводом черепа сидит оператор в наушниках и наблюдает за телеэкранами, которые подключены к глазам. Перед ним находится огромная панель с приборами и переключателями, с помощью которых можно приводить в действие различные части тела. Информация со всего тела поступает на эту панель управления. Глядя на нее, оператор судит о том, ведет ли тело себя так, как он хочет.

Этот человек "видит" то, что открывается нашим глазам, "слышит" звуки, "чувствует" наши настроения и "переживает" события, в которых мы участвуем. Но это описание явно содержит избыточные детали, потому что видение того, что открывается нашим глазам, - это просто видение, слышание звуков - это просто слышание и т.д. Очень частое использование подобных многословных конструкций в нашей повседневной речи свидетельствует о том, что большинство людей отделяют себя от своих мыслей и переживаний. Все это становится еще увлекательнее и запутаннее, когда мы задаемся вопросом, имеет ли наш человек у себя в

голове еще одного оператора, и так до бесконечности!

Жил да был молодой человек. Он сказал:

"Хотя кажется мне, что я знаю, что знаю,

Весьма бы недурственно было увидеть

То самое "я", что находит "меня",

Когда знаю я то, что я знаю, что знаю.

Одной из самых важных частей оборудования, которым пользуется человек, являются средства запоминания и хранения информации. Речь идет о тех сведениях, с которыми он постоянно "сверяется", чтобы знать, как правильно интерпретировать сигналы, поступающие от органов чувств, и как следует реагировать на них. Без этой части оборудования у него не было бы чувства постоянства - он не мог бы знать, что является тем же самым оператором, которым был несколько секунд назад. Хотя воспоминания и являются гораздо более изменчивыми и ненадежными источниками информации, нежели фотоснимки или магнитные ленты, их наполнение составляет неотъемлемую часть деятельности эго. Благодаря воспоминаниям нам кажется, что "я" - то есть мой человек внутри головы - представляет собой нечто намного более постоянное, чем окружающая обстановка. Может показаться, что сознательная личность - это раз и навсегда установленное зеркало, которое отражает происходящие с человеком события. Это в свою очередь усиливает чувство изолированности человека и его убежденность в том, что личность меняется намного медленнее, чем внешние события и внутренние эмоции. В результате создается устойчивое впечатление, что "я" - это независимый наблюдатель происходящего. Однако не следует забывать, воспоминания во многом подобны вихрям. Нам кажется, что сознательное внимание считывает их точно так же, как компьютеры считывают данные магнитных дисков или других носителей информации. Но в действительности память - это устойчивая структура движения, скорее напоминающая вихрь, а не какую-то неизменную сущность - подобную зеркалу, восковой дощечке или листу бумаги. Если воспоминания хранятся в нейронах, у нас нет никакой возможности стоять в стороне от потока событий, потому что сами нейроны являются неотъемлемой частью этого потока, который охватывает все происходящее вне и внутри тела. В конце концов твои нейроны - это часть моего внешнего мира, а мои - часть твоего! Все наше внутреннее является внешним, частью этого физического мира. Но в свою очередь все внешнее не обладает цветом, формой, весом, температурой и движением без наших "внутренностей", которыми являются мозг и нервная система. Мир наделен всеми этими качествами только в связи с мозгом, который в свою очередь является его частью.

Куда бы люди ни помещали свое эго и в какой бы мере они ни отождествляли его со своим физическим телом, почти всегда их мнения сходны в том, что "я" человека не выходит за пределы его кожи. У Шекспира король Джон говорит о себе Губерту: "В стенах этой плоти пребывает душа, почитающая себя твоим должником" ("Король Джон", 3.3). Кожа всегда рассматривается как стена или грань, которая явно отделяет человека от окружающего мира. И это несмотря на то, что она пронизана микроскопическими порами, поглощающими воздух, и многочисленными нервными окончаниями, дающими нам сведения о происходящем вокруг. Кожа не только информирует нас о мире, но и дает миру сведения о нас: это не просто барьер, это еще и мост. Тем не менее мы глубоко убеждены в том, что за пределами "стен этой плоти" находится враждебный мир, которому почти нет до нас дела. И поэтому мы вынуждены тратить огромные усилия на то, чтобы влиять на него, привлекать его внимание либо добиваться изменения его отношения к нам. Мы знаем, что мир был до нашего рождения и будет продолжать существовать после нашей смерти. И поэтому нам кажется, что мы живем в нем временно, в роли его незначительных фрагментов, в полном одиночестве и отрыве от других.

Эта иллюзия имеет свою историю в традициях нашего мышления - в образах, стереотипах,

мифах и языке, которым пользуется человечество в течение тысячелетий для того, чтобы описывать происходящее. Влияние, которое все эти средства оказывают на наше восприятие, может быть по праву названо гипнотическим. Заметим, что именно благодаря словам гипнотизер создает у испытуемых иллюзию и по своей воле изменяет их поведение. Для этого, прежде чем им что-либо внушать, он требует, чтобы они глубоко расслабились и сосредоточили на его словах свое сознательное внимание. Цирковой фокусник также проделывает большинство своих трюков, отвлекая внимание публики быстрой болтовней. Иллюзорные переживания под гипнозом могут быть очень яркими и казаться реальными человеку даже после того, как он уже вышел из состояния так называемого "гипнотического транса".

Все обстоит так, как если бы человечество договорилось до того, что ввело себя в гипнотическое состояние, в котором иллюзия его кажется совершенно реальной. И нам некого в этом обвинить, кроме самих себя. Мы не пали жертвой заговора, организованного каким-то далеким Богом или тайным обществом злоумышленников. Если и есть какая-то биологическая причина возникновения этого заблуждения, то она кроется в способности человеческого мозга быть сознательно внимательным. Эта способность идет рука об руку с умением осознавать себя - знать о собственных знаниях и думать о собственном мышлении с помощью слов и образов. Как писатель, я сталкиваюсь с затруднением, которое возникает, когда с помощью слов пытаешься развеять иллюзии, возникшие вследствие неправильного обращения со словами того же языка. Успех мне обеспечен только в том случае, когда я смогу "вылечить подобное подобным".

Если не принимать во внимание такие человеческие выдумки как здания и дороги (особенно римские и американские дороги), наша Вселенная, частью которой являемся мы сами, чрезвычайно извилиста. Отдельные ее части нелинейны как по форме, так и по содержанию. Облака, горы, растения, реки, животные и береговые линии - везде извилистость. Окружающий мир является таким хитросплетением извиляющихся очертаний, что мы испытываем затруднения с тем, чтобы определить, где в пространстве и времени заканчивается одна извилина и начинается другая. Какой-то французский классификатор восемнадцатого века пожаловался на то, что Творец сильно сплосховал, когда не удосужился разместить звезды на небесной сфере так, чтобы они образовывали какие-то симметричные рисунки. Ведь когда мы смотрим на звездное небо, у нас создается впечатление, что мы видим капельки волны разбившейся о прибрежные скалы. Зададимся теперь вопросом о том, одна ли вещь извивается в целом мире, или существует много вещей, каждая из которых извивается по-своему? Действительно ли существуют "вещи", которые извиваются, или эти извивания и являются на самом деле вещами? Все зависит от того, как мы посмотрим на мир.

Многие тысячелетия назад некий гений обнаружил, что такие извилины, как рыбы и кролики, могут быть пойманы с помощью сети. Намного позже какой-то другой гений задумал поймать в сеть целый мир. Сам по себе мир развивается как-то так:

А теперь взгляни, как выглядит эта извилина через сеть, накинутаю на нее:

Сеточка "разбила" большую извилину на множество маленьких, каждая из которых оказалась в квадратике одного и того же размера. Хаос подчинился порядку. Теперь мы уже можем сказать, что эта извилистая вещь проходит через столько-то квадратиков в горизонтальном направлении и столько-то - в вертикальном. Мы можем также сосчитать, сколько всего квадратиков она занимает. Ушли столетия на то, чтобы похожую сеть наложить на наблюдаемый мир. И вот теперь мы имеем разбиение небесной и земной сфер по долготе и широте, миллиметровую бумагу для вычерчивания математических кривых, названия предметов, их определения в толковом словаре и туристические карты исторических мест. Таким образом, сеть стала одним из неотъемлемых атрибутов человеческой мысли. Но при этом она остается

образом, существующим лишь в нашем сознании. Ведь точно так же, как невозможно воспользоваться линией экватора, чтобы увязать сверток, точно так же реальный извилистый мир протекает, как вода, через наши воображаемые сети. Как бы детально мы ни разделяли, пересчитывали и классифицировали все составляющие этот мир вещи и события, наш труд будет всего лишь одним из способов описания мира - мира, который реально неделим.

Еще одним впечатляющим образом, который владеет умами многих людей, является Керамическая Модель Вселенной. Она дает нам возможность считать, что все вещи созданы из одной или нескольких фундаментальных субстанций подобно тому, как все горшки делаются из глины. В Библии ведь сказано, что Бог сотворил Адама из пыли. Особенно много сумятицы Керамическая Модель внесла в умы философов и ученых, которые в течение столетий ломали себе голову над такими идиотскими вопросами: "Как форма (или энергия) влияет на материю?", "Что такое материя?", "Что происходит с формой (душой), когда она покидает материю (тело)?", "Как случилось так, что "простая" материя приняла столь сложные очертания?", "Как связаны ум и тело?" и т.д.

Вопросы, на которые слишком долго не удастся найти ответы, нужно всегда проверять на предмет того, правильно ли они поставлены. Хорошим примером в данном случае служит проблема причины и следствия. Не задумываясь раздели процесс на две части, забудь, что ты сделал, а затем столетиями решай головоломку о том, как эти части связаны между собой. То же самое можно сказать и о "форме" и "материи". Поскольку никому до сих пор не посчастливилось обнаружить бесформенный кусок материи или нематериальную форму, уже давно должно быть очевидно, что с Керамической Моделью что-то не ладится. Мир не создан из материи точно так же, как деревья не "сделаны" из дерева. Мир - это не форма и не материя, потому что эти два слова используются для грубого описания одного и того же процесса, о котором мы получаем смутное представление, произнося слова "мир" или "существование". Однако в наш здравый смысл очень глубоко внедрилась одна иллюзия - мы верим, что каждая форма наполнена какой-то фундаментальной "субстанцией" или сделана кем-то из нее. Но при этом мы полностью забываем о том, что и слово "материя", и слово "мера" происходят от одного санскритского корня матр "измерять" и что понятие "материальный мир" означает не что иное, как измеримый или измеренный мир. При этом в качестве единиц измерения используются такие абстрактные сети или матрицы, как дюймы, секунды, граммы, децибелы. Понятие "материальный" часто используется как синоним понятия "физический", которое происходит от греческого слова *physis* (природа) и древнего индо-европейского *bheu* (становиться). Происхождение этих слов никак не наводит нас на мысль о том, что материальный или физический мир сделан из какой-то субстанции. Только обнаружение этой субстанции могло бы как-то оправдать Керамическую Модель, которую, начиная с этого момента, мы будем называть Моделью Разбитого Горшка.

Однако подход к миру с точки зрения Модели Разбитого Горшка ввел в заблуждение не только философов и ученых. Он лежит в основе двух главных мифов, которые уже не одну сотню лет владеют умами представителей западной цивилизации. Именно эти мифы, появившись друг за другом, сыграли и продолжают играть существенную роль в формировании иллюзии "реальной личности".

Если мир по существу представляет собой "всего лишь вещество", подобное глине, очень трудно вообразить себе, как это инертное тесто может двигаться и изменять свои очертания. Таким образом, следует ожидать, что энергия, форма и разум пришли в мир откуда-то извне. Тесто кто-то должен был замесить. Поэтому считается, что мир является творением чьих-то рук, напоминая чем-то кувшин, статую, стол или колокольчик. А это значит, что есть кто-то, кто его сделал и, кроме того, создал исходное вещество. Ведь глину тоже как-то нужно было "сделать".

В Книге Бытия первичная субстанция, которая "была безвидна и пуста", уподобляется воде (Быт. 3 - 2). И точно так же, как в безветренную погоду на поверхности воды не может быть волн, ничего не могло произойти до тех пор, пока "Дух Божий не пронесся над водою". Поэтому движение материи и придание ей формы приписывается разумному Духу сознательной силе и энергии, воздействующей на материю так, что ее очертания возникают и исчезают, рождаются и умирают.

Однако ни у кого не возникает сомнений по поводу того, что в мире, каким мы его знаем, не все в порядке. Поэтому люди задаются естественным вопросом о том, можно ли связывать появление зла в этом мире с тем Разумом, который оказался в состоянии сотворить все в самом начале. Мы никак не можем поверить в то, что жестокость, страдания и зло появились в мире непосредственно из Источника и Основы Бытия. Мы упрямо надеемся, что по крайней мере Бог является воплощением нашего идеала мудрости и справедливости. (Здесь мы не будем вдаваться в детальный анализ этой сказочной и неразрешимой Проблемы Зла, которая порождена Моделью Разбитого Горшка. Достаточно лишь отметить, что Проблема возникает при использовании только этой модели). Народы, которые изобрели этот миф, управляли патриархи и цари. Видя перед собой таких супер-владык, как монархи древнего Египта, Халдеи или Персии, люди вполне естественно начинали думать, что Бог - это Монарх Вселенной, наделенный совершенной мудростью и справедливостью, любовью и милостью, но в то же время строгостью и взыскательностью. Сейчас я, разумеется, говорю о том, как представляли себе Бога простые люди, а не самые проникательные иудейские, христианские или мусульманские теологи. Ведь на здравый смысл оказывал влияние скорее яркий и широко распространенный образ, нежели утонченная метафизическая концепция, известная немногим.

Представление о Боге как о Существе, подобном человеку, находящемся за пределами мира и существующем отдельно от него, дало возможность людям развить эти идеи дальше. Они начали считать, что жизнь основана на разуме и что законы природы везде одни и те же, потому что являются волей одного творца. К тому же теперь у них появился повод для того, чтобы сколько угодно изощряться, пытаясь вообразить себе возвышенные качества этого совершенного верховного Существа. Это представление дало также каждому возможность чувствовать себя важным и нужным. Ведь этот Бог непосредственно осознает все, что происходит даже с самыми мельчайшими пылинками и вибрациями энергии, потому что без этого ничто не может существовать. Кроме того, это осознание является любовью - по крайней мере в отношении к ангелам и людям. Это подтверждается еще и тем, что он уготовил им после смерти вечную жизнь, состоящую из чистого блаженства. Вечная жизнь, конечно, дается не бесплатно, и те, кто умышленно и настойчиво действуют вопреки божественной воле, не подчиняясь ей, будут вынуждены проводить свою вечность в столь жутких муках, сколь прекрасно на небесах блаженство добрых и преданных.

Недостатки этого образа Бога в том, что он слишком уж хорош. Дети, выполняющие задание на уроке, почти всегда чувствуют неловкость, когда учитель заглядывает им в тетрадь поверх плеча, даже если это добрый и уважаемый учитель. Насколько более тягостно постоянное осознание того, что Учитель учителей наблюдает за каждым нашим действием, мыслью и эмоцией и что нигде на земле и на небе невозможно укрыться от этого всевидящего и судящего Ока!

Поэтому многие испытали громадное облегчение, когда западные мыслители подвергли сомнению состоятельность этого образа и пришли к выводу, что гипотеза о существовании Бога не помогает описывать и предсказывать развитие природы. Если все является творением и волей Бога, говорили они, это утверждение имеет не больше смысла, чем слова "Все находится наверху". Но, как часто случается в подобных ситуациях, когда один тиран свергнут, на его месте

оказывается еще худший. Миф о разбитом горшке продолжает владеть умами людей, хотя Горшечника давно упразднили. Мир по-прежнему рассматривают как оригинальное изобретение, теперь уже считается, что оно работает по принципу автомата. Законы природы остались, хотя законодателя уже нет. Верующий нынче говорит, что Господь сотворил эту машину, включил ее, а затем уснул или уехал отдыхать. Однако атеисты, натуралисты и агностики скажут, что мир полностью механичен. Он сам построил себя, хотя и без какой-либо цели. В наши дни считается, что материя состоит из атомов, похожих на бильярдные шарики. Эти атомы столь малы, что их дальше уже нельзя ни делить, ни изучать. Выбрось теперь эти атомы в пространство и пусть они там сталкиваются и образуют всевозможные комбинации - в результате через некоторое время они окажутся упорядоченными так, как мы их сейчас видим. Ведь такой момент обязательно наступит, если дать им возможность полетать в пространстве бесконечно долго. Все та же старая история с обезьянами и печатными машинками: представь их обезьянам, и с вероятностью, отличной от нуля, в конце концов они напечатают "Британскую Энциклопедию".

В Полностью Механической Модели Вселенной форма и вещество существуют в виде энергии и материи. Ум и тело человека также являются частями этой системы, и поэтому их разумность и чувствительность обусловлены теми же самыми случайными движениями атомов. Но затруднение с обезьянами и печатными машинками состоит в том, что когда они уже будут допечатывать до конца "Британскую Энциклопедию", в любой момент может случиться так, что они снова неожиданно разразятся потоком бессмыслицы. Поэтому если люди желают и дальше существовать в этом упорядоченном состоянии, которое случайно выпало на их долю, они должны трудиться не покладая рук. Ведь иначе они никак не смогут преодолеть все те неразумные случайные препятствия, которые им на каждом шагу воздвигает природа. Этот миф весьма недвусмысленно подчеркивает, что материя неразумна, а энергия слепа. Поэтому распространено мнение, что за исключением человека и некоторых животных вся природа представляет собой глупый и нечувствительный механизм. В этой ситуации те немногие, которые продолжают верить в Кого-то-Там-Наверху, подвергаются насмешкам. Их называют мягкотелыми выдумщиками, принимающими желаемое за действительность, и ничтожными слабаками, не способными взглянуть в лицо фактам. А факты говорят, что человек живет в незавидном положении в безжалостной Вселенной, в которой выживание является привилегией одних лишь "крутых парней".

Если традиционный слишком-уж-проницательный Бог и приходился кому-то не по вкусу, то облегчение, которое люди испытали, когда его не стало, было очень непродолжительным. Его сменил Космический Идиот, и вскоре все почувствовали себя еще более чем когда-либо чужими в этой Вселенной. В этой ситуации стала еще более убедительной иллюзия одиночества и отделенности эго (теперь уже "ментального механизма"). А люди, называющие себя натуралистами, развязали войну с природой, равной которой не знает история человечества. В том или ином виде миф о Полностью Механической Модели стал чрезвычайно правдоподобным, а в научных и академических кругах он считается такой же непоколебимой доктриной, как были когда-то для теологов богословские догмы. И это при том, что современная физика и биология убедительно свидетельствует о несостоятельности этой модели. Но дело здесь в том, что на мифы тоже существует мода. Воинствующий Запад в девятнадцатом веке нуждался в так называемой "философии жизни"[\[8\]](#), которая придавала бы победам бесчувственных людей смысл практической политики. Ведь чем бледнее выглядит жизнь в твоих глазах, тем более оправданным тебе кажется воинственное отношение к ней. Поэтому мы изо всех сил старались сделать Полностью Механическую Модель Вселенной самой бесцветной из всех возможных.

И в то же время она была и остается мифом со всеми положительными и отрицательными чертами образного построения, с помощью которого люди пытаются объяснить мир. Сомнительно, что западная наука и технология вообще были бы возможны, если бы мы не пытались понять природу в рамках механических моделей. Как заметил Джозеф Нидхэм, за тысячи лет китайцы несмотря на высокий уровень их культуры - не сделали больших научных открытий, потому что им никогда не приходило в голову думать о природе как о механизме, который "состоит" из отдельных частей и "подчиняется" определенным логическим законам. Их видение Вселенной было органическим. Такой подход исключал описание мира в виде большого числа бильярдных шаров, которые толкают друг друга, образуя длинные последовательности событий, связанных по закону причины и следствия. То, что для нас является причиной и следствием, было для них неделимыми сторонами одного события, как левая и правая стороны одной вещи. "Части" их Вселенной не разделялись, а были так же тесно переплетены между собой, как акт купли-продажи.[\[9\]](#)

Как бы мы ни описывали Вселенную, с помощью Модели Разбитого Горшка или Полностью Механической Модели, она в обоих случаях "сделана" - то есть составлена из небольших фрагментов, лежащих в основе всего, что существует в мире. Поэтому распространилось мнение, что природу следует изучать с помощью микроскопов и анализа, тем самым определяя, как эти фрагменты соединены между собой и что они собой представляют. Такова в средние века была точка зрения философов-номиналистов, которые упрямо не соглашались с тогдашними реалистами. Последние тогда считали, что такие "субстанции" как Человечество и Человеческая Природа реальны и лежат в основе своих "частных проявлений" в виде мужчин и женщин. Поэтому каждый индивид рассматривался ими как пример человеческой "субстанции". Следует отметить, что это слово тогда обозначало не "материю" или "вещество", а нечто типа эссенции, стоящей (stance) за (sub) своими частными проявлениями. Номиналисты же утверждали, что это бессмыслица. Для них Человечество представляло собой не что иное как сумму всех своих индивидов. Это слово, по их мнению, обозначало не субстанцию, а совокупность живых существ: оно было не названием реальной сущности, а обычным символическим обозначением.

Номинализм, как известно, стал господствующей традицией западной мысли, что особенно проявилось в философии науки. В восемнадцатом веке Руссо дошел даже до утверждения, что Общество и Государство были когда-то созданы по договоренности между людьми. Общество рассматривалось им как клуб бизнесменов "Ротари". Индивид вступал в него и тем самым отказывался от собственной независимости. Однако современная сайентология исходит из представления о том, что человек изначально является социальным существом хотя бы уже по той причине, что он не может появиться на свет без отца и матери, которые сами по себе уже общество. Вплоть до недавнего времени в западной науке господствовало мнение о том, что животные и растения, камни и газы - все "составлено" из фрагментов. Последними могут быть молекулы, клетки, атомы и другие частицы, но в любом случае целое составлено из них подобно тому, как дом сложен из кирпичей.

Последовательного номиналиста всегда легко убедить в том, что в действительности не существует такого объекта, как тело человека. Есть лишь отдельные его молекулы и атомы - но их в свою очередь нельзя считать реальными, потому что они составлены из элементарных частиц: электронов, протонов, нейтронов и т.д. Однако, если задуматься, то станет очевидно, что человеческое тело - это не просто совокупность этих всех частиц. Целое всегда больше суммы своих частей уже хотя бы потому, что его научное описание должно отражать его устройство или структуру. Это значит, что нужно еще знать, как эти частицы упорядочены и что они делают.

Человек за микроскопом

Так советует тебе:

"Не спрашивай, что это,
Спроси, что делает оно".

Но оказывается, что даже этого еще не достаточно. Мы должны еще спросить: "В каком окружении все это происходит?" Ведь характеристика человеческого тела должна включать в себя описание поведения его частей - то есть их действий. Однако это поведение будет одним в том случае, когда человек находится на открытом воздухе, и совсем другим - когда он оказался в вакууме, в огне или под водой. Кровь в лабораторных пробирках - это не то же самое, что кровь в сосудах тела, потому что она ведет себя в пробирках совсем не так, как в теле. Ее поведение изменилось потому, что изменилось ее окружение, или контекст ее существования. Подобно этому смысл одного и того же слова будет меняться в зависимости от предложения, в котором оно встречается. Существует огромная разница между ключом, бьющим из-под камня, и ключом от замка.

Таким образом, для понимания происходящего недостаточно описать, определить и попытаться понять вещи и события, анализируя их составные части и выясняя "как они устроены". Подобный анализ говорит нам немало, но все же не больше половины всей информации об объекте. В наши дни ученые все больше убеждаются в том, что вещи нельзя рассматривать в отрыве от окружающего мира и событий, происходящих в нем в момент наблюдения. В таком случае описание вещи или события обязательно должно включать в себя характеристику окружения. А значит, любая вещь идет вместе со своим окружением настолько тесно и нераздельно, что между ними очень трудно провести грань.

Эта крупица истины отразилась еще в древней и не очень надежной науке, которая называется астрологией, - как есть крупица истины в алхимии, гомеопатической медицине и других примитивных науках. Ведь для того, чтобы нарисовать картину человеческой судьбы, астролог должен вначале построить гороскоп - то есть очень упрощенно и грубо воссоздать состояние Вселенной в момент рождения человека. А это недвусмысленно свидетельствует о том, что душа человека, или его глубинное Я, - это ни что иное как весь космос, центрированный в той точке пространства-времени, где происходит событие, называемое Джон Смит. Таким образом, не душа находится в теле, а тело - в душе. Ведь душа человека представляет собой всю совокупность процессов и взаимоотношений, которые образуют его окружающий мир, без которого он ничто. Научная астрология - если таковая когда-нибудь будет разработана должна будет делать свои выводы на основе детального описания окружения индивида во все моменты его жизни, причем нужно будет принимать во внимание не только астрономический, но и социальный, ботанический, биологический и метеорологический контекст.

Однако в настоящее время мы описываем индивида с помощью своего узкого сознательного "луча", за рамками которого остается все поле его взаимосвязей с миром, или его окружение. Не удивительно, что мы и чувствуем себя соответственно. "Индивид" - это латинский аналог греческого слова "атом", которое обозначает то, что дальше уже нельзя делить на части. Мы не можем отрубить человеку голову или вынуть его сердце и тем самым не погубить его. Но с таким же успехом мы можем убить человека, если изолируем его от окружающей среды. Это означает, что единственным настоящим атомом является Вселенная - полная система взаимосвязанных "вещей-событий", которые можно разделить только на слова. Ведь человека не собирают как машину. Его жизнь в мире не начинается с того, что голову прикручивают к шее, мозг соединяют с легкими, а к сердцу приваривают вены. Голова, шея, сердце, легкие, мозг, вены, мышцы и железы внутренней секреции - все это разные слова для обозначения одновременных и взаимосвязанных событий. По аналогии с этим можно утверждать, что

индивид отделен от своего окружения лишь на словах. Хотя это не очевидно, тебя вводит в заблуждение твое имя. Путая слова с тем, что они обозначают, постепенно ты пришел к тому, что поверил в свою отделенность на том основании, что у тебя есть отдельное имя. Это означает скорее даже буквально - что тебя заколдовали.

Естественно, что одного лишь имени недостаточно для того, чтобы ввести человека в заблуждение, убедив его необходимостью быть "настоящей личностью". Важную роль сыграло и все то, что сопутствует имени. Чувство это появляется у ребенка под влиянием настроений, слов и действий всех тех, кто окружает его: родителей, родственников, учителей. Но больше всего способствуют возникновению у него этого чувства его уже околпаченные сверстники. Другие учат нас тому, кто мы такие. Их отношение к нам является зеркалом, в котором мы видим себя, но это зеркало неизбежно вносит искажение. Крайне редко мы явно осознаем то громадное влияние, которое оказывает на нас социальная среда. Почти никто не знает, например, что наши самые сокровенные мысли и эмоции в действительности не являются нашими собственными. Ведь мы мыслим с помощью языка и образов, которые были не изобретены нами, а получены в процессе воспитания в обществе. Мы заимствовали эмоциональные реакции у своих родителей. Так мы узнали, в частности, что запах кала отвратителен, а рвота - неприятное переживание. Страх перед смертью мы также переняли у них, глядя на всю суету, которая начинается, когда кто-то заболевает или умирает. Наше социальное окружение оказывает на нас такое влияние именно потому, что между нами и обществом существует глубокая взаимосвязь. Общество - это продолжение наших ума и тела.

Однако то самое общество, без которого индивид не может существовать, использует весь неодолимый вес своего влияния с целью убедить индивида в том, что он на самом деле может вести себя независимо от него! Следовательно, общество в том виде, в котором мы его сегодня знаем, играет в игру с противоречивыми правилами. Ведь другие могут убедить нас в чем-то именно потому, что все мы реально взаимосвязаны. Так каждый из нас получает представление о том, что является независимым источником инициативы, которая исходит из его ума. Однако чем лучше обществу удастся привить своим членам это чувство, тем сложнее ему заставить людей сотрудничать. Поэтому неудивительно, что воспитание детей осуществляется в обстановке, которая постоянно вводит их в заблуждение.

Подобная ситуация в психологии называется "замкнутым кругом". Человек оказывается в замкнутом кругу, когда приказ или просьба, обращенные к нему, содержат скрытое противоречие. "Перестань вести себя неестественно!" "Попытайся расслабиться". Или знаменитый вопрос адвоката, который был задан человеку, обвиняемому в том, что он жесток по отношению к своей жене: "Вы уже прекратили избивать свою жену? Отвечайте: да или нет!" Как бы человек ни ответил в этой ситуации, он окажется в невыгодном положении. В отношениях между людьми (и особенно в семье) подобные ситуации возникают повсеместно. Жена жалуется мужу: "Не кажется ли тебе, что с тех пор, как мы поженились два года назад, ты ни разу не взял меня с собой в кино? Но ведь все было совсем по-другому, когда ты ухаживал за мной. Думаю, что ты начинаешь относиться ко мне как к чему-то само собой разумеющемуся". Муж, осознавший свою ошибку, возвращается вечером с работы и говорит: "Дорогая моя, сходим в кино после ужина?" А она отвечает: "Небось, не предложил бы, если бы я тебе сегодня не пожаловалась!"

Общество в том виде, в каком мы его знаем, ставит ребенка в подобные ситуации каждый день, начиная с его самого раннего детства. Прежде всего ребенку внушают, что он ответствен за свои действия и может сам, независимо от других, решать, о чем ему думать и как себя вести - то есть что он является чем-то типа маленькой Первопричины. И он начинает в это верить именно потому, что это не так. Он не может выбирать, принимать или не принимать то, чему его учат,

точно так же, как он не решает, в каком обществе ему рождаться. У него нет никаких возможностей оказывать сопротивление этому влиянию окружающих людей, ведь оно постоянно сопровождается поощрениями и наказаниями. Суть этого воздействия отражается даже в языке, который он изучает. Иллюзию ему вбивают в голову вместе со следующими замечаниями: "Ты совсем не похож на себя, когда так поступаешь". Или: "Не обезьянничай - будь собой!" А вот как говорят, когда ребенок восхищается кем-то и невольно начинает ему подражать: "Джонни, это на тебя не похоже. Так ведет себя Питер!" Невинная жертва внушения не может понять этого парадокса, ведь в другой раз ему скажут, что он может и имеет право сам решать, как себя вести. На него оказывают огромное давление для того, чтобы убедить его в том, что никакого давления не существует. Общество, от которого он неизбежно зависим, навязывает ему роль своего независимого члена. Кроме того, ему - свободному действующему лицу - приказывают делать то, что может быть приемлемо только в том случае, когда оно случается произвольно! "Ты должен по-настоящему любить нас", - говорят родители, тетушки, дядюшки, братики и сестрички. "Все послушные дети любят своих родителей и без напоминания делают все, что нужно".

Другими словами: "Мы требуем того, чтобы ты любил нас, потому что ты сам этого хочешь, а не потому что мы заставляем тебя". В какой-то мере эта бессмыслица связана с тем, что слово "должен" иногда выражает условие ("Для того, чтобы быть человеком, у тебя должна быть голова"), а иногда требование ("Ты должен убирать свои игрушки"). Дети, разумеется, путают эти ситуации, что приводит их в замешательство. Никто не прилагает усилий для того, чтобы обладать головой. В то же время родители утверждают, что для того, чтобы ребенок был здоров, он должен регулярно ходить на горшок, пытаться уснуть и прилагать усилия для того, чтобы сосредоточить внимание. Можно подумать, что всего этого достигают напряжением мышц.

Дети не могут выявлять противоречия в требованиях родителей, и даже если бы какой-то вундеркинд смог это сделать, ему сразу же сказали бы "не огрызаться" и с большим уважением относиться к "старшим и более опытным". Вместо того, чтобы ясно изложить своим детям правила игры в общество, мы безжалостно оболваниваем, их, потому что мы - ныне взрослые - тоже когда-то были детьми, которых точно так же обманывали их родители. В результате мы сами не понимаем, во что играем.

Существование в ситуации, напоминающей замкнутый круг, - это игра с самопротиворечивыми правилами. Она обрекает игроков на постоянное разочарование, подобно попыткам изобрести вечный двигатель, работающий по законам ньютоновской механики, или решить задачу трисекции угла с помощью циркуля и линейки. Вот примеры самопротиворечивых правил игры в общество:

Первое правило игры гласит, что это не игра.

Играть должны все.

Ты должен (или должна) любить нас.

Ты должен (или должна) продолжать жить.

Будь собой, но играй логичную и приемлемую роль.

Держи себя в руках и в то же время веди себя естественно.

Старайся говорить правду.

По существу, эта игра требует от играющих естественного поведения нескольких типов. Остаться в живых, любить, вести себя раскованно, говорить правду - все это спонтанные формы поведения. При отсутствии психических препятствий каждая форма поведения в нужный момент происходит "сама по себе" точно так же, как пищеварение и рост волос. Однако как только мы начинаем прилагать усилия, все это приобретает тот неестественный, надуманный и лживый оттенок, который не нравится никому. Наше поведение становится жалким и

неполноценным, как искусственные цветы или тепличные овощи. Жизнь и любовь рождает необходимость прилагать усилия, но усилия не продлевают жизни и не способствуют возникновению любви. Глубокая вера - в жизнь других и себя - является тем фактором, который позволяет спонтанному проявиться спонтанно, а значит вовремя и так, как нужно. Все это, конечно, связано с риском, потому что жизнь и другие люди не всегда ведут себя так, как нам бы того хотелось. Но вера - это всегда дерзание, потому что сама жизнь представляется нам рискованной игрой, ставки в которой необычайно велики. Но если мы устраним из игры весь риск, попытаемся достичь стопроцентной уверенности в ее удачном исходе, мы тем самым лишим эту игру смысла. Альтернативой обществу, основанному на взаимном доверии, является тоталитарное полицейское государство, в котором возможность проявлять спонтанность практически полностью исключена.

Индийский трактат об искусстве управления государством, "Артхашастра", описывает правила поведения абсолютного монарха. В нем содержатся сведения о том, каким должен быть дворец тирана, приводятся советы для отбора подданных и даются рекомендации, как нужно вести себя с людьми. Если ты познакомишься с этим трактатом, Маккиавелли покажется тебе либералом. Первым правилом является принцип, который запрещает тирану доверять кому-либо из подчиненных. У него не может быть близких друзей. Кроме того, он должен организовать свое правительство в виде системы концентрических окружностей, в состав которых входят министры, генералы, офицеры, служащие и слуги, беспрекословно и безотлагательно исполняющие все его приказы. Эти круги сужаются и ведут к самому царю, который находится в их центре, как паук в середине своей паутины. Начиная с круга приближенных к владыке, все слои этой пирамиды должны состоять попеременно из его врагов и его друзей. Чтобы исключить возможность захвата власти враждебным монарху высшим сословием принцев, их должны окружать преданные ему министры, которые будут надзирать за принцами и докладывать царю о всех своих подозрениях для того, чтобы завоевать его расположение. Эта иерархия взаимного недоверия должна распространяться на все сословия вплоть до самых низов общества. *Divide et impera* - разделяй и властвуй.

Между тем тиран пребывает в безопасности в своих внутренних покоях. Его охраняют стражники, за которыми следят другие стражники, скрывающиеся в стенах. Прежде чем он дотронется до еды, рабы пробуют каждое его блюдо на тот случай, если оно окажется отравленным. Спать владыке советуют либо с полуоткрытыми глазами, либо за дверью, надежно запертой изнутри. На случай внезапного восстания должен существовать тайный ход, ведущий из внутренних покоев дворца в безопасное место. Причем в этом коридоре должен быть рычаг, приводящий в движение фундамент дворца, под обломками которого суждено погибнуть повстанцам. "Артхашастра" не забывает предупредить тирана и о том, что он не может победить. Он должен достичь высокого положения благодаря своим личным качествам или благосклонному расположению народа. Однако чем более абсолютной становится его власть, тем больше все его ненавидят и тем больше он напоминает пойманного в свою собственную ловушку. Паутина ловит паука. Он не может прогуливаться на досуге по улицам и паркам своего города или подолгу сидеть в одиночестве на берегу моря, слушая шум волн и крики чаек. Обравив в рабство других, он сам стал самым ничтожным из рабов.

Самая большая неудача приходит вместе с успехом - потому что все стремления нашего общества, пребывающего под гипнозом, основаны на противоречиях. Люди силой хотят добиться того, что приемлемо только тогда, когда происходит само собой. Применение силы в данном случае обусловлено тем, что человек определен нами как независимое действующее лицо, проживающее во Вселенной, но не относящееся к ней. Человек, как наездник, пытается оседлать и объездить мир. Никакое количество моральных проповедей не сможет изменить

поведение современного человека в том виде, в котором мы его знаем. Дело в том, что гипнотическая галлюцинация отделенности от мира не дает ему возможности чувствовать, что жизнь - это система геологического и биологического взаимодействия. Разумеется, эта система не исключает поединков: птиц - с червями, улиток - с растениями, а пауков - с мухами. Но все эти поединки уравновешены в том смысле, что они никогда не становятся неуправляемыми, и ни один вид живых существ не побеждает окончательно всех остальных. Один лишь человек пытается истребить всех своих естественных врагов, руководствуясь мнением о том, что он - царь природы. Точно так же, как мы выращиваем овощи и разводим скот и птицу, понимая, что от них зависит наша жизнь, точно так же мы должны осознать, что наши естественные враги - насекомые, бактерии и вирусы - фактически являются нашими врагами/друзьями.

Однажды жительница Нью-Йорка принимала у себя дома политика из Пакистана. Во время разговора она затронула проблему контроля рождаемости в Азии и ее злободневность для Пакистана. Однако она была приведена в замешательство, когда политик заметил, что вся эта шумиха вокруг контроля рождаемости была поднята белыми людьми для того, чтобы господствовать над всеми другими расами. Выслушав ее рассказ, я сказал, что ей следовало ответить ему: "Нет, это не так. Мы только хотим помочь вам подрезать ветви фруктовых деревьев, чтобы ваши деревья стали от этого красивее".

Ведь враги/друзья человечества помогают ему подрезать ненужные ветви. Они не дают ему погибнуть от перенаселенности. Поэтому тот, кто умер от малярии или туберкулеза, должен почитаться соотечественниками не меньше, чем тот, кто погиб в битве за свою страну. Ведь своим уходом он освободил жизненное пространство для всех остальных. А бактерии, от которых он пострадал, должны рассматриваться как достойные и благородные его противники. Смысл не в том, что мы должны, начиная с этого времени, отказаться от пенициллина и ДДТ. Мы должны сокращать численность своих врагов, но не стирать их полностью с лица земли. Нам следует научиться видеть себя естественным звеном в цепи взаимодействий и противоборств, симбиозов и отношений типа охотник/жертва. Ведь только таким образом в природе поддерживается равновесие. Если же какой-то один вид живущих существ одержит на планете окончательную победу, он рано или поздно погубит и себя, и окружающую среду.

Очевидным возражением против "предоставления права на жизнь" нашим естественным врагам - раковым опухолям и насекомым - является наше сочувствие к тем, кто от них пострадал. Легко вот так - теоретически рассуждать о необходимости "подрезать лишние ветки", но когда болезнь останавливает свой выбор на мне, я сразу же бегу к врачу. Сколько найдется добровольцев, которые пожелают послужить делу "прореживания"? В западной цивилизации мы продолжаем кормить детей-уродов, не расстреливаем сумасшедших, не даем голодающим умереть, а больных людей не выгоняем на улицу. Ведь самым священным идеалом нашей культуры является право каждого индивида на справедливость, здоровье и благосостояние, или "жизнь, свободу и поиск счастья".[\[10\]](#) Поэтому утверждение о том, что индивидуальное эго является галлюцинацией, выглядит как надругательство над самыми почитаемыми святынями. Нам кажется, что без них цивилизованный человек снова низойдет на уровень стадного животного или муравьев, когда личность не представляет собой никакой ценности и всегда может быть "пущена в расход".

Во время Второй Мировой войны мой друг летал над Буграми[\[11\]](#) на самолете с китайскими рабочими на борту. Он доставлял их на южную оконечность Бирманской Дороги и обратно домой. Длительный перелет был идеальным временем для азартных игр, но поскольку у игроков было мало наличных, ставкой в игре было условие, что последний проигравший должен выпрыгнуть из самолета. Никаких парашютов. Нашей естественной реакцией на это является впечатление, что эти люди вели себя не по-человечески. Как родные и слуги древних царей,

которых заживо хоронили вместе с умершим господином, эти люди кажутся нам, как заметил Томас Манн, "всего лишь лицами без того, что за ними", обычными масками, ролями, которые не имеют никакого высокого назначения и смысла. Они - все равно что пчелы без матки. Какие бы бесчинства англичане ни творили в Индии, их христианская совесть не смогла примириться с древним обычаем сати, который требовал, чтобы вдова совершала самоубийство во время похорон своего мужа. Мы убеждены, что истинно цивилизованные люди - это не очертания облаков в небе и не пустотелые маски, а существа, каждое из которых обладает бесконечной ценностью Бога.

Итак, с одной стороны мы имеем этого священного индивида - уникальную личность, отличную как от природы, так и от Бога. Так ее определяет общество, которое практически одновременно приказывает ей быть и свободной, и послушной. С другой стороны мы имеем кули - "винтик" в индустриально-коллективистской машине, или обычную "рабочую руку" (как часто называют фабричных рабочих). Если мы верим в то, что индивидуальное эго дано каждому человеку от природы и вовсе не является социальной условностью, тогда многим рабочим действительно не позавидуешь. Ведь подавляющее большинство этих людей является угнетенными и разочарованными личностями, хотя общество никогда о них так не скажет.

Однако не исключен и третий подход. Индивида можно рассматривать не как отдельную личность и не как заменимую гуманоидную машину для выполнения скучной работы. Помимо этих возможностей существует еще одно воззрение на человека, согласно которому он представляет собой фокус сознания, проявляющий всю Вселенную. Индивид может быть воплощением Абсолюта или Лица Божьего - иными словами ЭТОГО, как бы мы ЭТО ни называли. Такой подход не противоречит сложившемуся у нас отношению к индивиду как к чему-то священному - фактически он даже акцентирует на этом наше внимание. И в то же время этот подход разрешает парадокс личностного эго, которому удастся приобрести "бесценный статус" отдельной независимой личности лишь ценой постоянного страха смерти. Галлюцинация отдельности не дает нам возможности осознать, что лелеять свою отдельность означает обрекать себя на страдания. Мы не видим, что наша так называемая забота о правах и свободах личности это просто другая сторона нашего собственного страха перед смертью или неудачей в жизни. Стараясь подчеркнуть свою отдельность от мира, личность пилит сук, на котором сидит. С каждым днем ее смятение нарастает, ведь она предчувствует, что падение в конце концов неизбежно!

Да будет известно, что иллюзия эго не является неотъемлемой чертой индивида и его человеческого организма. Человек может существовать и выражать свою индивидуальность и без этой иллюзии! Ведь он является неповторимым проявлением Целого точно так же, как каждая ветвь - это уникальный отросток дерева. Чтобы проявить свою индивидуальность, каждая ветвь должна быть у своего основания соединена с деревом, а независимо движущиеся пальцы должны принадлежать одной руке. Едва ли можно преувеличить важность утверждения о том, что различия не подразумевают отделенности. Голова и ноги отличаются по внешнему виду и по функциям, но не существуют при этом сами по себе. И хотя человек не связан со Вселенной физически, как ветвь - с деревом, а ноги - с головой, тем не менее человек и Вселенная соединены, и притом удивительно сложными физическими связями. Смерть индивида - это не переход индивида у другую вселенную, а просто исчезновение одного из проявлений этой вселенной. Труп похож на отпечаток ноги или эхо это растворяющийся след, оставшийся в мире на том месте, где Я перестало животворить.

Таким образом, различие между индивидами имеет великий смысл, ведь разнообразие - украшение жизни. Но этот смысл не становится более глобальным, когда человеку в ходе воспитания в обществе прививают самопротиворечивое определение индивидуальности. Наше

общество - то есть мы сами, каждый из нас - определяет человека как замкнутый круг, приказывая ему быть свободным и отдельным от мира. Однако он по сути таковым не является, ведь если бы он был свободным и отдельным, сам этот приказ был бы бессмысленным. При таких условиях обществу удастся лишь внушить ему иллюзию отдельности подобно тому, как слова гипнотизера создают иллюзию у испытуемых.

Одураченный таким образом индивид - вместо того, чтобы выполнять свою уникальную функцию в мире, - разочаровывается, тратя все свои силы на достижение самопротиворечивых целей. Поскольку все теперь считают его отдельной личностью, пойманной в неразумной и враждебной Вселенной, его главной задачей становится стремление перехитрить Вселенную и подчинить себе природу. Очевидно, что это абсурдно, и поэтому его учат жить и работать для будущего, ведь в настоящем он никогда не достигнет цели. Вскоре он начинает верить, что его невозможное желание в конце концов исполнится, если не для него, то по крайней мере для его детей. Таким образом, мы вывели тип человеческих существ, которые не способны жить в настоящем - то есть по-настоящему.

Ведь если ты не можешь полноценно жить сейчас, будущее для тебя всегда будет призраком. При этом отпадает всякий смысл делать планы на будущее, потому что ты никогда не сможешь наслаждаться им. Ведь когда твои планы наконец осуществляются, ты будешь уже бредить каким-то другим будущим. Ты никогда, никогда не сможешь развалиться и с полным удовлетворением сказать: "Ну вот, я достиг всего, чего хотел!" За многие годы ты полностью утратил эту способность, потому что тебя всегда готовили для будущего вместо того, чтобы показать тебе, как нужно жить в настоящем.

Другими словами, тебя воспитала и загипнотизировала конвейерная система нашего образования. Ведь для того, чтобы получить образование, человек в наши дни должен преодолеть множество барьеров или ступеней, ведущих, как предполагается, к высшему Успеху. Вначале ясли или детский сад, затем несколько классов начальной школы, где тебя готовят к торжественному мгновению перехода в среднюю школу! Но затем снова ступени, все выше и выше на пути к желанной цели - университету. Здесь, в университете, если ты достаточно смышлен, ты можешь находиться сколь угодно долго, переходя затем в аспирантуру и превращаясь в вечного студента. В противном случае тебя шаг за шагом выведут в великий Внешний Мир, где тебе светит обзавестись семьей и заниматься бизнесом или быть специалистом в какой-то узкой отрасли знаний. Однако день окончания учебы - это очень условное событие, потому что на первой же встрече сотрудников ты снова оказываешься в той же самой старой системе. Здесь тебе посоветуют быстро справляться со своими задачами (и если ты действительно будешь справляться достаточно быстро, круг твоих обязанностей будет расширяться). Твой добросовестный труд будет способствовать продвижению по служебной лестнице к должности менеджера, замдиректора и наконец директора собственного шоу (тогда тебе будет уже лет сорок - сорок пять). Между делом работники соцобеспечения и специалисты по капиталовложениям заинтересуют тебя планами о том, как лучше организовать свой будущий Уход на Пенсию. И тебе покажется, что это - окончательная цель и что, достигнув ее, ты сможешь наконец-то, развалясь в кресле, начать наслаждаться плодами своего труда. Но когда этот день в конце концов наступает, твое многолетнее беспокойство и усердие дают о себе знать слабым сердцем, искусственными зубами, болезнями простаты, импотенцией, прогрессирующей близорукостью и несварением желудка.

Все это наверное было бы не так уж плохо, если бы на каждой стадии игры ты относился к ней как к игре, находя ее столь же увлекательной, как покер, шахматы или рыбную ловлю. Но для большинства из нас день делится на рабочее время и отдых - причем работа, как правило, представляет собой Деятельность, за которую нам платят потому, что она крайне неинтересна.

Поэтому мы работаем не во имя работы, а во имя денег - которые, по общему мнению, могут обеспечить нам в часы досуга все, что мы пожелаем. В Соединенных Штатах даже самые бедные люди имеют больше денег, чем миллионы тощих бедняков, проживающих в Индии, Африке и Китае. В то же время немало американцев так же богаты, как их принцы. Однако в общем и целом наши сограждане не умеют получать удовольствие от жизни. Оказывается, что одних денег для этого недостаточно, хотя деньги здесь тоже важны. Ведь наслаждение - это утонченное искусство, для овладения которым требуется время и талант.

Я живу недалеко от гавани, заставленной яхтами и роскошными частными судами, на которых плавают очень редко. Ведь искусство мореплавания требует, чтобы ему уделяли довольно много времени. Только при этом условии оно награждает своих поклонников изысканным удовольствием. Однако люди купили эти яхты либо для того, чтобы поддержать свой статус состоятельных обывателей, либо как игрушку. Когда же они убедились, что морские суда - это совсем не игрушки (как их рекламируют), они утратили к ним интерес. То же справедливо и в отношении восхитительного разнообразия всех тех предметов роскоши, которые человек с деньгами может приобрести в нашей стране. Всюду мы видим изобилие продуктов питания, но лишь очень немногие из нас умеют готовить. На рынке имеется много разнообразных стройматериалов, но большинство домов выглядят так, словно они построены людьми, которые когда-то слышали о домах, но никогда не видели их воочию. Шелка и ситцы, шерстяные и хлопчатобумажные ткани можно приобрести любого оттенка и со всевозможными рисунками, но большинство мужчин одеваются подобно студентам богословских колледжей или служащим похоронного бюро. В то же время женщины стали рабами игры в моду с ее основным принципом: "Я сориентировалась быстрее, чем ты". Рынок произведений искусства процветает ныне как никогда ранее, но представленные там художественные полотна выглядят так, словно их нарисовали экскрементами на досках для объявлений. Скульптуры же неизбежно напоминают либо разбитые печатные машинки, либо обугленный хлам, оставшийся на месте сгоревшего флигеля.[\[12\]](#) У нас есть горы записей музыки всех времен и народов а также превосходные средства для ее воспроизведения, но кто из нас ее по-настоящему слушает? Возможно, несколько курильщиков марихуаны.

Все это, наверное, является преувеличением в духе Генри Миллера.[\[13\]](#) Как бы то ни было, меня все больше поражает, до какой степени необоснованна материалистическая репутация Америки. Это при условии, что мы будем считать материалистом человека, который получает удовольствие от жизни в физическом мире и любит материальные вещи. В этом смысле мы несомненно являемся материалистами, когда речь идет о построении реактивного авиалайнера. Но если мы заглянем внутрь и посмотрим, как этот великолепный монстр оборудован внутри для удобства пассажиров, сразу выяснится, что все это подделка. Худощавые манекеноподобные девушки на высоких каблуках разносят безвкусную, подогретую еду. Нам предлагают наслаждаться не материальными благами, а символами удовольствия - привлекательно упакованными, но самого низкого качества.

Объяснить это просто: большинство товаров производят люди, которые не получают удовольствия от своей работы.

Это распространяется и на владельцев предприятий и на рабочих. Ведь смысл их труда не в том, чтобы произвести что-то хорошее, а в том, чтобы сделать деньги. Поэтому вся их фантазия работает на то, чтобы добиться снижения производственных затрат и обмануть покупателей. С этой целью используется такая броская красочная упаковка, что одного взгляда на товар оказывается достаточно, чтобы у покупателя не возникло никаких сомнений по поводу его превосходного качества. Единственным исключением из этого правила являются те вещи, которые просто должны быть хорошо сделаны в силу требований безопасности или их высокой

стоимости: самолеты, компьютеры, космические корабли, научные измерительные приборы и т.д.

Но вся эта система представляет собой замкнутый круг, потому что когда ты заработал деньги, что ты на них купишь? Ведь все другие претенциозные подделки тоже произведены людьми, которые иступленно гоняются за деньгами. Немногими по-настоящему ценными вещами на рынке являются товары, импортируемые из "отстающих" стран, где крестьяне и ремесленники вес еще гордятся своим трудом. Так, например, жители мексиканского штата Оахака производят лучшие в мире одеяла, и американские перекупщики готовы закупать у них эти одеяла в огромных количествах. Однако никакое количество денег не может дать тем немногим кустарным мастерам, которые их вручную выплетают, больше времени для работы. Если они вес же возьмутся за выполнение больших заказов, им неизбежно придется начать халтурить, выпуская одеяла качеством похуже. Единственным решением представляется возможность обучить этому ремеслу сотни других людей. Но в Оахаке совсем недавно появилось телевидение и некоторое время уже существует всеобщее образование. При этих условиях кто из молодых и подающих надежды людей захочет терять время на кропотливую ручную работу?

Все это не удивительно, ведь поэты и мудрецы в течение веков повторяют, что любой успех в этом мире - суета. "Мирские надежды, которые люди лелеют в своих сердцах, обращаются пеплом". Или, как мы можем сказать па современном языке, стоит только у нас потечь слюнкам в предвкушении какой-то классной вещицы, как она обращается смесью гипса, папье-маше и резинового клея. Но чаще всего она оказывается сделанной из пластика. Я помышлял даже о том, чтобы разрекламировать пластик на рынке как универсальную субстанцию - *prima materia* - для производства всего чего угодно: домов, мебели, цветов, хлеба (это они уже делают!), яблоч и даже людей.

Мир, говорят мудрецы, - это мираж. В нем вечно все распадается, и при этом у нас нет никакой возможности предотвратить этот распад. Более того, чем сильнее ты привязываешься к этим пустым видимостям, тем быстрее они разрушаются прямо у тебя на глазах. Западная технологическая цивилизация это доселе невиданная попытка во что бы то ни стало победить в этой игре: понять, подчинить себе и увековечить мимолетный призрак, называемый жизнью. Вполне возможно, что несмотря на все уловки и достижения этой цивилизации наша жизнь-сон пойдет прахом еще быстрее, чем мы думаем. Но если этого не случится, то скорее благодаря тому, что технические средства окажутся в руках нового человека.

В былые времена осознание мимолетности мира всегда заканчивалось уходом от него. С одной стороны монахи, отшельники и аскеты пытались искоренить свои желания для того, чтобы иметь право снисходительно относиться к миру. При этом иногда им удавалось, уходя все дальше и дальше в глубины своего сознания, сливаться с Я в его непроявленном состоянии вечной безмятежности. С другой стороны мирские люди чувствовали, что мир является местом испытания. Они считали материальные блага дарами Всевышнего и видели смысл своей жизни в том, чтобы служить Богу и людям.

Однако и тот, и другой подход основан на изначальном предположении, что индивид - это отдельное эго. А поскольку это предположение вовлекает человека в движение по замкнутому кругу, неудивительно, что все начинания такого человека - включая религию - могут привести его лишь к разочарованию. Уже потому лишь, что индивидуальное эго является мистификацией, человек, находящийся во власти этой иллюзии, может лишь очень поверхностно воспринимать жизнь. Ведь мир мимолетен и не может оправдать наших надежд только с точки зрения того, кто стоит вне его. Этот наблюдатель вначале отделяет себя от мира, а затем пытается овладеть им. Но даже если он сможет победить смерть и подчинить себе вечный круговорот всех проявлений жизни, он получит лишь скучный статический мир, без ритма, без танца, похожий

на мумию.

Однако возможен третий ответ. Не уход из мира и не заискивание в надежде на призрачное воздаяние в будущем, а сотрудничество с миром на самом глубинном уровне в настоящем. На этом уровне мир воспринимается как гармоническая система скрытых конфликтов, как бесконечный целостный процесс, являющийся нашим единственно реальным Я. Понимание этого уже присутствует в нас в том смысле, что наши нервы, кости и органы чувств "знают" об этом. Все это кажется нам непонятным только потому, что тонкий луч сознательного внимания был приучен не замечать очевидных вещей. Нас воспитали так замечательно, что мы действительно стали искусными притворщиками!

Глава IV. ВЕСЬ МИР - ТВОЕ ТЕЛО

Итак, мы выяснили, что многие наши на первый взгляд незыблемые представления о реальном мире являются социальным вымыслом. Оказалось, что в качестве реально существующего мы зачастую принимаем то, что представляет собой всего лишь традиционный способ описания мира. Мы рассмотрели следующие выдумки:

1. Представление о том, что мир сделан или составлен из отдельных частей или предметов.
2. Что вещи представляют собой различные конфигурации одного и того же первичного вещества.
3. Что организмы людей также являются вещами, что они населены и отчасти контролируются независимыми эго.
4. Что противоположные полюса таких взаимоотношений как свет/тьма и объекты/пространство находятся между собой в конфликте, который может закончиться окончательной победой одной из сторон.
5. Что смерть - это зло, и поэтому жизнь представляет собой постоянную борьбу с ней.
6. Что человек - как индивид и как биологический вид - должен стремиться занять господствующее положение в мире и подчинить себе природу.

Подобные представления полезны до тех пор, пока все знают, что это условности. Они являются просто способами "изображения" мира, которые были добровольно приняты людьми для удобства совместной работы. В нашем обществе действуют, например, соглашения о том, как понимать дюймы и часы, числа и символы, математические определения и слова языка. Если бы договоренности о том, как измерять время и пространство, не существовало, я бы не мог назначить тебе встречу на углу 42-й Стрит и 5-й Авеню в три часа дня в воскресенье, четвертого апреля.

Однако когда условности рассматриваются как факты, возникают недоразумения. Так, например, в 1752 году Британское правительство издало указ о введении нового календаря, в соответствии с которым второе сентября этого года должно было стать четырнадцатым сентября. Когда все узнали об этом, многие сочли, что их жизни укоротили на одиннадцать дней. Толпы людей бросились к Вестминстеру, где находилось правительство, с криками: "Отдайте нам обратно наши одиннадцать дней!" Склонность человека считать вымысел реальностью затрудняет расширение сферы применимости всеобщих законов, языков, систем измерения и других полезных средств. Кроме того, она препятствует совершенствованию тех условий, которые уже приняты и используются.

Но, как мы видели, еще более серьезные неприятности возникают тогда, когда мы позволяем обществу определять нас самих и наши основополагающие взаимоотношения с миром. При этом мы принимаем в качестве несомненных и само собой разумеющихся условности (или мыслеформы), которые являются противоречивыми. Здесь, как мы тоже уже смогли убедиться, все сводится к тому, что человек описывается нами неправильно. Мы рассматриваем его как отдельное и независимое существо в мире, а не как особое действие этого мира. Наша трудность в понимании подлинной природы человека связана с тем, что такой подход к человеку, как нам кажется, делает его марионеткой. Но это впечатление создается у нас потому, что мы пытаемся принять или понять новое представление, все еще находясь во власти старого. Ведь когда мы говорим, что человек - это действие мира, мы тем самым не определяем его как "вещь", отданную на растерзание всем другим "вещам". Мы должны выйти за пределы ньютоновского видения мира как такой совокупности бильярдных шаров, в которой каждый отдельный шар пассивно отскакивает от всех остальных! Не забывайте, что пристрастие

Аристотеля и Ньютона к причинному детерминизму имеет свою причину. Дело в том, что они пытались выяснить влияние вещей друг на друга, забывая при этом, что мир разделен на отдельные вещи и события лишь на словах. Ведь указывая на то, что определенные события причинно связаны, мы всего лишь неуклюже констатируем, что они, подобно голове и хвосту кошки, являются частями одного и того же события.

Очень важно глубоко понять следующее: вещь-в-себе (ding an sich у Канта), будь она животным, растением или минералом, не просто непознаваема ее вообще не существует. Понять это очень важно не только для здравости рассудка и спокойствия ума, но и для многих "практических приложений" нового представления о человеке и мире в экономике, политике и технологии. Ведь наши начинания снова и снова терпят неудачу, потому что мы не видим, что отдельные люди, нации, животные, насекомые и растения не существуют сами по себе и сами для себя. Дело не в том, что вещи существуют в связи друг с другом, а в том, что так называемые "вещи" - это просто фрагменты одного процесса. Рассматривая этот процесс, всегда можно выделить черты, которые сразу же приковывают к себе наше внимание. Однако при этом мы должны помнить, что видимые различия не подразумевают независимости. Каким бы красивым и отчетливым ни казался нам гребень волны, он обязательно "сопутствует" менее заметной и более плавной очередной подошве. По аналогии с этим яркие точки звезд "сопутствуют" (введу-ка я сейчас такое новое слово) темному фону пространства.

В гештальт-теории восприятия этот принцип известен как принцип взаимосвязи изображения и фона. Если, например, ты подойдешь так близко ко мне, что края моего тела окажутся за пределами твоего поля зрения, ты сможешь видеть "вещь", которая называется моим телом. В то же время твое внимание "поглотит" пуговица на пиджаке или галстук. Ведь теория утверждает, что, каким бы ни был фон, наше внимание почти мгновенно "приковывает к себе" движущееся очертание (которое выделяется на неподвижном фоне) или ограниченная компактная деталь (которая выделяется на менее выразительном фоне).

Таким образом, когда я рисую на доске следующую фигуру:

и спрашиваю: "Что я здесь нарисовал?", люди обычно называют круг, мяч, диск или кольцо. Только изредка кто-то ответит: "Это стена с дырой".

Другими словами, трудно привыкнуть к тому, что границы всех деталей мира в равной степени относятся и к областям окружающего их фона. Таким образом, очертание фигуры является одновременно линией выреза в фоне. А теперь давайте предположим, что изображение круга/дырки видоизменяется следующим образом:

Большинство наблюдателей представят движение или действие ограниченной области так, будто я здесь изобразил деление амебы. Но ведь я с таким же успехом могу утверждать, что это очертания сухих мест на поверхности полированного стола, покрытого тонкой пленкой воды. Смысл этого наблюдения в том, что перемещение части мира не может быть рассмотрено как движение одной лишь внутренности или как движение одного лишь фона. Они движутся вместе.

Наше затруднение с тем, чтобы видеть наличие и движение фона на всех этих простых картинках, невообразимо возрастает, если речь идет о поведении живых организмов. Ведь когда мы рассматриваем муравьев, ползающих туда-сюда по гладкой поверхности земли, или наблюдаем за людьми, слоняющимися без дела в городском парке, мы убеждаемся в том, что именно муравьи и люди ответственны за происходящее движение. Тем не менее эти примеры с муравьями и людьми в сущности являются лишь чрезвычайно усложненной версией простого случая движения в пространстве трех шаров. До этого, рассматривая шары, мы пришли к выводу, что движется вся конфигурация (гештальт), - не одни лишь шары и не одно лишь пространство, и даже не совокупность шаров и пространства, а скорее единое поле объекты/пространство, в котором шары и окружающая их пустота являются чем-то типа полюсов.

Иллюзия полностью независимого движения организмов необычайно сильна до тех пор, пока мы стремимся, подобно ученым, исчерпывающим образом описать их поведение. Однако ученый, будь он биологом, социологом или физиком, скоро обнаружит, что ничего не может сказать о проявлениях организма, человека или объекта, пока не введет в рассмотрение все окружение. Очевидно, например, что процесс перемещения живого существа нельзя описать, используя лишь представления о движении его конечностей относительно тела. Ведь направление и скорость его движения могут быть описаны только тогда, когда мы знаем что-то о поверхности, по которой оно перемещается. Более того, редко бывает так, что передвижение живого существа из одного места в другое не зависит от обстоятельств. Как правило оно связано с тем, где находятся источники пищи, враждебно или дружелюбно поведение других организмов и со множеством других факторов. Большая часть этих факторов остается неизвестной, когда, например, наше внимание неожиданно привлекает ползающий по земле муравей. Однако чем более детальное описание поведения муравья мы желаем получить, тем больше оно должно включать в себя такие подробности, как плотность, влажность и температура окружающей атмосферы, тип и источники его пищи, социальная организация его вида и других видов, с которыми у муравьев могут быть симбиотические отношения или отношения типа охотник/жертва.

Представим себе, что все эти многочисленные факторы в конце концов учтены, и ученый восклицает: "Хватит!", потому что ему надоело возиться с муравьем, да и времени больше нет. Теперь у него вполне может создаться впечатление, что поведение муравья представляет собой не что иное, как его автоматическую и вынужденную реакцию на внешние обстоятельства. Ведь очевидно, что привлекает муравья одно, отпугивает другое, выживает он вследствие одного фактора, а погибает под воздействием другого. Но давайте также предположим, что ученый решил обратить внимание на другие организмы, которые живут в непосредственной близости от нашего муравья. Возможно среди них окажется какая-нибудь домохозяйка, со своей грязной кухней. В этом случае ему вскоре придется включить муравья и всех его собратьев в число факторов, определяющих ее поведение! Получается так, что куда бы он ни обращал свое внимание, он нигде не обнаруживает конкретных объектов, причинно обуславливающих состояние других объектов. Вместо этого он видит реагирующие на воздействия пустотные конфигурации, очертания которых то и дело меняются под влиянием этих воздействий.

Однако, взглянув еще раз на результаты своей работы, ученый пришел к выводу, что подобное описание едва ли можно назвать описанием поведения муравья. Почему, в таком случае, спрашивает он себя, представление о муравье неотделимо от представления об окружающей среде? Причина в том, что то существо или вещь, которые он изучал и описывал, претерпели изменения. Вначале речь шла об отдельном муравье, но вскоре возникла необходимость включить в рассмотрение все поле взаимодействий, в котором находится муравей. То же самое случится, если начать описывать какой-то один орган тела. Его функции будут совершенно непонятны до тех пор, пока мы не учтем его взаимосвязь с другими органами. Таким образом, мы оказываемся в любопытной ситуации. Каждая отрасль науки о живых существах - бактериология, ботаника, зоология, биология, антропология - со своей специфической точки зрения подходит к науке, называемой экология (буквально, "логика домашнего хозяйства"). А значит, все они становятся разными аспектами одной науки типа организм/окружение. К несчастью эта тенденция идет вразрез с академической политикой. Ведь она приводит к объединению разных отраслей научных знаний, что явно приходится не по зубам ревностным блюстителям границ между полномочиями учреждений. Однако игнорирование экологических соображений является одним из самых серьезных недостатков современной технологии. Оно же объясняет и наше нежелание причислить себя на равных правах к

сообществу всех остальных живых существ.

Человек стремится господствовать над природой. Но чем больше изучаешь экологию, тем более абсурдными кажутся разговоры о том, что какая-то одна часть организма (или поля организм/окружение) управляет другими частями или господствует над нами. Как-то однажды руки и ноги сказали друг другу: "Мы все трудимся, ищем пищу, жуем ее, а этот лентяй, желудок, ничего не делает. Пришло время заставить и его поработать! Давай-ка будем бастовать!" Сказано - сделано, и они забросили свою работу на долгое время. Однако вскоре оказалось, что они становятся все слабее и слабее. Так продолжалось до тех пор, пока каждый из них не понял, что желудок существует не сам по себе, что это их желудок и что если они хотят и дальше жить, им нужно начать снова трудиться. Но даже в учебниках по физиологии мы читаем о том, что мозг и нервная система "управляют" сердцем или пищеварительным трактом. В таком подходе проявляется наша склонность распространять поверхностные политические взгляды на науку. Создается впечатление, что сердце принадлежит мозгу в большей мере, чем мозг - сердцу или желудку. Однако правильнее будет сказать, что мозг "питается" с помощью желудка, а желудок "вырастил" себе над ртом мозг для того, чтобы ему легче было добывать себе пищу.

Как только человек убеждается, что отдельные вещи существуют лишь в его воображении, для него становится очевидно, что несуществующие вещи не могут "совершать" действий. Трудность в том, что в большинстве языков действия (глаголы) должны соответствовать объектам (именам существительным). При этом люди забывают, что правила грамматики не обязательно должны соответствовать закономерностям или конфигурациям в природе. Непонимание того, что речь здесь идет просто-напросто о грамматической условности, приводит также и к абсурдному вопросу о том, как дух управляет природой, а ум - телом. Пожалуй, лучше даже будет сказать, что это непонимание "со-путствует" этому вопросу. Если вдуматься, то как может существительное, не являющееся по определению действием, выполнять действие?

У ученых возникало бы меньше недоразумений, если бы они использовали для своих нужд язык, построенный по тем же принципам, что и язык американской народности нутка, [14] состоящий из одних лишь глаголов и наречий без существительных и прилагательных. Если мы можем говорить о постройке как о "строении", о крыше как о "покрытии", а о кресле как о "сидении", почему мы не можем представить себе человека как "человеченьс", голову как "головление", а муравья как "муравьенис"? На языке нутка церковь обозначается словами "строение религиозно", магазин - "строение торгово", а дом - "строение по-домашнему". Однако мы привыкли спрашивать: "Кто или что строенится? Кто человечится? Кто муравьится?" Хотя разве не очевидно, что когда мы говорим: "Сверкнула молния", "сверкание" представляет собой то же самое, что и "молния"? В этом случае достаточно было бы просто сказать: "Была молния". Ведь все, что представлено именами существительными, может быть рассмотрено как действие. В то же время английский язык переполнен такими привидениями, как слово "it" в предложении "K is raining" (букв. "дождит"), которые являются предполагаемыми причинами действий.

Когда мы говорим: "Человек бежит", объясняет ли это нам что-нибудь в действительности? Нет, не объясняет, потому что объяснением могло бы быть только описание поля или ситуации, к которой "человеченьс со-путствует бежанию", и которая отличается, в частности, от ситуации в которой "человеченьс со-путствует сидению". (Следует оговориться, что я не предлагаю повсеместно переходить к использованию этого примитивного и неуклюжего языка глаголов. Нам нужно изобрести нечто намного более изящное.) Кроме того, бегание - это не что-то, отличное от меня, а то, что совершает человек (его организм). Ведь наш организм иногда представляет собой процесс бега, иногда - процесс сна, иногда - процесс стояния и так далее, но в каждом случае "причина" поведения содержится во всей ситуации в целом, в системе

организм/ окружение. На самом деле было бы лучше, если бы мы полностью отказались от представления причинности, используя вместо него представление о взаимосвязи.

Ведь говорить, что организм "отвечает" (или "реагирует") на некоторую ситуацию бегом, стоянием или как-то по-другому, тоже неправильно. Высказываясь так, мы продолжаем пользоваться языком описания ньютоновских бильярдных шаров. Однако легче представлять себе ситуации в виде конфигураций, пребывающих в движении, подобно живым организмам. Но вернемся к коту (или котенку) - структуре с торчащими ушами и усами с одной стороны и хвостом - с другой. Мы не говорим, что эта структура имеет с другой стороны хвост, как "реакцию" на усы, когти или шерсть. Как учат нас китайцы, все возможные особенности ситуаций совместны: или подразумевают друг друга точно так же, как левая сторона - правую, яйца - цыплят, и наоборот. Они существуют в такой же взаимосвязи, как и полюсы магнита, - только в этих случаях структура их отношений намного сложнее.

Кроме того, следует иметь в виду что бывают конфигурации, не все аспекты которых существуют одновременно, - например, отношение яйца/цыпленка. Жизнь человека подразумевает, что у него были родители, даже если их уже давно нет в живых, а рождение организма означает, что в будущем его ожидает смерть. Не выглядит ли в таком случае идея о рождении как причине смерти столь же неестественной, как и идея о том, что голова кота является причиной его хвоста? Поднимание горлышка бутылки подразумевает также и поднимание ее дна, потому что эти две "части" совместны. Если я поднимаю верхнюю часть лежащего на боку аккордеона, то другая последует за ней через некоторое время, хотя принцип здесь тот же. Таким образом, конфигурации являются структурами как во времени, так и в пространстве.

Следует подчеркнуть теперь, что я не пытаюсь протащить свои "целостные конфигурации" в качестве замены старым "вещам", с помощью которых мы объясняли происходящее в мире. Дело в том, что целостная конфигурация, или поле, никогда не может быть описана полностью.

Ведь если поле малое,
За ним придет великое,
А следом еще большее,
Глотая их конечности,
И так до бесконечности.

Мы никогда не сможем описать все детали целостной конфигурации. Это значит не только то, что любая конфигурация бесконечно сложна, но и то, что единственная по-настоящему целостная конфигурация - это вся Вселенная. К счастью нам не приходится описывать каждую конфигурацию исчерпывающим образом, потому что для практических целей одни ее черты оказываются намного более важными, чем другие. Таким образом, в нашем распоряжении всегда имеется лишь некоторое приближение полного описания конфигурации. Однако уже это приближение показывает нам, что все события и процессы должны рассматриваться и получать объяснение в контексте всей ситуации, в которой они происходят. Ведь обычные слова тоже всегда нужно понимать в контексте предложения, абзаца, главы, книги, библиотеки и... всей жизни.

Подведем итоги: вещи и организмы не только не существуют сами по себе, но и не действуют сами по себе. Далее, каждый организм представляет собой процесс; а значит, он не отличается от собственных действий. Более грубо это звучит так: он является тем, что он делает. Выражаясь точнее, организм включая в это понятие и его поведение - представляет собой процесс, который следует рассматривать только в связи с более обширным и продолжительным процессом существования его окружения. Ведь то, что мы называем "пониманием" или "постижением сути", начинается с внимательного рассмотрения того, как части образуют целое.

Однако, следуя по этому пути, вскоре мы осознаем, что они не составляют целого в том смысле, в котором из маленьких кусочков складывают разрезанную па части картину. Ведь целое представляет собой всю конфигурацию - сложную извилистую структуру, которая не имеет отдельных частей. Ее составные части - это условности языка, единицы описания мира, которые мы видим лишь тогда, когда смотрим на него через сеть, дробящую его на отдельные детали. Но ведь сеть существует только в нашем воображении! Поэтому составные части пригодны лишь для целей представления и описания. Но мы так привыкли к этому дроблению мира, что начинаем беспокоиться, если нам не удастся помнить его постоянно.

Как только это становится очевидно, миф о Полностью Механической Вселенной оказывается развеянным. Теперь человеческое сознание и разум не будут нам больше напоминать случайный огонек среди необъятных просторов неразумного хаоса. Ведь если об организме можно говорить, лишь принимая во внимание его окружение, разумность поведения организма свидетельствует о том, что окружающая среда тоже разумна. Ясно, что, если в действительности "частей" не существует, не имеет смысла говорить о разумной части неразумного целого. Довольно легко видеть, что наличие разумных индивидов подразумевает существование разумного общества. Ведь мышление - это социальный феномен, в основе которого лежит обмен мнениями и идеями, возможный только там, где есть язык, научные знания, университеты, библиотеки и музеи. Но что мы скажем о разумности природного окружения, в котором процветает человеческое общество? Часто бывает так, что вначале говорят об эволюции окружающей среды и лишь потом переходят к изложению своих идей об эволюции организмов. Ведь человек не появился на Земле до тех пор, пока все формы биологической жизни на этой планете и сама планета не достигли определенного устойчивого уровня развития. Когда это произошло, эволюция Земли стала "подразумевать" появление человека точно так же, как существование человека означает, что есть планета, которая прошла все предыдущие стадии своего развития. То равновесие в природе, та "гармония скрытых конфликтов", в которой возникли и живут люди, представляет собой многообразную совокупность необыкновенно сложных и взаимозависимых организмов. Тейяр де Шарден назвал эту совокупность биосферой - тонкой пленкой живых организмов, которая покрывает исходную геосферу, минеральный скелет планеты. Отсутствие научных знаний о том, как органические вещества возникли из неорганических, а также широкая распространенность мифов о том, что жизнь пришла в этот мир откуда-то "извне", затрудняет возможность целостного видения биосферы. Но с точки зрения такого видения нет ничего неестественного в том, что жизнь возникает на определенном этапе геологической и астрологической эволюции планеты, или идет вместе с ней. Однако, как указал Дуглас И. Хардинг, наше мнение о том, что Земля - это всего лишь зараженный жизнью камень, так же нелепо, как и представление о том, что человек - это населенный клетками скелет. Понятно, что все формы жизни, включая и человека, должны рассматриваться как "симптомы" Земли, Солнечной системы и Галактики. Однако в таком случае мы должны сделать вывод о том, что Галактика тоже разумна.

Если впервые я увижу какое-то дерево зимой, у меня может создаться впечатление, что это не фруктовое дерево. Но когда я вернусь к нему летом и увижу, что на нем висят сливы, я с удивлением воскликну: "Вот это да! Оказывается, ты - плодовое дерево!" Представь себе теперь, что каких-нибудь миллиард лет назад неизвестные нам живые существа с другого конца нашей Галактики прокатились по Солнечной системе в своих летающих тарелках и не обнаружили здесь никаких признаков жизни. Они тогда выразились о ней так: "Да ведь это всего лишь груда старых камней!" Но если теперь они решат еще раз посетить Землю, им придется взять свои слова обратно: "Да-а-а... Кто бы мог подумать! Оказывается, это были камни, плодоносящие людьми!" Ты можешь, конечно, возразить, что эти две ситуации не имеют между собой ничего

общего. Ведь фруктовое дерево было когда-то семечком внутри сливы, тогда как Земля не говоря уже о Солнечной системе и Галактике - никогда не были семечком внутри человека. Но, как это ни странно, ты будешь неправ.

Выше я пытался объяснить, что взаимосвязь между организмом и его окружением симметрична, то есть, что ни одно из них не является причиной возникновения или определяющим фактором для другого. Такую взаимосвязь можно назвать полярной. Но это означает, что если имеют смысл описания и объяснения поведения организма в терминах его окружения, то в той же мере будут осмысленными и симметричные построения: описания и объяснения поведения окружения в терминах организма. (До сих пор я не выкладывал на стол все свои козыри, чтобы не перепутать эти два аспекта одной картины.) Ведь утверждение о том, что человек - и каждый другой организм - порождает свое окружение, имеет под собой реальный физический смысл.

Все наши знания о мире в некотором смысле являются знаниями о себе. Дело в том, что процесс познания - это процесс представления внешних событий в виде состояний физического тела человека, в частности, в виде состояний его нервной системы и мозга. Это значит, что мы знаем о мире в терминах нашего тела - в соответствии с его структурой. Не исключено, что хирургическое вмешательство в нервную систему может дать возможность воспринимать мир как-то по-другому. Кроме того существа с органами чувств, структура которых отлична от нашей, по всей вероятности, видят происходящее совсем не так, как мы. По аналогии с этим микроскоп и телескоп изменяют качество видимого невооруженным глазом. Пчелы и другие насекомые, например, обладают поляроидным зрением, которое дает им возможность судить о положении солнца даже тогда, когда они видят лишь небольшой участок голубого неба. Выражаясь другими словами можно сказать, что, поскольку структура их глаз отлична от нашей, небо, которое они видят, не похоже на то небо, которое видим мы. Летучие мыши и почтовые голуби наделены органами чувств, которые напоминают наши радары, и поэтому они видят больше "реальности", чем мы, при условии, конечно, что мы не пользуемся нашей чувствительной аппаратурой.

С точки зрения твоих глаз твоя собственная голова кажется невидимым пустым пространством, о котором ничего нельзя сказать. Ты даже не можешь понять, темно оно или светло, хотя оно и находится сразу же перед ближайшей видимой вещью. Тем не менее все поле зрения "везде там впереди" фактически является ощущением в задней нижней части черепа, где находятся оптические центры мозга. То, что ты видишь перед собой, является непосредственно тем, что "видит", или "чувствует", внутренность твоей головы. По аналогии с этим все, что ты слышишь, осязаешь, пробуешь на вкус и воспринимаешь обонянием, представляет собой реакцию твоего мозга на внешний мир. При этом именно мозг придает им знакомые качества - светимость, цвет, звучание, твердость, шершавость, соленость, тяжесть и горечь. Если бы не было мозга, все эти вибрации были бы подобны хлопку одной рукой или звуку от палочек, стучащих по барабану без кожи. Без твоего мозга - или какого-то другого мозга - мир полностью лишен света, тепла, веса, твердости, движения, пространства и времени, а также всех других качеств, которые ты можешь себе вообразить. Все эти феномены возникают в результате взаимодействий (или трансакций) вибраций внешнего мира с какими-то структурами нейронов. Таким образом, вибрации, которые излучает Солнце, не являются настоящими светом и теплом до тех пор, пока они не взаимодействуют с живыми организмами. Подобно этому лучи света не видны до тех пор, пока в нем нет частичек газа или пыли, на которых лучи могли бы рассеяться. Другими словами, для того, чтобы что-то произошло, "нужно присутствие двоих". Как мы уже убедились, один шарик в пространстве не может двигаться. Однако два шарика уже могут перемещаться по линии, три на плоскости, а четыре - в трехмерном пространстве.

То же самое верно и для электрического тока. Никакой ток не потечет по проводу до тех пор, пока положительный полюс не будет соединен с отрицательным. Выражаясь более простыми словами, перемещение электрических зарядов не начнется до тех пор, пока у них нет "пункта прибытия". Живые существа тоже являются подобным "пунктом прибытия", ведь без них невозможны "токи" - то есть феномены света, тепла, веса, твердости и так далее. Без преувеличения можно сказать, что волшебство мозга заключается в его способности творить эти чудеса из вибраций окружающей Вселенной точно так же, как искусство арфиста состоит в умении извлечь мелодии из безмолвных струн музыкального инструмента. Еще более красноречивым примером того, что существование является взаимоотношением, может служить феномен радуги.^[15] Дело в том, что радуга возникает только тогда, когда существует система взаимосвязей между тремя компонентами: солнцем, капельками жидкости в атмосфере и наблюдателем. Если присутствуют все три и если между ними наблюдается определенное угловое расположение, тогда и только тогда возникает радуга. Какой бы призрачной она ни казалась, очевидно, что это не субъективная галлюцинация. Ведь ее существование может быть подтверждено любым числом независимых наблюдателей, хотя все они будут видеть ее в разных местах. Когда-то в детстве, катаясь на велосипеде, я пытался догнать конец радуги. Но я был изумлен, когда обнаружил, что он постоянно уходит от меня. Этот опыт похож на попытки поймать отражение луны в воде. Тогда я не понимал, что никакой радуги бы не возникло, если бы солнце, я и невидимый центр ее дуги не находились на одной прямой. Поэтому не удивительно, что я изменял ее видимое местоположение, перемещаясь в пространстве.

Смысл аналогии с радугой в том, что присутствие наблюдателя в нужном месте так же необходимо для ее возникновения, как и наличие двух других компонентов: солнца и влаги. Конечно же, можно сказать, что если солнце и капельки воды будут находиться в нужном пространственном взаимоотношении, скажем, над океаном, то любой наблюдатель, проплывающий в этом месте на корабле, сможет видеть радугу. Но ведь можно сказать также, что если наблюдатель и солнце будут "правильно расположены", то радуга возникает при условии, что в воздухе будет влага!

Первый набор условий почему-то мешает нам считать, что радуга реальна даже при отсутствии наблюдателя. Однако второй набор, в котором не достает одного из элементов старой доброй "объективной реальности", на первый взгляд дает нам все основания утверждать, что в этом случае никакой радуги нет. Причина этого различия в суждениях ясна: наша современная научная мифология держится на предположении, что вещи существуют сами по себе - то есть "объективно", независимо от присутствия наблюдателя. Это фантастическое предположение присутствует в нашем мировоззрении наряду с мнениями о том, что человек по своей сути не от мира сего, что мир равнодушен к нему и что он может наблюдать реальность, не оказывая на нее влияние своим присутствием. Таким образом, миф о реальном и осязаемом "объективном" мире присутствует где-то "там" и независимо от нас идет рука об руку с другим мифом. Согласно этому мифу каждый наблюдатель представляет собой отдельное эго, "сталкивающееся" с реальностью, которая не имеет к нему никакого отношения.

Мы, наверное, могли бы принять эти рассуждения без особых возражений, если бы речь шла только о чем-то типа радуги, отражений или о каких-то других феноменах, которые никогда не считались реальными в полном смысле слова. Но что будет, если мы вдруг осознаем, что находимся в точности в такой же ситуации, когда видим камни, горы и звезды?

Тем не менее эта ситуация вполне естественна. Нам удалось избежать рассмотрения призраков вроде "ума", "души" или "духа". Мы просто обсуждали взаимодействие между физическими вибрациями и мозгом с его различными органами чувств. В ходе рассмотрения мы сделали вывод, что существа с мозгом являются неотъемлемой частью структуры, которая

включает в себя также нашу планету и звезды. Кроме того, мы убедились, что без этой неотъемлемой части (или полюса цепи) весь космос был бы таким же непроявленным, как и радуга без капелек воды в небе или без наблюдателя. Причины нашего нежелания признать это являются исключительно психологическими. Ведь подобные рассуждения вселяют в нас беспокойство. Они расшатывают наши представления о мире, в котором камни являются основными символами твердой, несокрушимой реальности, а Вечная Скала - метафорой, символизирующей самого Бога. Мифология XIX века свела человека к ничего не значащему, крохотному микробу в невообразимо огромной древней Вселенной. Мы не можем даже подумать о том, что этот маленький микроб с помощью своего волшебного мозга воссоздает всю эту Вселенную вместе с ее самыми удаленными звездными системами, которые находятся за миллионы световых лет отсюда. Эта мысль кажется нам слишком неожиданным переходом, сама возможность которого шокирует нас.

Должны ли мы теперь сделать вывод, что Вселенная не существовала до появления в ней живых организмов с развитым мозгом? Значит ли это, что органические и неорганические вещества возникли в один и тот же момент времени? Может ли быть так, что все геологические и астрономические представления о прошлом являются обычной экстраполяцией - разговорами о том, что бы было, если бы тогда присутствовали наблюдатели? Возможно. Но я хочу предложить здесь более осторожное мнение. Тот факт, что каждый организм воссоздает свое окружение, должен быть уравновешен полярным, или симметричным фактом: все окружение в целом порождает организм. Однако все окружение (или полярная конфигурация) измеряется не только пространственными, но и временными мерками. Оно больше по размеру, чем те организмы, что возникают в нем, и существует дольше во времени, чем они. Организм не только воссоздает состояние окружения в настоящем. Он порождает также знания о том далеком прошлом, когда его еще не было, и о том будущем, которое наступит после его смерти. С другой стороны. Вселенная никогда бы не возникла и не осознала себя в человеке, если бы на каком-то этапе своего развития она не могла породить живые существа. По аналогии с этим электрический ток не начинает течь по проводу до тех пор, пока не подключен и положительный, и отрицательный полюс. Во Вселенной действует тот же принцип, хотя нужны миллиарды лет, чтобы после своего возникновения Вселенная отразилась в сознании живых организмов, и всего лишь несколько миллиардных долей секунды, чтобы после подключения обоих полюсов по проводу пошел электрический ток. Ведь электрическое поле распространяется вдоль провода со скоростью 300 000 км/сек.

Повторяю, что трудность понимания полярности организм/окружение является исключительно психологической. Непонятно, когда и откуда пришел к нам этот миф, но ясно, что уже несколько тысяч лет мы одержимы ложной скромностью. Ведь с одной стороны мы считаемся всего лишь "созданиями", которые пришли в этот мир по прихоти Бога или в результате неожиданного совпадения случайных обстоятельств, а с другой - воображаем себя независимыми и отделенными друг от друга личностями, которые стремятся подчинить своему контролю физический мир. Нам не хватает подлинной скромности для того, чтобы признать себя равноправными членами биосферы, где царит "гармония скрытых конфликтов". Мы живем на этой планете вместе с растениями, насекомыми, рыбами, животными и бактериями, без которых наше существование вообще немыслимо. Но в той же мере нам не хватает подлинного самоуважения, чтобы понять, что каждый из нас как индивидуальный организм представляет собой такую сказочную утонченную структуру, которая может воссоздать в себе всю Вселенную. Мы отделились от окружающего мира, чтобы описывать и контролировать его. Но при этом мы оторвались не только от него, но и от наших собственных тел. Мы начали отождествлять себя с изолированным и ни к чему не причастным призраком - своим "я", которое обречено на

постоянное беспокойство, непонимание, угрызения совести и одиночество.

В результате всех наших открытий и достижений мы пришли к такому представлению о мире и выработали такой "здоровый смысл", которые подобны расплющенной и ржавой баночке из-под пива, валяющейся на берегу. Мы видим мир как набор всевозможных абстракций, каждая из которых так же привычна для нас, как пластиковый столик с хромированными ножками. Мы находим этот мир очень многообещающим - неприятно лишь то, что он никогда не стоит на месте. И поэтому нам приходится постоянно отстаивать его, хотя мы при этом и рискуем превратить всю планету в гладкий необитаемый астероид. Ведь нам кажется, что жизнь является каким-то случайным суетливым происшествием в этой по сути неорганической Вселенной. "Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень?" (Мф. 7. 9) Ответ, по всей вероятности, будет: "Да".

Однако все это совсем не противоречит современным научным представлениям, которые уже вышли далеко за рамки правил игры в ньютоновский бильярд и мифе о Полностью Механической Вселенной, автоматически манипулирующей объектами. Эти фантазии были, в сущности, только самыми первыми шагами науки. Вильям Блейк когда-то сказал, что "глупец, который проявит настойчивость в своей глупости, станет мудрым". В соответствии с этим принципом настойчивый ученый оказывается первым из тех, кто обнаруживает устарелость прежних моделей мира. Откроем рядовую хорошую книгу по квантовой механике:

... мир не может быть рассмотрен правильно исходя из предположения о том, что он состоит из отдельных частей. В противоположность этому его следует считать неделимым целым, в котором отдельные части могут выступать в качестве удовлетворительных приближений лишь в классическом (т.е. ньютоновском) предельном случае...

Требования, предъявляемые к точности описания на квантовом уровне, свидетельствуют о том, что объект здесь не обладает никакими "отличительными" качествами, которые присущи только ему одному. Вопреки этому классическому представлению можно сказать, что он обладает качествами других материальных систем, с которыми он взаимодействует, и что при этом между ним и этими системами нельзя провести грань. Более того, поскольку рассматриваемый объект - такой как, например, электрон - взаимодействует в разное время с различными системами, он при этом проявляет разные потенциальные возможности своей природы и подвергается... постоянным модификациям, переходя из одной формы в другую (частица и волна являются примерами таких различных форм существования одного и того же объекта).

Хотя подобная вариабельность форм и зависимость формы от внешних обстоятельств и не была обнаружена до появления квантовой теории, все это можно встретить в физике элементарных частиц... а также в таких сферах научных исследований, как биология, которая изучает сложные системы. Как известно, при определенных условиях бактерия может перейти в состояние споры, что подразумевает полное изменение ее структуры, и наоборот.[\[16\]](#)

Кроме этого, у картины есть и другая, дополняющая сторона. Вот как ее представляет знаменитый биофизик Эрвин Шрёдингер:

Не может быть так, чтобы это единство знания, чувств и свободы выбора, которое ты называешь собственно собой, возникло не так давно из небытия в какой-то конкретный момент времени. Скорее имеет место следующее: эти знания, чувство и свобода выбора по своей сути вечны, неизменны и едины во всех людях, нет, даже во всех живых существах. Но не в том смысле, что ты это часть или отдельное проявление вечного и бесконечного существа, его аспект или модификация, как в пантеизме Спинозы. Ведь в этом случае перед нами останется все тот же озадачивающий вопрос: "Какая часть, какой аспект есть ты? Что объективно отличает его от других аспектов?" Нет, в действительности ты - и все другие сознательные существа,

сколько бы их ни было, - есть все в целом, каким бы непостижимым это ни казалось с точки зрения обычного рассудка. Следовательно, жизнь, которую ты проживаешь, представляет собой не просто часть всего существования, а в каком-то смысле является целым. Однако это целое не устроено так, чтобы его можно было объять одним взглядом.[\[17\]](#)

Вселенная подразумевает организмы, а каждый организм, в свою очередь, подразумевает Вселенную, - но этого не может охватить только "один взгляд" нашего узкого, подобного лучу фонарика, сознательного внимания. Ведь он был приучен принимать свои проблески за отдельные "вещи". Наше сознание должно каким-то образом открыться для целостного видения, о котором Шрёдингер продолжает:

Теперь ты можешь упасть на землю, прильнуть к своей Матери-Земле и при этом твердо знать, что ты образуешь с ней - а она с тобой - одно целое. Твое бытие так же непоколебимо, так же неуязвимо, как и ее, - на самом деле даже в тысячу раз непоколебимее и неуязвимее. Несомненно, что завтра она поглотит тебя, но несомненно также и то, что она вновь возродит тебя для новых дерзаний и новых страданий. Это не просто случится "когда-то" - это уже происходит сейчас, сегодня, каждый день. Она рождает тебя не раз, а миллионы миллионов раз - точно так же, как каждый день она снова миллионы раз поглощает тебя. Ведь вечно и всегда существует лишь одно сейчас, одно и то же сейчас. Это настоящее - единственное, что не имеет конца.[\[18\]](#)

Глава V. И ЧТО ЖЕ ТЕПЕРЬ?

Если кто-то заговорил о новом видении, это значит, что его сразу же спросят о той пользе, которое оно может принести. Если задуматься, это может показаться удивительным. Однако именно так и происходит всякий раз во время разговоров с людьми, воспитанными в духе протестантизма. Католики, индусы, буддисты, мусульмане и даосы понимают, что видение, или созерцание, представляет собой нечто само по себе прекрасное. Скорее всего, они интуитивно понимают, что оно представляет высшее благо, подобное христианскому видению райского блаженства, которое открывает созерцателю, что все существа всегда ведомы и любимы Богом. Однако эта возможность беспокоит протестантов. Не случайно одна из их канонических молитв вызывает к Богу, чтобы он даровал всем тем, кто пребывают на небесах, "постоянное возрастание их любви и прилежания". Прогресс есть прогресс - остановить его нельзя. Очевидно, что совершенствование должно продолжаться даже на небесах. Эта ситуация, как мне кажется, объясняется тем, что современный протестантизм с его либеральными прогрессивными взглядами является религией, которая больше, чем все другие религии оказалась под влиянием мифов. Эти мифы гласят, что мир состоит из объектов, а человек представляет собой отдельное эго. Стоит только определить человека таким образом, и он сразу же начнет вести себя в жизни соответственно. Очевидно, что теперь он не сможет больше испытывать удовлетворение от результатов своего труда, - а уж о творческих действиях и говорить не приходится. Введенный в заблуждение иллюзией независимости и ответственности за свои действия, человек живет и все никак не может понять, почему то, что он делает, никогда не соответствует тому, что он должен делать. А дело здесь в том, что общество, которое определило его как независимого индивида, не может теперь убедить его вести себя так, будто он реально является его членом. В итоге человек постоянно чувствует себя виноватым и делает героические усилия, пытаясь успокоить свою совесть.

Эти усилия приводят к созданию служб социальной помощи, строительству больниц, организации движения поддержки развивающихся стран, появлению бесплатного образования и формированию у большинства граждан обычного мировоззрения жителей благополучной страны. Однако мы никак не можем понять, почему вопреки нашим прекрасным героическим начинаниям с каждым годом возникает все больше ужасных проблем. Прежде всего отметим, что лишь некоторые из нас когда-либо задумывались над тем, чего хорошего вообще можно ожидать от подобных кампаний. Когда мы накормим голодных, оденем бедных и построим дома для бездомных, что тогда? Может быть смысл наших действий в том, чтобы дать возможность несчастным людям помогать тем, кто еще более несчастен? В том, чтобы превратить индусов и африканцев в состоятельных буржуа? Или в том, чтобы дать возможность каждому бенгальцу и зулусу присоединиться к нашей специфической форме погони за богатством и известностью, приобретая себе самые современные пылесосы и телевизоры, которые никогда уже не дадут им возможности остановиться?

Несколько лет назад один мой друг проезжал мимо чайных плантаций в окрестности Дарджилинга и заметил, что на нескольких полях, расположенных в одной местности, листья на кустах были сморщенными. Когда он поинтересовался, в чем здесь дело, ему объяснили, что владелец этих полей посочувствовал нищим рабочим и заплатил им вдвойне. Однако в результате они стали работать в два раза меньше, что возымело плачевные последствия в тот критический период, когда за растениями нужно ухаживать каждый день. Мой друг спросил у индийского коммуниста, что тот думает о происшедшем. Тот сказал, что следует платить вдвое больше, но в то же время заставлять людей работать. Затем мой друг задал тот же вопрос

американскому бизнесмену. Тот сказал, что нужно платить вдвое больше и... установить в каждом доме радиоприемник! Никто, похоже, так и не понял, что эти рабочие предпочитали деньгам свободное время.

Неугомонным активистам очень трудно понять, что глобальные социальные проблемы мира не решить с помощью приложения усилий и изобретения новых оригинальных стратегий. Посторонний не может вмешаться в происходящее и, как добрый волшебник, навести везде порядок. Особенно это касается постороннего человека нашей культуры, который не чувствует своего единства с миром и поэтому заведомо выглядит как тот, кто вмешивается в чужие дела. Он сам не знает, чего ему не хватает, и поэтому каждый ожидает, что за его подарками тянутся длинные-предлинные ниточки. Ведь если ты знаешь, чего хочешь, тогда ты будешь доволен, когда это получишь. Другие видят это и знают, что тебе можно доверять. Но если даже ты не знаешь, чего тебе нужно, твои желания безграничны и никто не может сказать, как с тобой сотрудничать. Того, кто не способен наслаждаться достигнутым, ничто не может удовлетворить. Я не хочу тем самым сказать, что американские и европейские корпорации находятся в руках алчных негодяев, которые купаются в изобилии за счет всех остальных. Смысл сказанного становится очевидным, когда с грустью и состраданием понимаешь, что многие из самых богатых и влиятельных людей являются несчастными жертвами обмана. Ведь все они вынуждены постоянно заниматься очень скучной, работой и-за редчайшими исключениями - не имеют ни малейшего представления о том, как нужно тратить свои деньги так, чтобы получать от этого удовольствие.

О, был бы я язычником,
Я б виноград любил;
Рабы вино бы делали,
А я его бы пил.
Вот Хаггинс, он - язычник здесь,
Но раб его седой;
И Хаггинс пьет лишь молоко
Два раза в день, с едой.[\[19\]](#)

Мы направляем все свои усилия на то, чтобы добиться соблюдения прав граждан, заключения мирных договоров, контроля рождаемости и рационального использования природных ресурсов, а также накормить голодных в других странах. Но потрясающая истина состоит в том, что какими бы необходимыми ни выглядели эти начинания, они принесут не пользу, а вред, если мы будем совершать их так, как мы делаем это сейчас. Ведь находясь в нашем сегодняшнем состоянии, нам нечего дать другим. Если мы сами не можем наслаждаться своим образом жизни и богатством здесь в этой стране, как можно ожидать, что они обрадуют кого-то другого? Они, конечно, поначалу вселяют надежду, вызывают прилив энергии. Так происходит и тогда, когда пациенту в состоянии депрессии вводят метедрин - препарат, вызывающий временное возбуждение. Однако подлинное спокойствие может воцариться лишь при содействии тех, кто спокоен, а действовать с любовью может только тот, кто любит. Никакие добродетельные начинания невозможны там, где люди страдают от чувства вины, страха и пустоты сердца. По аналогии с этим мы уже говорили, что никакие стоящие планы на будущее не могут быть построены теми, кто не умеет жить в настоящем.

Отдельная личность не просто не может сделать ничего творчески - она вообще никогда не испытывает удовлетворения от своей деятельности. Такая личность живет одной лишь надеждой, постоянно глядя в будущее. Она живет так с детства, когда приобретение все новых игрушек усыпило ее бессознательное стремление вырваться из замкнутого круга. Если хочешь увидеть настоящую народную религию, процветающую ныне в нашей культурной среде,

посмотри на распространенную у нас традицию отмечать Рождество. Еще до начала рождественского поста, который по идее должен длиться в течение трех или четырех недель перед праздником, магазины начинают сверкать украшениями, предлагая покупателям богатый выбор подарков. На каждом углу системы аудиорекламы заливаются рождественскими мелодиями, которые смертельно надоедают всем задолго до наступления долгожданного дня. Рождественские елки загораются в большинстве домов задолго до праздника, а когда приближается время главного торжества, они оказываются со всех сторон увешанными блестящими пакетами. Эти пакеты завязаны переливающимися разноцветными ленточками и выглядят так, будто содержат подарки для принцев. К этому времени утренники уже прошли в школах, а вечеринки - в офисах перед их закрытием на рождественские каникулы. Поэтому долгожданное торжество в рождественский вечер уже никому не кажется таким уж праздничным. Однако под елками еще остались пакеты, а возле каминов - чулки с подарками.

Когда, наконец, Рождество наступает, детей невозможно узнать. Они не спали почти всю ночь напролет и теперь не могут дождаться завтрака, после которого им разрешат в конце концов разорвать на кусочки эти золотистые и серебристые пакеты и ленточки. Глядя на то, как они это делают, можно сделать вывод, что в пакетах находится не что иное, как Эликсир Бессмертия или Философский Камень. К середине дня гостиняя в доме выглядит так, будто там врезался в лотки с дешевыми товарами грузовик, везущий бумажные обрезки. На месте аварии остались кучи скомканного картона, мягкой древесной стружки, порванной оберточной бумаги и разорванных запутанных ленточек. По всему дому валяются галстуки, сломанные куклы, недостроенные железные дороги, костюмы астронавтов, пластиковые атомные бомбочки и шоколадные конфеты. Везде можно увидеть конфетти, раздавленные елочные игрушки, маленькие спортивные машинки, водяные пистолеты, бутылки с виски и воздушные шарик. Через некоторое время дети начинают истошно кричать или плакать, и приходится отправлять их на прогулку, чтобы сгрести в кучу весь этот бардак и подготовить гостиную к рождественскому ужину. Дни, следующие за Рождеством, все проводят с расстроенными желудками, простудой и головной болью, и к наступлению Нового Года взрослые уже готовы отдать все, что угодно, лишь бы поскорее эти праздники кончились.

Да, описывать все это - одно удовольствие. Однако примечательно, что все ожидания, которые были связаны с праздником, не оправдали себя. Девушка была великолепна, но парень оказался импотентом. Но поскольку надежда должна чем-то питаться, новые ожидания вскоре появляются в наших сердцах, мы начинаем вновь лелеять в своих мечтах какую-то блестящую, умопомрачительную вещицу, которая ждет нас в будущем. Что это может быть? Дети знают ответ на этот вопрос до тех пор, пока мы еще не успели подключить их к всеобщей крысиной гонке. Одним из лучших рождественских подарков, которые я когда-либо получал, было дешевое колечко со стеклянным бриллиантом. Оно досталось мне случайно - выпало из хлопушки или игрушки с сюрпризом во время праздника. Но я помню, что долго сидел перед камином с этим волшебным предметом в руках и поворачивал его во все стороны, разглядывая разноцветные огоньки, которые мерцали в нем. Я знал, что нашел Кольцо Соломона, с помощью которого он вызывал джинов и сказочных духов с медными крыльями. И дело было не в том, что я хотел, чтобы эти существа сделали что-то для меня. Мне было достаточно той атмосферы, которая меня окружала. Позабыв обо всем на свете, я сидел и наблюдал, как эти существа появляются и исчезают при свете пламени. При этом я чувствовал, что прикасаюсь к райскому миру, пребывающему вне времени.

Симптоматично, что наша культурная среда, идеалом которой является здравомыслие ржавой баночки из-под пива, производит очень мало волшебных предметов. Украшения с драгоценными камнями в наши дни изысканны, но не привлекательны. Современная

архитектура лишена изобретательности и сводится в основном к сооружению многоэтажных стеклянных ящиков. Детские книжки написаны серьезными дамами с тройными именами и полным отсутствием воображения. В отношении комиксов мне остается лишь задать вопрос: "Обращал ли ты когда-нибудь внимание на мебель в доме Дагвуда?" Магические по своей сути ритуалы католической церкви либо превращаются у нас в чтение скороговорок, либо сопровождаются отвратительными комментариями. Игра в ритуал в обычной жизни считается притворством и нехорошей склонностью, а манеры поведения в наши дни считаются чем-то вроде плохих привычек - если они вообще где-то еще существуют. Мы не производим ничего подобного восточным коврам, персидскому стеклу, глиняной черепице и роскошно оформленным книгам. Наши товары не напоминают арабские изделия из кожи, испанскую инкрустацию по дереву, индийский хлопок, китайские вышивки и изделия из фарфора, японский лак и парчу, французские гобелены и украшения инков. (Однако, по какой-то случайности, у нас все же можно встретить некоторые небольшие электронные устройства, которые по своему изяществу неожиданно приближаются к изделиям из драгоценных камней.)

И причина этого не в том, что мы слишком спешим, не чувствуем настоящего момента и поэтому не можем позволить себе терять так много усилий и времени на изготовление красивых вещей. Причина также и не в том, что мы предпочитаем накапливать деньги и обходиться при этом без подобных изделий. Все это происходит, мне кажется, потому, что мы полностью очистили мир от волшебства. Мы не можем теперь даже вообразить себе рай, и поэтому люди искусства и ремесленники не имеют ни малейшего представления о том, как выглядит райская вещь. Вот какую цену мы заплатили за попытку управлять миром с позиции "я", для которого все, что его окружает, представляет собой совокупность построенных объектов и абстракций.

Возврат назад выглядит сентиментальным и едва ли возможен. Ведь дети прикасаются к краю лишь в той мере, в которой они еще не полностью увязли в ловушке эго. То же касается культур, которые по нашим стандартам являются "примитивными" - напоминающими о детской непосредственности. Таким образом, ты, по крайней мере теоретически, уже понимаешь, что эго - это ловушка и что за всеми этими декорациями "я" и "Вселенная" являются чем-то одним. Ты, наверное, спрашиваешь сейчас: "И что же теперь? Каким должен быть наш следующий шаг? Какие практические приложения имеет эта идея?" На что я отвечу тебе, что самое важное в данном случае - углублять свое понимание, становиться способным получать удовольствие от жизни. Прежде всего нужно учиться жить в настоящем, не пренебрегая при этом и той дисциплиной, которую такая жизнь подразумевает. Без этого умения жить в настоящем тебе не будет что дать другому. Ты не сможешь помочь движению борьбы за мир и международную солидарность или сделать добро голодающим индусам или китайцам. Более того, ты не сможешь даже поддержать своего друга в трудную минуту. Без этого умения все социальные программы будут навязчивым вмешательством в чужие дела, а все заботы о будущем - подготовкой грядущей катастрофы.

Однако этот путь не уводит нас в прошлое. Вспомним, что наука вышла за пределы узкого атомистического и механического видения мира с помощью углубления научных представлений. По аналогии с этим иллюзию эго можно победить лишь с помощью углубления самосознания. Ведь от чувства отделенности нельзя избавиться, прилагая так называемые "волевые усилия", пытаясь забыть себя или отвлекая свое внимание на посторонние занятия. Вот почему нравственные проповеди никогда не бывают удачными: они воспитывают только хитрых лицемеров - людей, которых приучили чувствовать стыд, вину и страх. Эти люди затем заставляют себя поступать так, будто они действительно любят своих ближних. Однако при этом их "добрые дела" на поверку зачастую оказываются даже более разрушительными, чем их "плохие поступки". Вот почему их "добродетели" выглядят еще более отвратительно, чем их

"пороки". Британская программа социальной помощи осуществляется Обществом благотворительной деятельности (Charity Organization Society - коротко C.O.S.), во главе которого стоят довольно настойчивые и даже грозные дамы. Не случайно это Общество получило среди бедных еще одно название - "Cringe or Starve" ("Раболепствуй или умри от голода").

Даосский философ Чжуан-Цзы назвал усилия, направленные на то, чтобы стать неэгоистичным, "ловлей беглеца под бой барабанов". А мы могли бы уподобить их полицейскому рейду с включенными сиренами. Или, как говорят индусы, эти усилия напоминают попытки не думать об обезьяне во время принятия лекарства. Дело в том, что в Индии существует народное поверье, которое утверждает, что если человек будет думать об обезьяне во время принятия лекарства, то оно от этого станет неэффективным. Проявляя настойчивость в подобных устремлениях, мы можем достичь лишь одного: понимания того, что наши усилия бесплодны. Ведь чем больше мы стараемся действовать без страха или жадности, тем яснее мы осознаем, что делаем это, потому что испуганы или потому что руководствуемся собственническими побуждениями. Святые всегда считали себя презренными грешниками. Ведь они лучше других понимали, что их стремление к святости свидетельствует о самом тяжком из всех грехов - духовной гордости, желании видеть себя в ряду тех, кто преуспел в искусстве любви и альтруизма. За этим стоит бесконечное множество замкнутых кругов - игр типа "Я раскаиваюсь сильнее, чем ты" или "Я меньше, чем ты горжусь своей скромностью". Можно ли вообще оставаться непричастным к соревнованиям в том, кто больше возвысится над другими? "Я не так люблю возвышаться над другими, как ты". "А я не против пощеголять перед другими, но не скрываю этого так, как ты". "А я осознаю лучше, чем вы все, что наши отношения - это просто попытки возвыситься друг над другом!" Кажется, что этим уловкам эго никогда не будет конца.

Однако по мере того как я продолжаю играть во все эти игры - и все больше осознаю, что я это осознаю, - я начинаю кое-что понимать. Мне становится с каждым днем все яснее, что я не могу сказать о себе, что я лучше, если нет тебя (или кого-нибудь другого), о ком бы я мог бы сказать, что он хуже. Таким образом, я ясно убеждаюсь в том, что мое превосходство всегда зависит от существования других людей, которые в чем-то хуже меня. Я бы никогда не смог причислить себя к небольшой группе "хороших" и "спасенных" людей, если бы поблизости не было "плохих" и "обреченных на проклятие". Как бы могли представители какой-нибудь секты поддерживать свое коллективное эго, если бы они не услаждали себе жизнь застольными разговорами о заблуждениях непосвященных? Сама сущность южан-расистов нуждается в том, чтобы ее постоянно противопоставляли природе грязных черных "блэков". Но те, кто оказались за пределами плотно сколоченной группы "правильных", образуют свою коалицию, коллективное эго которой они лелеют возмущенными разговорами о своих недоброжелателях и общих врагах: кровожадных "белых", эмансипированных женщинах и зажравшихся буржуа. Даже Фома Аквинский проговорился, когда сказал, что блаженство святых на небесах состоит в том, что они взирают оттуда на земные баталии и восхваляют ту "высшую справедливость", которая приговорила грешников к вечным адским мукам. Всем победителям нужны побежденные; всем святым нужны грешники; всем мудрецам нужны глупцы. Так происходит до тех пор, пока самое главное в жизни - стремление "стать кем-то" или "что-то представлять собой", подобно одному из множества мелких божеств.

Итак, определяя себя, я всегда использую представление о тебе. Я знаю себя исходя из представления о том, кого я называю "другими". И при этом не важно, какое место они занимают на моей шкале достоинств. Если они стоят выше меня, я получаю удовольствие от угрызений совести и зависти; если ниже - от осознания превосходства и гордости. Мое

представление о себе со-путствует твоему представлению о себе. Один хасидский раввин сказал: "Если я есть я, потому что ты есть ты, и ты есть ты, потому что я есть я, тогда я - это не я, и ты - это не ты". В действительности мы вместе представляем собой нечто похожее на то, что Мартин Бубер назвал Я-и-Ты или Я-и-Это. Мы - это тот магнит, который находится между своими полюсами между тем, что осознается каждым как "я сам", и всем тем, что воспринимается им как "остальное".

Теоретически этого отрицать нельзя. Но теперь перед нами стоит вопрос, как на практике преодолеть ощущение изолированности от всего остального. Речь идет об ощущении того, что я являюсь только одним этим "я" организмом, обреченным на постоянные конфликты и испытывающим непреодолимое стремление соревноваться с другими. Для преодоления этого ощущения существует множество способов, в каждом из которых есть что-то привлекательное. Это могут быть занятия медитацией в йоге, танцы дервишей, психотерапия, дзэн-буддизм или чтение Иисусовой молитвы по методике Св. Игнатия, Св. Селезия или исихастов. Кроме того, для этой цели используются вещества, изменяющие уровень восприятия, такие как ЛСД и мескалин, занятия психодрамой (psychodrama), групповой динамикой (group dynamics), техниками пробуждения чувств (sensory-awareness techniques). Существует также учение квакеров, упражнения Гурджиева, техника расслабления, метод Александра, аутогенная тренировка и самогипноз. Но на каждом из этих путей ты столкнешься с одним и тем же затруднением: стоит только тебе серьезно увлечься им, как ты обнаружишь себя представителем небольшой группы последователей какого-то одного учения. И тут ты замечаешь, что эти люди определяют себя, подчеркивая свое отличие от всех остальных, - причем делают они это с необычайной элегантностью и утонченностью. Подобным образом каждая религия или культ отрицают свой высший идеал. Это верно также и в отношении не-религий или всеохватывающих религий, последователи которых играют в игру "У нас больше терпимости к другим, чем у вас".

Вот почему происходит так, что религии и не-религии - каждая из которых была создана во имя братства и всеобщей любви - неизбежно продолжают процесс размежевания и умножают конфликты. Что может быть с точки зрения современных политиков более спорным, чем, например, проект построения подлинно бесклассового и демократического общества? Тем не менее исторические истоки подобных идей связаны с мистицизмом. Эти идеи восходят к Иисусу и Св. Павлу, к Экхарту и Таулери, анабаптистам, левеллерам, братьям Свободного Духа [20] и их настойчивым утверждениям о том, что все люди равны перед Богом. Может показаться даже, что существование обязательно подразумевает конфликт или, по крайней мере, необходимость отличаться от других или от всего остального мира. Если это так, то каждый, кто не вступает в бой, не существует; у того, кто не эгоистичен, нет своего эго. Ничто так хорошо не объединяет людей, как общая необходимость бороться с внешними врагами. Заметим, что в этом случае враг нужен для поддержки сплоченности членов этого нового общества. Однако чем больше общество, тем больший враг ему нужен. Вот почему мы оказались в опасной ситуации, когда мир разделен на два огромных противоборствующих лагеря. Но если бы высокопоставленные политики отличались хоть каким-то разумом, они бы тайно договорились удерживать конфликт в определенных рамках. Они бы продолжали обзывать друг друга самыми последними словами, но не торопились бы при этом пускать в ход бомбы. Или если бы они все же сочли, что какие-то военные действия необходимы для поддержания армии в боевой готовности, они бы ограничились лишь столкновениями местного значения во "второстепенных" странах. Вольтеру следовало сказать, что если дьявол не существует, его нужно выдумать.

Однако чем яснее ты понимаешь, что жить - означает противоречить другим и преследовать собственные интересы, тем очевиднее для тебя становится то, что ты нуждаешься в поддержке со стороны своих врагов. Подобно этому, чем более самоотверженно ты задаешься вопросом:

"Кто такой или что такое я?", тем ближе ты подходишь к неизбежному постижению того, что тебя вообще не существует отдельно от всего остального. И еще, чем больше ты стремишься достичь совершенства или мастерства - в морали, искусстве или духовности, тем яснее ты видишь, что продолжаешь играть в изысканный и утонченный вариант старой игры в эго. Ведь судить о достигнутых успехах ты можешь только тогда, когда сравниваешь себя со всеми теми, кто ничего не достиг либо потерпел неудачу.

Понимание этого факта вначале парализует. Ты чувствуешь, что попал в ловушку - в самый худший из всех замкнутых кругов. Теперь ты видишь, что, прилагая усилия в любом направлении, ты подразумеваешь и тем самым порождаешь противоположность того, к чему стремишься. Прими решение стать Христом, и найдется Иуда, чтобы предать тебя, и толпа, чтобы распять. Последуй примеру дьявола, и люди объединят усилия в борьбе против тебя, тесно сплотив свои ряды во имя любви к ближнему. Первой твоей реакцией на понимание этой диалектики может оказаться решение послать все к черту. Может показаться, что единственный выход из сложившейся ситуации состоит в том, чтобы забыть, отказаться от всех своих стремлений и снова заняться пустяками. Или, возможно, ты увидишь выход в том, чтобы прекратить игру, совершив самоубийство, либо сойти с ума и провести остаток своих дней в психбольнице, болтая там о чем попало.

Но есть еще одна возможность. Не выходя из игры, давай зададимся вопросом о том, в чем ее смысл. Что означает тот факт, что ты обнаружил себя в тупике и больше не в состоянии продолжать игру, в которой все правила противоречивы, все действия приводят к поражению? Несомненно, что в этой ситуации ты глубоко и напряженно переживаешь пребывание в том же замкнутом круге, который был навязан тебе с детства. Ведь тогда общество говорило тебе о том, что ты должен быть свободным, ответственным и любящим. Тогда тебя определили как независимую личность, обрекая тем самым на беспомощность и разочарование. Следовательно, понимание безвыходности твоего положения - это первый проблеск постижения того, что вся эта игра бессмысленна, а твое независимое эго - иллюзия. Твоего эго просто не существует, и поэтому оно не может ни действовать самостоятельно, ни подвергаться воздействию внешних условий - оно не может ни изменить происходящее, ни подчиниться ему. Ощущение "я", которое должно было включать в себя всю вселенную твоих переживаний, вместо этого было отделено и изолировано в виде оторванного от жизни наблюдателя этой Вселенной. В предыдущей главе мы пришли к выводу, что единство организма и его окружения - физический факт. Однако, когда ты глубоко осознаешь, что отдельного эго не существует, ты будешь действительно чувствовать себя как весь процесс жизни и вся конфигурация Вселенной. Переживаемое и переживающий становятся при этом одним переживанием, а известное и знающий - одним знанием.

Каждый организм воспринимает жизнь по-своему, со своей уникальной точки зрения, потому что каждый организм - это Вселенная, которая осознает себя в бесчисленном множестве самых разнообразных живых существ. Поэтому постигший это не попадает в ловушку, в которой рискует оказаться человек, осознавший иллюзорность эго, но продолжающий верить во внешнего всемогущего Бога. Ведь только у такого человека может возникнуть стремление чувствовать "Я есмь Бог", считая при этом Бога внешним и всемогущим, и ожидать, что все остальные будут подчиняться его воле и отдавать ему дань почитания.

Главное, никогда не забывай о том, что подобные переживания не могут быть достигнуты в результате приложения усилий со стороны твоей иллюзорной "воли". Однако не исключено, что твои повторяющиеся попытки возвыситься над Вселенной когда-нибудь все-таки увенчаются постижением их бессмысленности. Не пытайся избавиться от чувства эго. До тех пор пока оно продолжается, принимай его и относись к нему как к неотъемлемой части или забавной детали всего процесса - подобной облаку или волне, ощущению тепла или холода, или чему-то

случающемуся независимо от тебя. Ведь попытки избавиться от собственного эгоизма - это последняя стадия неукротимого эгоизма! Они просто подтверждают и усиливают реальность ощущения эго. Но если к ощущению отделенности подходить как к любому. другому ощущению - безусловно принимая его - оно испаряется, как мираж, которым в действительности и является.

Вот почему у меня не вызывают особого энтузиазма различные "духовные упражнения" типа йоги или медитации, которые рассматриваются многими в качестве необходимых средств для освобождения от эго. Ведь если заниматься ими с тем, чтобы достичь какого-то духовного озарения или просветления, они лишь усиливают ложное впечатление. Нам начинает казаться, что эго может выйти из затруднения, поднимая себя вверх за шнурки от ботинок. И в то же время нет ничего плохого в том, чтобы медитировать без всякой цели, так же как ты слушаешь музыку. Ведь если ты посещаешь концерты лишь для того, чтобы "разбираться в культуре" или улучшать свое сознание, будь уверен, что ты сидишь в зале глухой, как пень.

Если теперь ты еще раз спросишь меня, как преодолеть ощущение эго, я задам тебе встречный вопрос о том, зачем ты хочешь его преодолеть. Если ты ответишь мне честно, ты скажешь, что в этом случае твое эго будет чувствовать себя лучше. Ведь оно сможет занять "более высокое духовное положение", подразумеваемое его способностью выходить за свои пределы. Таким образом, ты снова убеждаешься, что - как эго - ты был и остался притворщиком. Ты чувствуешь себя похожим на луковицу: с нее снимают слой за слоем, оболочку за оболочкой, чтобы добраться до ядра в центре - которого там не оказывается! Но ведь в этом весь смысл: убедиться, что эго по своей сути выдуманно, - что это защитная стена вокруг защитной стены вокруг... пустоты. Ты не можешь даже желать избавиться от него, не говоря уже о том, чтобы желать этого не желать.

По мере того как твое понимание всего этого будет углубляться, ты будешь яснее и яснее видеть, что эго является как раз тем, чем оно не желает себя признавать. Это далеко не центр самоопределения личности, а просто автоматически работающий механизм, встроенный в тебя в детстве воспитателями и друзьями. Он очень похож на другие подобные механизмы и, возможно, отличается от них лишь незначительным влиянием наследственности. Если ты глубоко осознаешь это, может случиться так, что у тебя временно будет присутствовать ощущение, будто ты - зомби. Ты будешь чувствовать себя куклой, которая невольно танцует, повинаясь натяжению ниточек, уходящих куда-то вглубь к неизвестным силам. В этой ситуации эго может вновь заявить о себе, вступая в хитрую игру "Я ничего не могу с собой поделать", в которой оно разделяется на две части и притворяется своей собственной жертвой. "Посмотрите, я - это всего лишь горстка обусловленных рефлексов, и поэтому вы не должны сердиться на меня за то, что я действую, повинаясь своим комплексам". На что можно дать следующий ответ: "Что ж, мы - тоже всего лишь зомби, поэтому тебе не следует жаловаться, если мы сердимся на тебя".

Однако давай теперь спросим, кто не должен сердиться и кому не следует жаловаться? Ведь может создаться впечатление, что при этом кто-то все же в состоянии сделать выбор. На этой стадии эго по-прежнему существует, как "я", которое должно пассивно наблюдать автоматическое поведение "меня" и других. При этом снова может показаться, что у наблюдающего "я" существует какая-то свобода выбора между тем, чтобы пассивно принимать все, и тем, чтобы начать активно изменять происходящее. А случилось вот что: разочарованное эго отступило в последнюю цитадель своей независимости, выступая в роли пассивного наблюдателя, который претерпевает все неприятности жизни. Здесь оно может пожаловаться на свое существование и посочувствовать себе, как марионетке в руках судьбы.

Однако если эта роль рассматривается как еще одна оболочка луковицы, мы приближаемся к концу представления. Линия разделения проходит теперь между всем происходящим, включая мои чувства, с одной стороны, и мною самим как сознательным свидетелем - с другой. Но разве

не очевидно, что эта линия существует лишь в воображении? Что она и наблюдатель, который скрывается за ней, являются всего лишь новой версией той старой иллюзии, которую человек приобрел в детстве? Ведь при этом продолжает существовать разделение между знающим и известным - между устройством обратной связи, которое является механизмом самосознания организма, и всей системой организм/окружение. Но если я не выбираю то, что случается со мной по одну сторону линии, то я не выбираю также и то, что происходит на другой стороне - стороне свидетеля. А это значит, что я не решаю, принимать мне происходящее или пытаться изменить его! Я принимаю, я отвергаю, я остаюсь пассивным свидетелем - все это происходит так же автоматически, как и события, не зависящие от моей воли. Все это случается так же произвольно, как мои эмоции отражают физиологические процессы, происходящие в моем организме.

И вот в тот самый момент, когда человек вот-вот должен стать зомби абсолютно во всех отношениях, в его субъективном мире происходит взрыв. Внезапно представление о "судьбе" теряет смысл, потому что становится совершенно очевидным отсутствие того, кто может стать жертвой предопределения. Ловушки не существует, если некого в нее ловить. Никто, в действительности, не может чувствовать, что действует по принуждению, если у него нет представления о свободе выбора. Ведь произвольные действия известны только в связи с их противоположностью - волевыми поступками. Таким образом, исчезает грань между мной и всем тем, что происходит со мной, и теперь во всем этом не остается места даже для пассивного свидетеля. Когда это происходит, я обнаруживаю, что живу не в мире, а как мир, в котором нет ни того, что навязывается мне, ни того, что подчиняется прихотям моей своенравной воли. Все происходит не механически и не случайное оно просто имеет место. Все события при этом выглядят тонко взаимосвязанными и невообразимо гармоничными. Каждое "это" соответствует некоторому "то". Без других нет меня, а без "где-то там" не существует "здесь". В этом смысле я это другой, а здесь - это там.

Когда возникает это новое понимание "я", человек чувствует себя одновременно вдохновленным и приведенным в замешательство. Ситуация напоминает тот момент, когда ты впервые почувствовал, что держишься на воде или можешь сохранять равновесие при езде на велосипеде. Тебе кажется, что это происходит не по твоей воле, а случается как-то само собой. И ты начинаешь гадать, потеряешь ли ты со временем эту способность. Однако это может случиться лишь в том случае, когда ты во что бы то ни стало захочешь сохранить ее. Можно сказать, что теперь ты действительно более пассивен, чем раньше. Ты чувствуешь себя, как листок, гонимый ветром, но так происходит лишь до тех пор, пока ты с удивлением не обнаружишь, что являешься одновременно и листком, и ветром. Мир вне тела относится к тебе в той же мере, что и мир внутри него: эти два измерения бытия движутся совместно и неразделимо. Вначале ты чувствуешь себя немножко неуверенно, ведь мир снаружи намного больше, чем мир внутри. Однако вскоре ты убеждаешься, что можешь продолжать свои обычные занятия: работать, принимать решения - хотя теперь все это почему-то не так тягостно. Твое тело больше не является трупом, который эго вынуждено оживлять и таскать за собой. У тебя возникает ощущение, что земля поддерживает тебя, а холмы поднимают тебя вверх, когда ты взбираешься по их склонам. Воздух сам вдыхает и выдыхает себя, и тебе не нужно больше всматриваться и вслушиваться, потому что свет и звук сами приходят к тебе. Глаза видят, а уши слышат точно так же, как ветер дует, а вода течет. Все пространство становится вместилищем твоего сознания. Время несет тебя вперед, как река, но никогда не сходит с отметки "настоящее". И ты чувствуешь, что чем дальше оно идет, тем больше оно стоит на месте. Теперь тебе не нужно ни продлевать, ни коротать его.

Ты не спрашиваешь себя, в чем смысл этого состояния или какая от него польза. Какая

польза от Вселенной? Как на практике можно использовать миллион галактик? Но именно потому что это состояние бессмысленно и бесполезно, оно становится важным и необходимым - это звучит парадоксально, но на самом деле в этом нет противоречия. В чем, например, польза от исполнения музыки? Если ты играешь только для того, чтобы заработать деньги или превзойти мастерство других исполнителей, быть культурным человеком или развить у себя музыкальные способности, то на самом деле ты не играешь. Ведь на уме у тебя не музыка. Ты не отдаешься ей. Если над этим задуматься, то станет ясно, что исполнение и слушание музыки - это чистая роскошь, пристрастие и потеря драгоценного времени и денег только лишь на то, чтобы воспроизводить изоощренные комбинации звуков. Тем не менее что бы мы подумали об обществе, которое запретило музыку, танцы и все другие занятия, не имеющие непосредственного отношения к проблеме выживания? Очевидно, что такое общество будет продлевать свое существование дальше и дальше. Однако жизнь в этом обществе полностью лишена смысла - при условии, конечно, что его жители не научатся получать удовольствие от "насущных дел": фермерства, строительства, службы в армии и приготовления пищи. Однако как только это произойдет, окажется забытой цель, которая состоит в том, чтобы продлевать свое существование. Если работу выполняют во имя самой работы, она превращается в искусство: сады начинают напоминать парки, среди обычных ящиков для обитания неожиданно можно встретить строения с оригинальными крышами и диковинными орнаментами, узоры появляются даже на оружии, плотники не жалеют времени на то, чтобы "дошлифовать" свои изделия, а повара становятся гурманами.

Китайское философское произведение "Тайна золотого цветка" утверждает, что "если цель используется для того, чтобы достичь бесцельности, смысл происходящего оказывается постигнутым". Ведь и выживание не имеет смысла в том обществе, которое не дает возможности заниматься бессмысленной деятельностью. Такой деятельностью является работа, которая не направлена непосредственно на дальнейшее продление жизни, которая достигает своей цели в самом своем процессе, не требуя для себя никакой награды в будущем. Косвенно и непреднамеренно такая деятельность способствует выживанию, потому что придает ему смысл. Однако, этот смысл сразу же теряется, если его начинают эксплуатировать с этой целью. Исполнять музыку лишь для того, чтобы отдохнуть или освежиться перед работой, означает вообще не играть. И в то же время ни одна работа не будет хорошо сделана и не доставит никому удовольствия, если она не будет в свою очередь в каком-то смысле игрой.

Выйти из замкнутого круга "Ты должен выжить" означает увидеть, что жизнь - это по сути игра. Понять это трудно лишь потому, что представление об "игре" имеет две стороны, которые зачастую путают. С одной стороны делать что-то только или всего лишь играя означает быть недалеким или неискренним человеком. Но в этом значении лучше было бы использовать слово "забавляться", а не слово "играть". Если женщина скажет мне: "Я люблю тебя", правильно ли будет с моей стороны задавать ей вопрос: "Ты говоришь серьезно или играешь со мной?" Ведь если наши отношения будут развиваться дальше, я очень надеюсь на то, что она не будет вести себя серьезно, а будет играть со мной. Нет, лучше уж спросить ее так: "Ты говоришь искренне или забавляешься со мной?" Искренность лучше, чем серьезность, ведь кто из нас желает, чтобы его любили с видом мрачной безысходности?

Таким образом, бывают ситуации, в которых игра совсем не является тривиальной забавой - например, когда Сеговия берет в руки гитару или сэр Лоуренс Оливер выходит на сцену в роли Гамлета. Еще более очевидным примером может служить исполнение музыки на церковном органе. Именно этот смысл игры имел в виду Св. Григорий Нисский, когда сказал о Логосе, созидательной мудрости Бога, следующие слова:

Это Логос в высокие игры играет,

когда раскачивает весь космос туда-сюда
и придает ему всевозможные очертания.

А на другом конце земли ему вторит японский мастер Дзэн Хакуин:

В пении и в танце звучит голос Закона.

В том же смысле Веданта рассматривает весь мир, как лилу и майю, которые порождаются Абсолютом. Первое из этих слов имеет смысл "игра", а второе более неоднозначно и может быть определено как иллюзия (от латинского слова *ludere*, которое означает "играть"), магия, творческая сила, искусство и измерение. Ведь чувство меры очень развито у людей искусства, о которых говорят также, что они подходят к жизни с творческой меркой. С этой точки зрения Вселенная вообще и процесс игры в частности в какой-то мере "бессмысленны". Это значит, что они не указывают - подобно словам и символам - на что-то вне себя и не обозначают ничего, кроме себя. Так, соната Моцарта, не несет в себе никакого морального или информационного послания и не подражает шуму ветра, ударам грома или пению птиц. Когда я произношу звук "вода", ты сразу же понимаешь, что я имею в виду. Но скажи мне, что означает вся эта ситуация: я издаю звук, а ты понимаешь меня? В чем смысл пеликана, подсолнуха, морского ежа, замшелого камня или галактики? Или символов $a+b = b+a$? Все они являются танцующими очертаниями и структурами света и звука, воды и пламени, ритма и вибраций, электричества и пространства-времени. Они ведут себя как-то так:

Труммуляр, труммуляр трилп,

Хамлипсибл, липсибл лилп;

Цим трикен митрамми,

Ламгамптьюлес хамми,

Стормгигл амбамдьюлар билп.

А вот слова сэра.Артура Эддингтона о природе электронов:

Мы видим атомы, опоясанные вращающимися электронами, которые носятся туда-сюда, сталкиваются друг с другом и отскакивают. Свободные электроны, оторванные от атомных оболочек, улетают вдаль со скоростями в сотни раз большими, чем те, что они имели в электронных оболочках. На своем пути они сталкиваются с другими атомами, иногда едва задевая их, а порой пролетая в точности между ними... Этот спектакль так увлекателен, что, глядя на него, мы забываем о том времени, когда хотели узнать, что такое электрон. Ответа на этот вопрос не последовало... Нечто неизвестное делает что-то, мы не знаем что, - это все, что смогла нам дать наша теория. Но такие выводы не очень-то проясняют суть дела. Где-то я прочел нечто вроде:

Склизкие товели

Вращались и хрюкали в нибеле.

Электроны ведут себя приблизительно так же. Для их природы и всего того, что с ними происходит, характерна такая же неопределенность.[\[21\]](#)

Весь смысл в том, что "этот спектакль так увлекателен". Ведь мир - это очарование (по-английски *fascination*, которое происходит от латинского *fascinum*), обворожительность (по-английски *enchantment*, что означает "завороженность напевом") и замешательство (по-английски *amazement*, что означает "состояние того, кто сбился с пути"). Мир является арабеской столь великолепных ритмов, все в нем разыгрывается по такому интригующему сценарию, что мы запутываемся в его сетях, привязываемся ко всему и полностью забываем о том, что жизнь - это всего лишь игра. Мы очаровываемся представлением на сцене этого мира до такой степени, что, одобряя и освистывая актеров, мы начинаем их любить и ненавидеть. Мы отождествляемся со своей ролью настолько, что переживаем восторг и ужас, экстатический оргазм и конвульсивную агонию. Но все это всегда составлено из наличия-и-отсутствия, или черного-и-

белого. Все это пульсирует и вибрирует, образуя причудливую мозаику. Все это выдержано с точностью до малейших долей секунды и расцвечено. Все это может возбуждать или усыплять нас, но всегда и во всех измерениях своего бытия мы чувствуем одну и ту же вечную игру энергии; Эта игра полностью лишена смысла и в то же время невообразимо прекрасна!

Внимательно вслушайся в мелодию, которая исполняется одним лишь голосом. Она может заставить тебя рыдать от горя, прыгать от радости, танцевать до упаду или прийти в ярость. Ты не можешь понять, где кончается музыка и начинаются эмоции, потому что переживания тоже в чем-то похожи на музыку. Голос певца играет на твоих нервах подобно тому, как дыхание музыканта играет на флейте. Это характерно для любых переживаний, хотя многие из них обладают намного большим числом измерений, чем звук. Существуют зрительные, осязательные, вкусовые и обонятельные вибрации, а также вибрации интеллектуального пространства, которые выражаются словами и символами - все это порождается и воспринимается человеком одновременно, накладываясь и перекрываясь. Но по своей сути - и тем самым мы с помощью отрицания скажем нечто очень положительное - все это не более осмыслено, чем таинственное высказывание старика Спитхеда, который отворил окошко и промолвил:

Полна джомбла, полна джумбла,
Полна румбла вместе с тумблой.

Бах выразил это более элегантно, но объективного смысла здесь не больше:

Если ты хотя бы раз это увидел, ты можешь вернуться в мир обычных занятий и посмотреть на него другими глазами. Ведь ты теперь осознал, что Вселенная - это очаровательная иллюзия и увлекательная игра. Ты увидел, что не существует отдельного "тебя", который может что-либо приобрести в ней. Ведь до сих пор ты относился к жизни как к банку, который обязательно следовало ограбить. Но теперь ты понял, что единственно реальный "ты" - это тот, кто приходит и уходит, появляется на сцене и исчезает с нее в вечном круговороте рождений и смертей всех живых существ. Ведь "ты" - это Вселенная, которая смотрит на себя через миллиарды глаз, которые то открываются, то закрываются, то возникают, то исчезают. Поэтому каждый раз мир кажется великолепным - ты видишь его будто в первый раз. То, что мы знаем как смерть, пустое пространство и пустоту, является по сути лишь впадинами между гребнями волн в этом бесконечном океане бытия. Частью той иллюзии, которой мы подвержены, является наша убежденность в том, что в будущем существует цель, которую мы можем достичь. Поэтому нам кажется, что мы должны стремиться все дальше и дальше вперед для того, чтобы приблизиться к ней. Однако во всем этом бесконечном мире в действительности ничего нельзя достичь. Ведь не существует иного времени, кроме настоящего, и другого действующего лица, кроме всего-и-каждого. И в то же время весь азарт игры в жизнь заключается в том, чтобы притворяться, что в будущем нас что-то ожидает.

Всякий, кто хвастается тем, что постиг это, на самом деле ничего не постиг. Ведь он просто использует все, о чем здесь идет речь, чтобы доказать принадлежность своего эго к высшему сословию просветленных людей. Все это является его козырем в игре в духовное превосходство. Более того, такое хвастовство может обидеть тех, кто не постиг и продолжает искренне верить в то, что является одиноким, отдельным существом, которое отчаянно пытается совладать с жизнью. По отношению ко всем таким людям следует проявлять глубокое и ненавязчивое сострадание, даже своеобразное уважение и почтение. Дело в том, что именно в этих людях высшее Я играет самую смелую и наиболее оторванную от реальности роль. В душах этих людей Я полностью забывает о себе и живет в постоянном страхе перед возможностью попасть в какую-то глобальную и недопустимую катастрофу. Вот почему индусы при встрече нежимают рук, как это делают европейцы, а складывают ладони вместе и приветствуют друг

друга жестом почитания Абсолюта, который пребывает в каждом из нас.

Однако не думай, что понимание всего этого сразу же превратит тебя в образец добродетели. Я никогда еще не встречал святого или мудреца, у которого не было бы каких-то человеческих пороков. Ведь до тех пор, пока ты живешь в облике человека или животного, ты должен питаться другими формами жизни и мириться с ограничениями своего конкретного организма. Твой организм может, например, пострадать от огня, а при опасности в его кровь выделяется адреналин. Поэтому мораль, которая со-путствует постижению, прежде всего подразумевает откровенное признание нашей зависимости от всех форм жизни вообще и в частности от своих врагов, мелких чиновников и недоброжелательных эгоистичных людей. И как бы глубоко ты после этого не оказался вовле- ченным в конфликты и соревновательные игры практической жизни, ты никогда больше не сможешь попасть во власть старой иллюзии. Ты никогда не будешь считать, что твой "враг" полностью не прав и поэтому должен быть уничтожен. Таким образом ты приобретешь бесценное качество: научишься смягчать конфликтные ситуации до такой степени, что они никогда не будут выходить из-под контроля. Ты научишься добровольно идти на компромисс и достигать взаимопонимания. Да, ты будешь при этом играть, но игра будет легкой и интересной. Подобное отношение называют "честностью среди воров", ведь самые опасные люди - это те, которые не признают, что они - воры. Эти неудачники играют свою роль "порядочных людей" с такой самоотверженностью, что полностью забывают о своем долге перед "плохими людьми", которые своим существованием помогают им поддерживать их статус. Перефразируя Евангелие, можно сказать: "Возлюби своих конкурентов и молись за тех, кто играет на понижение цен". Без них тебя бы вообще не было.

Политическая и общественная мораль на Западе, и особенно в Соединенных Штатах, полностью шизофреничка именно потому, что ей недостает этого видения. Она представляет собой чудовищное сочетание бескомпромиссного идеализма и беспредела при выборе средств достижения цели. Эта мораль полностью исключает юмор (humor) и человечность (humaneness). Поэтому отъявленным негодьям даже не приходит в голову встретиться за круглым столом и выработать разумный план совместных действий. Придерживаться моральных норм означает уметь приводить в гармонию скрытые конфликты. Никто не может этого делать, если он не пришел к соглашению между ангелом и дьяволом в самом себе - не примирил розу с той почвой, из которой она растет. Эти две силы зависят друг от друга. А сама игра продолжается до тех пор, пока ангел побеждает, но никак не может победить, а дьявол терпит одно поражение за другим, но окончательно не проигрывает. (Игра не работает в обратном направлении точно так же, как океан не волнуется гребнями вниз, а подошвами волн вверх.)

Важнее всего это понять тем, кто занимается правами человека, сотрудничеством между странами и надзором за ядерными арсеналами. Во всех этих сферах, несомненно, нужна ответственность и настойчивость, но при этом никогда не следует плохо думать о противоборствующей стороне. Слишком уж часто мы считаем своих врагов безумцами или воплощением всего зла в мире. Не случайно в боксе, дзюдо, фехтовании и даже правилах проведения дуэли требуют, чтобы противники приветствовали друг друга перед началом поединка. У нас есть все основания полагать, что как бы далеко мы ни заглянули в будущее, в нашем мире всегда будут существовать тысячи и тысячи самых разнообразных людей. И среди них обязательно найдутся те, которые будут ненавидеть негров, коммунистов, русских, китайцев, евреев, католиков, битников, гомосексуалистов или "севших на иглу". Мы можем начать оскорблять тех, кто ненавидит, называя их плохими именами - консерваторы, фашисты, реакционеры и ничего-не-понимающие. Однако любое из этих слов может стать той отличительной чертой, которую они будут носить с гордостью и которая послужит им для сплочения своих рядов. Очевидно, что при этом ненависть не только не прекратится, но даже

распространится еще больше. Не помогут также и публичные встречи с оппозицией, на которых мы будем ее вежливо переубеждать, продолжая, тем не менее, раздувать свое коллективное эго в недоброжелательных кулуарных дискуссиях. Если мы хотим добиться справедливости в отношении национальных меньшинств и прекращения войн с нашими сегодняшними врагами, будь они людьми или насекомыми, мы должны прежде всего достичь согласия с меньшинствами и врагами в нашем сердце. Ведь негодяев там не меньше, чем по всему "внешнему" миру. Это становится особенно очевидно, когда ты осознаешь, что внешний мир в такой же мере относится к тебе, как и внутренний. Если это не постигнуто, действия человека будут противоречивыми и бесполезными. Ведь трудно найти кого-то более воинственного, чем неистовый пацифист, и более авторитарного, чем анти-империалист.

Ты можешь, однако, возразить, что это слишком серьезное требование. Ты можешь прибегнуть к старому алиби сторонников решительных мер: задача "изменения человеческой природы" слишком сложна и требует приложения длительных усилий, тогда как нам уже сейчас нужны быстрые и широкомасштабные действия. Очевидно, что для радикального изменения линии своего поведения человеку могут потребоваться годы целенаправленных занятий. Психотерапия, как мы знаем, может продолжаться очень долго. Однако я не призываю никого к этому. Неужели нужно так долго работать для того, чтобы понять этот простой принцип: враги помогают человеку быть собой, и без них он не сможет ничего сказать о себе? Увидеть это означает почти мгновенно обрести дар юмора, а юмор и самодовольство несовместимы. Юмор - это озорной огонек в глазах справедливого судьи, который знает, что является преступником в той же мере, что и каждый из тех, кого он видит на скамье подсудимых. Как бы он мог восседать здесь, вершить праведный суд и слышать, как все присутствующие обращаются к нему "Уважаемый" или "Ваша честь", если бы не эти несчастные жулики, которые предстают перед ним каждый день? Его работа и положение не пострадают от того, что он признает это. Он будет играть роль судьи еще лучше, когда осознает, что на следующем повороте Колеса

Фортуны он может оказаться обвиняемым. Ничто не мешает ему быть справедливым и помнить, что если бы люди узнали всю правду, он бы сидел на скамье подсудимых уже сейчас.

Если это звучит цинично, то обрати внимание хотя бы на то, что в этом цинизме есть доля любви. Ведь подобное отношение разряжает человеческие конфликты более эффективно, чем любое физическое или моральное насилие. Этот подход дает нам понять, что подлинные достоинства человеческой природы проявляются в каком-то странном равновесии любви и эгоизма, разума и страсти, духовности и чувственности, мистицизма и материализма. Однако в любом случае положительный полюс должен быть немножко сильнее отрицательного. (Если бы полюса полностью уравновешивали друг друга, в жизни настало бы затишье, и она бы прекратилась.) Но когда ангел и дьявол человеческой природы забывают о своей взаимозависимости и пытаются устранить друг друга, человек становится нечеловечным. Теперь это либо непримиримый миссионер, либо равнодушный и безжалостный головорез. В действительности перед человеком не стоит выбор: быть ангелом или дьяволом. Однако претендентам на роль ангелов следует понять, что если они смогут воплотить в жизнь свои амбиции, при этом сразу же появляются целые толпы дьяволов, призванные восстановить нарушенный баланс. Вот чему нас учит традиция запрещать все плохое, трудиться в поте лица во имя полного искоренения зла и навязывать себе и другим ангельское поведение.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: для того чтобы жизнь была "устойчивой", приемлемой и просто практичной, она должна быть подобна игре и "должна" здесь означает условие, а не заповедь. Ее следует жить так, словно это не работа, а развлечение. При этом к конфликтам, которые возникают в жизни, нужно подходить с пониманием. Ведь ни один вид живых существ - ни одна играющая сторона - не может выжить без своих естественных

антагонистов, любимых врагов и незаменимых противников. "Любить врагов своих" означает любить их как врагов. Это вовсе не означает, что мы должны всеми силами пытаться склонить их на свою сторону. Лев лежит рядом с агнцем в раю, но не на земле. Слово "рай" подразумевает тот безотносительный уровень бытия, который пребывает за всеми декорациями. На этом уровне конфликтующие стороны осознают свою взаимосвязь, и это осознание дает им возможность не выходить в своих конфликтах за определенные рамки. Постигание взаимосвязи является абсолютно необходимым стабилизирующим элементом в любого рода борьбе. Теперь человек вступает в поединок как рыцарь, будь это поединок с врагами среди людей или с вредителями из животного мира. Ведь настоящий рыцарь знает о том, что даже смертельный поединок - это всего лишь игра. Его дерзающий галантный дух позволяет ему без страха "ставить свою жизнь на карту".

Посмотри на тех, кто были введены в заблуждение своими воспитателями и теперь верят в то, что человек является всего лишь одним эго или всего лишь одним индивидуальным организмом. Они не могут поступать по-рыцарски, не говоря уже о том, чтобы вести себя как цивилизованные, чуткие и разумные граждане космоса.

Но для того чтобы быть по духу рыцарем, следует прежде всего исключить из списка правил игры в жизнь те правила, которые противоречат сами себе. Не какие-то моральные усилия, а осознание противоречивости мотивов нашего поведения может вывести нас из тупиковой ситуации, в которой пребывает каждая отдельная личность. Ведь если игра ставит игрока перед невыполнимой или просто очень трудной задачей, это значит, что недалеко то время, когда она перестанет стоять свеч. Правило, таящее в себе замкнутый круг, невозможно соблюсти, потому что оно обычно состоит из двух частей, которые исключают друг друга. Так никого нельзя заставить вести себя свободно или действовать независимо. Однако, многие поколения людей и даже целые культуры и цивилизации дурачили себя тем, что принимали эту бессмыслицу за чистую монету. В результате, оказавшись не в состоянии выявить противоречие, этих людей в течение всей жизни преследовало чувство, что их существование является объективным обстоятельством и представляет собой проблему. Им казалось и продолжает казаться, что природа в человеке обрекла себя на вечное разочарование. Ведь знание о том, что ты - эго, по своей сути неприятно и навеивает скуку. Ничто не свидетельствует об этом лучше, чем такие привычные нам фразы: "Я должен как-то отвлечься от своих проблем", "Тебе нужно выбросить все это из головы" или "Я читаю для того, чтобы не волноваться".

Забьтсья! В этом желании источник фанатизма и всех пристрастий религиозных, политических, сексуальных. Нацисты, мафиозные кланы, "Ангелы из ада", Circus Maximus, очарованность ужасами на телеэкране, преследование ведьм, Мики Спиллейн и Джеймс Бонд, комнаты ужасов, алкогольный ступор, последний крик моды, бульварные газетенки и детская преступность - все это в настоящее время необходимо для облегчения жизни тем, кто живет в постоянном напряжении. Ведь наша жизнь основывается на противоречиях - принципах, которые исключают друг друга.

В заключение этой главы давайте обратим внимание на то, как можно изменить тот вариант игры в жизнь, который характерен в настоящее время для западного человека. Очевидно, мы должны делать не такой акцент на практичности, конечной цели, прогрессе и агрессии. Вот почему я обсуждаю здесь видение и не пытаюсь оправдать его с точки зрения практической значимости и возможных желательных последствий. О чем бы ни говорили индусы и китайцы, пришло время нам признать, что будущее - это вечно ускользающий мираж. Поэтому нам следует научиться переключать свои огромные энергии и технические средства с деятельности на созерцание. И какими бы неприемлемыми ни были для нас аристотелевская логика и его описание мира, мы должны уважать его уже только за то, о чем он нам напоминает.

А говорит он через века о том, что цель деятельности всегда достигается в созерцании - в знании и бытии, а не в поиске и становлении.

В настоящее время мы просто прожигаем жизнь - поглощая непереваренные переживания с максимальной скоростью, на какую только мы способны. Это и не удивительно, ведь мы осознаем свое бытие настолько поверхностно и узко, что простое существование кажется нам самым скучным времяпрепровождением. Предположим, что я спрошу тебя о том, что ты вчера делал, видел, слышал, нюхал и пробовал на вкус. Скорее всего я получу в качестве ответа не что иное, как бесцветное, приблизительное описание нескольких вещей, которые привлекли твое внимание и показались тебе стоящими запоминания. Разве удивительно после этого, что такая серая и скучная жизнь порождает неутолимую жажду пережить какое-то фантастическое событие в будущем? Но ты мог бы ответить и так: "Мне понадобится целая вечность для того, чтобы рассказать тебе об этом. Но я не буду этого делать, потому что меня больше интересует происходящее сейчас". Ведь разве может существо с такими чувствительными алмазами, как глаза, такими волшебными музыкальными инструментами, как уши, и такими сказочными арабесками нервных клеток в мозге чувствовать себя не так, как Бог? Заметим также, что этот немислимо утонченный организм неотделим от еще более чудесной структуры, каковой является его окружение. Это окружение простирается от микроскопических оболочек атомов до космического семейства галактик! Разве можно теперь вообразить себе, чтобы жизнь этого воплощения целой вечности была скучной?

Мы говорим, что подлинный юмор - это смех над собой. По аналогии с этим можно сказать, что подлинная человечность - это знание себя. Другие существа могут любить и смеяться, разговаривать и думать, но способность размышлять о себе, по-видимому, является отличительной чертой людей. Они могут мыслить о мышлении и знать о своих знаниях. Эта способность, как и наличие обратной связи во всех других сложных системах может порождать замкнутый круг и путаницу, если ею пользоваться неумело. Но с другой стороны, умение осознавать себя дает возможность человеческим переживаниям резонировать. Эта способность порождает "эхо" одновременно со всем, что мы думаем или чувствуем, - точно так же корпус скрипки откликается на звуки струн. Этот резонанс придает многомерность и отчетливость всему тому, что во всех других случаях было бы поверхностным и неинтересным.

Знание себя заставляет нас удивляться, а удивление возбуждает любопытство и интерес к дальнейшим исследованиям. В результате получается так, что ничто не может быть для человека интереснее, чем сам человек, даже если он исследует всего лишь свою собственную личность. Каждый разумный индивид рано или поздно задается вопросом, благодаря чему он живет. Однако любые попытки понять это одновременно завораживают и разочаровывают, потому что человек - это самое сложное из всего, что человек когда-либо хотел познать.

Ведь человеческий организм, очевидно, является самым сложным из всех организмов. Знание собственного организма изнутри является бесспорным преимуществом человека. Однако это преимущество сопровождается недостатком: собственный организм находится так близко, что человек никогда не может достаточно ясно представить себе его работу. Едва ли существует что-то более неуловимое для нашего сознания, чем само это сознание. Вот почему источник сознания, как это ни парадоксально, назвали бессознательным.

Оказывается, люди, которых мы склонны называть тупыми и недалекими, обладают одним общим качеством. Они не находят ничего удивительного в том, что являются людьми. Их человечность неполноценна, потому что она никогда не озадачивала их. Какая-то неполноценность есть и у тех, кто не находит ничего увлекательного в самом факте своего существования. Ты можешь сказать, что эти мои слова - профессиональный предрассудок философа. Ведь только философ склонен считать, что человек ущербен, если у него совсем нет метафизического чутья. В ответ на это я замечу: кто мыслит, должен в какой-то мере непременно быть философом. Мы сейчас не будем разбираться, хорош или плох этот философ. Отметим лишь, что невозможно мыслить без предпосылок, без фундаментальных (и в этом смысле метафизических) предположений о том, что разумно, что принято и красиво, а также что означает "хорошо жить". А философствование представляет собой не что иное, как сознательную или бессознательную мотивацию своего поведения этими предположениями. Так называемый практичный человек с презрением или насмешкой относится к философии, считая ее абстрактной болтовней. Однако в действительности этот человек представляет собой прагматика или позитивиста, и притом недалекого, потому что он никогда не ставит под сомнение свои взгляды.

Если организм человека удивителен, то удивительно и окружение, которое сопровождает его. И при этом оно чудесно не только как коллекция отдельных вещей и событий. Химия, биология, геология и астрономия дают нам очаровательную картину разных сторон нашего мира, тогда как метафизика - это восхищение целым. Я с большим трудом воображаю себе чуткого человека, который при этом лишен дара метафизического удивления. Такой человек никогда не переживает изумительно утонченного стремления задать вопрос, который никогда

невозможно точно сформулировать. Мы уже говорили о том, что единственно реальный атом - выражаясь словами Тейяра де Шардена представляет собой Вселенную. Если единственно реальная вещь представляет собой все что есть, напрашивается вопрос: что это такое?

Однако как только я задал этот вопрос, сразу же возникает необходимость спросить кое-что о самом вопросе. Какого типа ответ я хочу получить? Обычно человек отвечает на вопрос "Что это такое?", указывая тот класс, к которому относится рассматриваемая вещь или событие. Он говорит, что это - животное, растение или минерал; что это - нечто твердое или газообразное, или что это - бегущий, прыгающий или идущий человек. Но в какой класс попадает все? Что вообще можно сказать обо всем? Ведь определить - означает ограничить, установить пределы, сравнить и противопоставить. Поэтому Вселенная - или все, что есть вообще - представляется нам неопределимой.

Очевидно, что в этом случае наш разум сталкивается с непреодолимым препятствием. Следовательно, у нас есть все основания считать, что постановка таких вопросов свидетельствует о направленном использовании разума. Ведь пытаться выразить словами то, о чем нельзя сказать и подумать, так же бессмысленно, как искать утренние новости в словаре. Таким образом, с точки зрения логики вопрос о том, что есть все, не имеет смысла, хотя он и звучит глобально. Как указал Витгенштейн, люди, задающиеся подобными вопросами, наверняка имеют расстройство интеллекта, которое можно вылечить с помощью "философской терапии". "Философствовать" означает, по его словам, мыслить о мышлении таким образом, чтобы при этом не возникало путаницы между содержательными утверждениями и бессмыслицей.

Однако эти последовательные логические рассуждения не устраняют человеческого любопытства и желания понять, которое отразилось в вопросе, как бы неудачно он ни был задан. Как я уже говорил, невероятно странно уже то, что что-то вообще происходит. Однако как мне выразить это ощущение в виде разумного вопроса, на который можно было бы получить удовлетворительный ответ? Дело, наверное, в том, что мне нужен не вербальный ответ. Ведь в случае, когда я прошу, чтобы меня поцеловали, я не хочу, чтобы мне вручили клочок бумаги, на котором написано "Поцелуй". Речь скорее идет о том, что метафизическое любопытство подразумевает существование некоторого переживания, озарения или откровения, которое может объяснить все без слов. Пройдя через это переживание, каждый может интуитивно понять, почему возникла Вселенная и что она собой представляет. По аналогии с этим занятие любовью объясняет без слов, почему среди нас есть мужчины и женщины.

В таком случае можно сказать, что лучший ответ на вопрос "Что такое все?" звучит так: "Взгляни и постигни!". Однако, вопрос почти всегда подразумевает поиск чего-то фундаментального в основе всего, что мы знаем и чувствуем. Он свидетельствует о стремлении открыть основополагающее единство, которое не может охватить ни наше обычное мышление, ни ощущения органов чувств. Мышление и ощущения аналитичны и избирательны. Поэтому они представляют мир так, будто он является всего лишь совокупностью объектов и событий. И в то же время человек наделен "метафизическим инстинктом", который не довольствуется кажущимся многообразием.

Где гарантия того, что наши пять органов чувств, взятые вместе, действительно охватывают весь спектр возможных переживаний? Вполне может быть, что они охватывают лишь наши обычные переживания, которые известны людям. Между пальцами существуют промежутки. По аналогии с этим между областями восприятия органов чувств также существуют интервалы. Они заполнены темнотой, которая таит в себе связи между отдельными вещами... Эта темнота является источником наших неопределенных опасений и беспокойств, но в то же время это обитель богов. Лишь они одни видят связи между вещами и гармоничностью всего

происходящего- Но мы воспринимаем это происходящее как совокупность бессвязных фрагментов, "случайностей", которые существуют лишь в нашем уме и базируются на нашем ограниченном восприятии.[\[22\]](#)

Поэтому у человека возникает интенсивная уверенность в том, что все многообразие вещей и событий основывается "на" чем-то или происходит "в" чем-то. Напрашивается аналогия с тем, как мы наблюдаем окружающие предметы в зеркале, записываем слова на бумаге, видим отблески и переливы в драгоценном камне и слышим звуки, возникающие на вибрирующей диафрагме. Возможно, мы склонны так считать потому, что сам человек представляет собой целостный организм. Поэтому если окружающие его вещи и происходящие с ним события действительно регистрируются "на" чем-то, то речь может идти только о нервной системе человека. Однако очевидно, что в мире существует не одна нервная система. Поэтому закономерно возникает вопрос о том, на чем основываются все эти нервные системы. Одна на другой?

Это таинственное нечто было названо Бог, Абсолют, Природа; Субстанция, Пространство, Эфир, Ум, Бытие, Пустота, Бесконечное. Все эти слова являются представлениями, которые входят в моду и выходят из моды в зависимости от того, куда подуют ветры умонастроений. Ведь в разные века и в разных кругах были популярны самые разнообразные мнения:

Вселенная считалась разумной или глупой, сверхчеловеческой или недоразвитой, познаваемой или окутанной тайной.

Все эти слова можно было бы забыть на том основании, что это всего лишь бессмысленные звуки, если бы представление о фундаментальной Основе Бытия было не более чем интеллектуальной выдумкой. Однако не вызывает сомнений, что эти понятия часто используются для описания содержания ярких переживаний. Эти переживания оказываются не менее достоверными, чем чувственные. Речь идет о постижении "единства", о котором - с незначительными вариациями - говорят мистики всех времен и народов. Это переживание наступает, когда человек осознает новый смысл своего "я", о котором я говорил в предыдущей главе. Однако при обсуждении этого вопроса я использовал лишь "натуралистические" понятия, чтобы избежать возникновения у читателя ассоциаций с баснями об уме, душе, духе и других сущностях, которые с рациональной точки зрения кажутся расплывчатыми.

Несмотря на широкую распространенность этого переживания и его впечатляющую повторяемость, о чем мы можем судить по его многочисленным общим описаниям, твердолобые люди склонны считать ее часто повторяющейся галлюцинацией, характерные симптомы которой напоминают паранойю, и утверждать, что оно ничего не добавляет к нашим знаниям о физической вселенной. Точно так же, как мы не можем сказать что-то обо всем, заявляют они, так же мы не можем ни почувствовать, ни пережить сразу все. Ведь наши органы чувств избирательны. Мы чувствуем с помощью контрастов, по аналогии с тем, как мы мыслим с помощью противопоставлений. Ощутить что-то, лежащее в основе всех переживаний, будет, таким образом, подобно видению самого зрения, как чего-то лежащего в основе всех видимых объектов. Какие цвета, какие очертания - отличные от всех видимых оттенков и форм - имеет само наше зрение?

Однако метафизику, как и философию в целом, невозможно отбросить в сторону или просто "вылечить", как некую болезнь интеллекта. Самые неметафизически настроенные философы в действительности неявно пользуются своими собственными метафизическими принципами. Среди таких принципов может быть, в частности, утверждение о том, что все переживания и знания ограничены и всегда могут быть отнесены к определенному классу. Выражаясь простейшим языком: они допускают, что у меня может быть представление о белом цвете, поскольку я противопоставляю белому черное и сравниваю их с красным, оранжевым,

желтым, зеленым, голубым, синим и фиолетовым. Они не станут утверждать, что выводы о собаках и кошках бессмысленны. Ведь все знают, что органическое вещество отличается от неорганического, а сумчатые животные отличаются от несумчатых. И хотя собаки и кошки подвижны, люди всегда могут указать ту грань, которая отделяет их от всего остального мира не-собак и некошек.

Однако основополагающее предположение о том, что всякое знание построено на контрастах, является не менее метафизическим, чем любое другое метафизическое утверждение. Можно сформулировать его по-другому: "Все знания представляют собой описания взаимосвязей между воспринимаемыми посредством органов чувств вещами и/или событиями". Это заключение приближается необычайно близко к тому, чтобы считаться осмысленным утверждением обо всем сразу. "Все вещи известны благодаря тому, что они подобны друг другу или отличны друг от друга". Усадив антиметафизика на эту платформу, мы можем, невзирая на его протестующие крики, поднять его на еще более высокий метафизический уровень.

С этой целью отметим, что утверждение "Все есть энергия" дает нам не больше информации о мире, чем высказывание "Все есть все". Ведь для того, чтобы описать энергию, мне нужно научиться отличать ее от не-энергии (или массы). Поэтому очевидно, что "все" должно включать в себя и не-энергию массу, пространство, или что-нибудь другое. Но тогда заключение о том, что все является энергией, не только не несет информации - оно просто бессмысленно. Таким образом, мы вправе настаивать на том, что энергию можно познать и описать, только противопоставляя ее не-энергии. А это значит, что энергия (или движение) проявляется - или, по-другому, существует - только тогда, когда имеется нечто относительно инертное. Но в таком случае энергетичность энергии оказывается зависимой от инертности массы, и наоборот. И в то же время относительность - или взаимозависимость - этих двух представлений подходит настолько близко к метафизическому единству по ту сторону различий, насколько человек может этого пожелать.

Иногда мне кажется, что все философские дискуссии могут быть сведены к спорам между приверженцами "колючек" и сторонниками "липучек". Колючие люди категоричны, настойчивы и точны в своих выводах. Они любят подчеркивать различия между объектами и разделять их на классы. При этом они волнам предпочитают частицы, а непрерывности - дискретность. Липучие люди являются легкоранимыми романтиками, которые любят широкие обобщения и всесторонний синтез. Они выделяют фундаментальные сущности и склонны к пантеизму и мистицизму. Волны лучше, чем частицы, удовлетворяют их представлениям о первичных элементах материи, а дискретность бьет их по зубам, как пневматический молот. Колючие философы плохого мнения о людях. Они считают их недисциплинированными, заоблачными мечтателями, которые проходят мимо конкретных фактов. По мнению колючих философов это может привести к тому, что всю Вселенную поглотит "недифференцированный эстетический континуум" (как любезно высказался профессор Ф.С.К. Нортроп). В то же время липучие философы считают, что их колючие коллеги напоминают живые скелеты, которые трещат и щелкают, не имея в себе ни плоти, ни животных соков. Им кажется, что эти аналитики-автоматы не представляют себе, что такое более тонкие человеческие эмоции. Однако и та, и другая компания были бы безнадежно потеряны друг без друга. Ведь в этом случае им не было бы о чем спорить, и никто не знал бы, какую позицию он занимает - тут бы и всей философии пришел конец.

В настоящее время ситуация в мире академической философии такова, что в Великобритании и Соединенных Штатах колючие философы одержали верх. Ставя во главу угла лингвистический анализ, математическую логику и научный эмпиризм, они сделали из философии точную науку. Они начали превращать библиотеку философа и его уединение в

горах в нечто типа лаборатории. Здесь, как выразился Вильям Эрл, они бы стали работать в белых халатах, если бы это могло сойти им с рук. Академические философские журналы теперь, на радость профессионалам, читать так же трудно, как и статьи по математической физике. И при этом проблемы в них поднимаются столь незначительные, что невольно вспоминаешь о бактериях, которых биолог изучает под своим микроскопом. Таким образом, полная победа колючих философов над липучими практически упразднила философию как сферу исследований. Мы пришли к тому, что отделения философии вот-вот закроются, а их сотрудники пополнят ряды математиков и лингвистов.

Исторически мы, наверное, сейчас переживаем момент крайнего отклонения интеллектуального маятника. Это отклонение началось еще тогда, когда в моду вошла Полностью Механическая Модель Вселенной и настал век анализа и специализации. В результате мы утратили подлинное видение Вселенной и оказались поглощенными рассмотрением ее отдельных деталей.^[23] Но вследствие процесса, который К.Г.Юнг назвал "энантиодромией",^[24] достижение системой любого крайнего положения подразумевает начало ее движения в обратную сторону. Этот процесс может показаться зловещим или ведущим к повторению того, что было. Однако здесь нам на помощь приходит видение, что, противоположности полярны, а Значит, они нуждаются друг в друге. Без "колючек" нет "липучек"; без "липучек" нет "колючек".

Для того, чтобы достичь чего-нибудь в философии, а не просто перемещаться туда-сюда или ходить по кругу, человек должен обладать утонченным соотносительным видением (correlative vision). Этим техническим термином обозначим глубокое понимание игры в Черное-и-Белое, которое дает человеку возможность видеть, что все явные противоположности неявно подразумевают друг друга. Это видение соотносительно в том смысле, что оно выявляет соотношение между противоположностями - открывает то, что они со-путствуют. Вот в чем подлинный смысл метафизического единства, лежащего в основе мира. Однако видение "единства" не означает исчезновения различий между объектами и их растворения в хаотическом континууме первичной субстанции. "Единство" в данном случае не подразумевает одинаковости как противоположности множественности. Одинаковость и множественность - это полярные термины. Поэтому единство (или нераздельность) одного и многих называется в философии веданты "недвойственностью" (адвайтой). Однако и у этого термина есть своя противоположность - слово "двойственность". Ведь любое понятие обозначает класс - интеллектуальный закуток, у которого есть внешняя и внутренняя стороны, находящиеся в полярной связи друг с другом. По этой причине язык может выйти за пределы дуальности не больше, чем рисунки на плоской поверхности или фотографии могут указать на существование третьего измерения. Так, согласно принятой условности некоторые плоские линии на чертежах проводят пунктиром для того, чтобы представить третье измерение пространства. Подобным образом дуалистический термин "не-действенность" условно обозначает то "измерение", где явные различия неявно сливаются в единстве.

Поначалу поддерживать соотносительное видение очень трудно. "Упанишады" утверждают, что относительно видений человек идет по лезвию бритвы, пытается балансировать на тончайшей линии. Ведь обычное видение "между" классами и противоположностями ничего не "замечает". Жизнь представляется нам последовательностью ситуаций, которые требуют от нас безотлагательно делать окончательный выбор между тем или этим. Материя кажется очень осязаемой, а пространство - совершенно пустым. Мы не можем представить себе ничего общего между ними, если только не предположим, что этим общим измерением является наше собственное сознание или ум. Однако после некоторых размышлений мы приходим к выводу, что даже сознание и ум тяготеют к материи - ведь сознательная жизнь представляется нам как

постоянная борьба с небытием. И все же, после некоторого изменения точки зрения ничто не может быть более очевидным, чем единство противоположностей. Но кто в это поверит?

Может ли быть так, что мое существование таким образом содержит в себе бытие и небытие, что смерть является всего лишь интервалом "отсутствия" в вечной вибрации наличия/отсутствия? В пользу этого предположения говорит и то, что любая альтернатива этой вибрации (например, ее отсутствие) будет в свою очередь подразумевать ее наличие. Можно ли предположить в таком случае, что я представляю собой вечную сущность, которая на какое-то мгновение и, возможно, без всяких на то оснований отождествилась с одной своей частью и испугалась другой? Верно ли то, что до тех пор, пока я живу, мне неизбежно придется делать выбор между белым и черным? И следует ли мне при этом становиться таким приверженцем белого, что я оказываюсь не в состоянии получать удовольствие от игры в Черное-и-Белое? Можно ли назвать знанием правил игры осознание того, что ни одна из сторон не может окончательно победить другую? Или же все это представляет собой лишь теоретические заключения, которые никак не связаны с моей физической ситуацией?

Для того чтобы утвердительно ответить на последний вопрос, мне нужно признать, что логика мысли полностью произвольна. Это значит, что мне следует рассматривать ее как исключительно человеческое изобретение, которое не имеет никакого отношения к физической вселенной. Мы уже говорили о том, что человек пытается описать извилистый физический мир с помощью логических структур (сетей, решеток и других аналитических приближений). Однако следует отметить, что эти структуры не пришли в наш мир откуда-то со стороны. Но мы действительно начинаем считать их внешними, если не умеем правильно с ними обращаться. Дело в том, что эти структуры как-то связаны с устройством нашей нервной системы, которая, вне всяких сомнений, находится в мире и является его частью. Более того, я показал, что соотносительное мышление о взаимосвязи организма и его окружения удовлетворяет нашим современным научным представлениям. В то же время этого нельзя сказать о нашем архаичном, но все же по сей день господствующем предрассудке об отдельной личности, которая противостоит враждебному миру. Если бы я решил отделить человеческую логику от физической вселенной, я бы тем самым поставил себя в положение независимого наблюдателя, для которого весь остальной мир кажется внешним и "другим". Однако это означало бы возврат к старому мифу об эго, оторванном от жизни. В настоящее время ни неврология, ни биология, ни социология не придерживаются подобной точки зрения.

С другой стороны, если "я" и другой, субъект и объект, организм и его окружение действительно являются полюсами единого процесса, это и есть мое подлинное "я". "Упанишады" говорят: "Это есть Я. Это есть реальность. Это есть ты!" Однако я ничего не смогу сказать или подумать об ЭТОМ, если не воспользуюсь для этой цели условностями дуалистического языка. Ведь третье измерение на плоской поверхности кое-как удастся передать с помощью пунктирных линий. Таким образом, то, что лежит за пределами противоположностей, если и можно обсуждать, то лишь с помощью таких противоположностей. А это означает использование языка аналогий, метафор и мифов.

И трудность при этом не только в том, что язык дуалистичен, потому что с помощью слов мы обозначаем взаимоисключающие представления. Проблема в том, что ЭТО является мной в гораздо большей степени, чем то "я", которым я всегда себя считал. Оно играет в моем существовании настолько центральную и основополагающую роль, что я не могу описывать его со стороны, как наблюдатель описывает объект. У человека нет никакой возможности быть вне ЭТОГО и никакой необходимости стремиться к ЭТОМУ. Ведь до тех пор, пока я пытаюсь постичь ЭТО, я самыми своими попытками подразумеваю, что ЭТО на самом деле не является мной. Если я допускаю такую возможность, ощущение ЭТОГО сразу же сменяется стремлением

найти его. Вот почему те, кто глубоко осознали свою тождественность с ЭТИМ, постоянно повторяют, что не понимают его. Ведь ЭТО понимает само понимание - а не наоборот. Никто не может погружаться глубже самой большой глубины, да и нет в этом никакой необходимости!

Однако знание о том, что ЭТО никак не может быть описано, не должно служить основанием для попыток выразить ЭТО с помощью самых заоблачных абстракций. Ведь довольно часто предпринимаются попытки описать его как монолитное космическое желе. Но даже осязаемый образ Бога-Отца с белой бородой и в золотистой мантии лучше, чем это. Тем не менее те люди Запада, которые знакомятся с восточными философиями и религиями, не устают обвинять индусов в том, что они верят в абстрактного аморфного Бога. Основанием для этого служат повторяющиеся утверждения последних о том, что все представления или объективные образы Бога пусты. Однако "пустотность" относится в данном случае ко всем подобным концепциям, а не к ЭТОМУ.

Если нам все же приходится думать или говорить об ЭТОМ, альтернатив использованию понятий и образов у нас нет. Фактически, в словах об ЭТОМ нет ничего плохого до тех пор, пока мы представляем себе, что делаем. Идолопоклонство - это не просто использование образов, а принятие их в качестве того, что они обозначают. Именно в этом смысле ментальные образы и утонченные абстракции могут оказаться намного более опасными, чем бронзовые идола.

Вы, скорее всего, выросли в культурной среде, в которой господствующим образом ЭТОГО в течение столетий был Бог-Отец. Поэтому вы, должно быть, привыкли к местоимению Он, и слово "ЭТО", кажется вам слишком безличностным, а местоимение Она - умаляющим достоинство Того, о Ком здесь идет речь. Зададимся теперь вопросом о том, может ли в настоящее время образ Бога-Отца быть подходящей метафорой для описания ЭТОГО. Поможет ли она представлениям разных народов и культур понять друг друга при обмене мнениями о жизни и ее смысле?

Откровенно говоря, этот образ в наши дни стал смехотворным - если, конечно, ты не читал Св. Фому Аквинского, Мартина Бубера или Поля Тиллиха и не понял, что можно быть настоящим иудеем или христианином и при этом не верить буквально в миф о Космическом Родителе Мужского Пола. И даже если ты понял это, очень трудно выйти из сферы влияния этого образа, потому что образы глубже, чем концепции, укореняются в нашем эмоциональном мире. Как благочестивый христианин, ты, возможно, годами повторял слова молитвы: "Отче наш, иже еси на небесах", - и постепенно они сделали свое дело - в один прекрасный день ты действительно стал обращаться с ЭТИМ как с идеализированным отцом - любящим, но строгим мужчиной, то есть неким существом, отличным от тебя самого. Это и понятно, ведь до тех пор, пока ты считаешь себя отдельным эго, ты должен быть отличным от Бога. Однако если ты постиг, что эта форма отождествления является всего лишь социальной условностью, четкое разграничение между тобой и первичной реальностью больше не имеет смысла.

Более того, молодое поколение в последнее время проявляет растущее нежелание повиноваться родителям и авторитарному обществу. Одна из причин этого кроется в том, что в индустриальном обществе дом является в первую очередь местом для ночлега. Отец в нем не работает, и в результате жена и дети оказываются полностью непричастными к его профессиональным занятиям. Его роль в семье сводится к тому, чтобы приносить в дом деньги. Поэтому, вернувшись домой после работы, он считает своим долгом забывать о ней и развлекаться. Романы, журналы, телевидение и популярные комиксы изображают "папу" в виде неумелого домашнего шута. И этот образ содержит в себе долю правды, потому что папа попался в ловушку одного ложного представления. Ведь в нашем обществе распространено мнение о том, что работа - это просто способ добывания денег, с помощью которых человек может получить все, что хочет.

Поэтому не удивительно, что все больше студентов колледжей не желают работать в "мире пап". Они готовы сделать все для того, чтобы не стать белкой в колесе огромного промышленного механизма - не быть торговым агентом, администратором фирмы, клерком или рабочим, который каждый день ездит на работу из пригорода. Профессионалы - архитекторы, врачи, юристы, священники и ученые - также, как правило, работают вдали от дома. Поэтому многие из них тоже склонны рассматривать свой род деятельности как средство делания денег. Эта тенденция усиливается еще и тем, что нужды их семей с каждым годом все больше сводятся к деньгам. В результате получается так, что родители не обучают своему ремеслу детей, и поэтому дети, вырастая, не получают никаких представлений о работе отца и не разделяют его энтузиазма. Вместо этого ребенка посылают в переполненную школу, в которой подавляющее большинство преподавателей - женщины. В школе ребенок получает стандартизированное образование, которое готовит его ко всему и в то же время не готовит ни к чему. И которое не имеет ни малейшего отношения к ремеслу его отца.

Помимо этого факта, который уменьшает авторитет отцов, существенно еще и то, что мы начинаем изменять свое представление о Вселенной. Она теперь кажется нам такой таинственной и впечатляющей, что даже образ самого заботливого из отцов не может больше служить удовлетворительным объяснением ее существования. Но здесь мы сталкиваемся со следующим затруднением: мы не можем вообразить себе образ более возвышенный, чем человеческий. Лишь немногие из нас когда-либо виделись с ангелом, и поэтому большинство, вероятно, не узнает его при встрече. В то же время наши представления о безличном или сверхличностном Боге определенно не дотягивают до человеческого уровня разумности. Ведь это в лучшем случае какие-то туманные идеи о студенистом желе, бесцветном свете, гомогенизированном пространстве или чудовищном электрическом разряде. Однако наше представление о человеке тоже меняется. Нам становится все более ясно, что человеческое существо это не просто всего лишь физический организм. Мое тело включает в себя и все мое окружение, и поэтому должно измеряться не сантиметрами, а миллиардами световых лет.

До сих пор поэты и философы использовали огромные пространственно-временные масштабы Вселенной в качестве предлога для рассуждений о незначительности человека. Но при этом забывали, что именно человек, наделенный "этим своим волшебным мозгом", превращает все эти многочисленные электрические вибрации в свет и цвет, форму и звук, большое и малое, твердое и тяжелое, длинное и короткое. Познавая мир, мы очеловечиваем его. Мы делаем с каждым днем все более удивительные открытия и удивляемся многообразию и сложности мира. Однако при этом мы должны не меньше удивляться тому, что у нас есть мозг, который может все это осознать.

Вплоть до настоящего времени мы утверждали, что мы не причастны к работе собственного мозга. Ведь мы не можем сказать (с помощью слов и образов), как он устроен. Поэтому у нас создается впечатление, что мозг и весь наш организм представляют собой либо хитроумные приспособления, которые были "даны" нам, либо коварный лабиринт, в котором мы на какое-то время оказались заточены. Другими словами, мы поверили в то, что наше "я" ограничивается источником сознательного внимания и некоторыми объектами этого внимания. Однако это определение совершенно несостоятельно. Ведь мы действительно знаем, как растить свой мозг, глаза, уши, пальцы, сердце и кости. Мы знаем также, как ходить, дышать, разговаривать и мыслить - только не можем выразить это с помощью слов. Слова слишком медленны и слишком грубы для того, чтобы описывать такие вещи, а сознательное внимание слишком узко для того, чтобы охватить одновременно все существенные детали.

Часто бывает так, что ты говоришь девушке, как она прекрасна, и слышишь от нее: "Не кажется ли тебе, что ты похож на всех остальных мужчин? Вы, мужчины, думаете только о теле!"

Ну, ладно, допустим я хороша собой, но ведь я получила это тело от своих родителей, и мне в этом просто повезло. Я хочу, чтобы люди восхищались мной, а не моим шасси". Несчастный маленький шофер! Ее слова свидетельствуют лишь о том, что она потеряла всякую связь с глубинной мудростью и гениальностью собственного организма. Теперь она хочет, чтобы ею восхищались за какой-то тривиальный фокус, который она научилась проделывать со своим сознательным вниманием. Мы все находимся в подобной ситуации, отторгнув себя от своих тел и отмежевавшись от всего того хитросплетения сил, которые нас породили и питают.

И все же мы можем пробудить в себе видение своего подлинного Я. Мы можем почувствовать, что это "Я" выходит далеко за пределы наших личностей и физических тел, отделенных от окружающего мира оболочкой кожи. Когда это случается, мы начинаем видеть "Я" везде, потому что его образом становится вся Вселенная со своим светом и тьмой, объектами и пространствами. Вот что такое новый образ человека. Однако это по-прежнему всего лишь образ, ведь пользуясь дуалистическим языком, мы можем сказать лишь то, что "за", "под", "вокруг" и "внутри" - везде пребывает одно немислимое ЭТО, которое поляризуется во всех наблюдаемых измерениях бытия в виде вершин и низин, наличия и отсутствия, вещей и промежутков пустоты между ними. Но самое удивительное здесь то, что ЭТО, каким бы непостижимым оно нам ни представлялось, не является бессодержательной абстракцией. ЭТО и есть настоящий ты!

Выражаясь словами китайского мастера Дзэн, можно сказать: "В этот момент тебе остается лишь громко рассмеяться, потому что делать больше нечего!" А Джеймс Братон говорит так:

Это - здесь

то - Я

Это - Ты

Это - Все

Это - Он

и Она

и Оно[25]

В действительности, подлинный юмор - это смех над своим Я. Это смех над Божественной Комедией - грандиозной мистификацией, в ходе которой человек начинает воображать себя существом, непричастным к существованию и отличным от всего, что есть. В течение всей жизни мы "знаем это всем своим существом". Однако сознательное внимание, увлеченное деталями и различиями, все никак не может за деревьями разглядеть леса.

Самой обманчивой уловкой воспитания является, конечно же, смерть. Подумай о ней как о полном исчезновении сознания - как о состоянии, в котором ты и твои знания о Вселенной просто перестают существовать. При этом ты становишься тем, кого будто бы вообще никогда не было. Подумай о смерти и на более глобальном уровне - как о смерти Вселенной. Как утверждают некоторые космологи, рано или поздно вся энергия рассеется, и тот взрыв, который метнул когда-то галактики в окружающее пространство, постепенно истощится, как отработавшая ступень ракеты-носителя. Тогда все перейдет в состояние, в котором ничего будто бы никогда не существовало. Но на самом деле это значит, что все вернется в это состояние, потому что так все существовало до возникновения Вселенной. Подобно этому, умирая, человек становится тем, чем он был до зачатия. Итак, случился всплеск: всплеск сознания или всплеск галактик. Он произошел. Даже если после него не осталось никого, кто мог бы помнить об этом.

Таким образом, после возникновения и исчезновения вещи снова становятся в точности такими, какими они были до своего появления (включая сюда также и возможность того, что они вообще никогда не возникнут). А это означает, что все может случиться снова. Почему бы и нет? С другой стороны, я могу предположить, что после того, как это все происходило,

состояние небытия будет отличаться от того состояния, которое было до возникновения мира. Энергия присутствовала перед взрывом, но после того, как она породила Вселенную и исчерпалась, не осталось больше ничего. Это значит, что когда-то в течение целой вечности энергия находилась в потенциальном состоянии, а затем она взорвалась, рассеялась и исчезла. Наверное, можно себе вообразить, как нечто, существующее вечно, устало от своего присутствия, лопнуло и пропало навсегда.

Однако эта последняя точка зрения менее естественна для моего воображения, нежели идея о том, что эти вспышки повторяются время от времени. Они могут продолжаться и дальше, они могут происходить снова и снова - об этом можно сказать любыми словами. Более того, если энергия потенциально существовала и до взрыва, мне очень трудно представить тот конкретный момент времени, когда она исчезла навсегда. Может ли что-нибудь быть наполовину вечным? Другими словами, может ли закончиться то, что никогда не начиналось?

Поэтому я предполагаю, что после смерти я забуду о том, кем я был. Ведь я же не могу сознательно вспомнить, как растут клетки моего мозга и кровеносные сосуды - если вообще такие сведения могут храниться в памяти. Сознательная память играет очень несущественную роль в жизни нашего биологического организма. Мое ощущение себя в качестве "я" - осознание себя живым - однажды уже возникло в этом мире без всякого сознательного намерения и памяти о том, что было до этого. Поэтому я предполагаю, что оно будет появляться на свет снова и снова. Оно возникает, когда "центральное" Я ЭТО - порождает фокус сознания в какой-то новой системе организм/окружение. Так происходит в мириадах его пульсирующих проявлений. И в каждом случае ЭТО всегда то же самое, но и всегда иное, - новое "здесь" среди других "там", новое "сейчас" среди иных "тогда". Оно всегда появляется как еще одно существо среди всех остальных. И если я забыл, сколько раз и в скольких различных ситуациях я рождался, это забывание является необходимым интервалом между каждыми двумя вспышками света. Я возвращаюсь в мир с каждым новорожденным.

Фактически, все это мы уже знаем. Ведь после смерти пожилых людей рождаются дети. И если мы не считаем их автоматами, это значит, что каждый ребенок чувствует себя так же, как мы в свои первые дни - вновь возникшим ощущением "я". Условия окружающей среды и наследственности могут быть другими, но каждый из этих новорожденных представляет собой еще один случай появления сознания в центре по отношению ко всему остальному миру. Каждый малыш входит в жизнь так же, как я, ничего не помня о прошлом. Поэтому, когда я уйду из жизни, не будет больше никаких переживаний, никаких воспоминаний о прошлом, а лишь состояние вечного "как бы ничего никогда и не было". Природа "не терпит пустоты", и по этой причине чувство "я" снова проявится, как это уже было не раз. И при этом не важна продолжительность моего отсутствия - длись оно десять секунд или десять миллиардов лет. В состоянии чистого сознания без памяти любой промежуток времени сжимается в один короткий миг.

Все это совершенно очевидно. Но мы начинаем сами видеть это только тогда, когда перерастаем один глубоко укоренившийся и поэтому кажущийся нам чрезвычайно убедительным миф. Этот миф - не что иное, как старая история о том, что "я" приходит в этот мир или оказывается заброшенным в него, оставаясь при этом полностью непричастным к нему. Мы не доверяем Вселенной делать то, с чем она успешно справлялась, - "являть нас снова и снова. Мир представляется нам вечной ареной, на которой индивид является не более чем временным посетителем. Этот пришелец кажется совершенно не относящимся к физическому миру - и это лишь потому, что тонкий луч сознания не может осветить свой собственный источник. Глядя на мир, мы забываем, что при этом мир смотрит на самое себя - нашими глазами, глазами ЭТОГО.

Теперь главное ты уже знаешь - даже если тебе понадобится еще некоторое время для того, чтобы отыграться и взять свое. Может быть, тебе нелегко будет прийти в себя после всего того, что произошло в мире за последние тысячелетия. Ведь не одно поколение отцов сбивало своих детей, как ряд костяшек домино, говоря им: "Не смей думать об этом! Ты всего лишь маленький выскочка, всего лишь создание, и поэтому ты должен знать свое место". Вопреки всему этому ты теперь знаешь, что ты - ЭТО. Возможно, что папы, не понимая сути дела, не совсем удачно пытались сказать своим детям, что ЭТО не очень-то любезничает с ЭТИМ. Ведь ты не появляешься на сцене в роли ЭТОГО, потому что ты по своей сути есть ЭТО. А весь смысл сцены в том, чтобы скрывать подлинное лицо, а не показывать его. Выйти на сцену в виде ЭТОГО играть роль Бога - означает играть ЭТО как роль. Однако так не бывает, потому что ЭТО никогда не может быть ролью. Когда ЭТО играет, оно исполняет и все остальные роли.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] "Я не верю в то, что мы действительно получим ценные результаты, если будем исследовать свалку шлама, которая находится на поверхности Луны... Не стоит думать, что огромный бюджет НАСА свидетельствует о том, что в наши дни астрономия получает достаточную поддержку". Фред Хойл "Галактики, ядра галактик и квазары" - Fred Hoyle "Galaxies, Nuclie, and Quasars". Harper and Row, New York, 1965 (Здесь и далее, если не оговорено особо, примечания автора).

[2] Это обсуждение точки зрения теолога Поля Тиллиха в статье "Библия поле брани" - "The Battle of the Bible", "Look", Vol. XIX, No. 15. July 27, 1965. p. 19.

[2a] в Царство

[3] А.Гилломонт и др. (перев.) "Евангелие от Фомы" - A.Guillaumont and others (trs.) "The Gospel According to Thomas". Harper and Row, New York, 1956, pp. 17-18, 43. В этой книге опубликован недавно найденный коптский манускрипт, который, вероятно, является переводом греческой версии текста, написанного не позже 140 года н.э. Очевидно, что местоимения "Я" и "Меня" относятся к скрытому Высшему Я мира.

[4] Я говорю "как правило", потому что мне известны некоторые довольно-яркие исключения как в Америке, так и в Индии.

[5] "Наблюдать, как солнце заходит за холм, покрытый травами и цветами, идти вперед все дальше и дальше по огромному лесу, не задумываясь о том, пора ли возвращаться, стоять на берегу и видеть, как лодка исчезает из виду за далекими островами в море, созерцать полет диких гусей, которые были видны, а затем затерялись среди облаков" (Сэами). Все это югэн, но что общего имеют эти переживания?

[6] Ананда Кумарасвами - ныне покойный индийский ученый, живший в Соединенных Штатах. Автор нескольких серьезных научных книг, в которых различные аспекты индуизма и веданты освещаются в их связи с другими религиями (прим. перев.).

[7] Здесь автор цитирует стихотворение английского поэта Р.Л. Стивенсона (1850-1894) "Реквием" (прим. перев.).

[8] Основоположники: Штирнер, Ницше, Зиммель - (прим. ред).

[9] "До середины XVII века китайские и европейские научные теории были сродни друг другу. И только после этого европейская мысль сделала большой скачок вперед. Но хотя она вначале шла под знаменем картезианско-ньютонической механики, этот подход не мог долго удовлетворять нуждам науки. Пришло время, когда на физику стали смотреть как на науку о малых организмах, а на биологию - как на науку о больших. В этой ситуации Европа (или лучше будет сказать, что теперь это уже был весь мир) вновь столкнулась с необходимостью вернуться к очень древним и очень глубоким философским идеям, которые в сущности никогда не были европейскими". (Нидхэм. "Наука и цивилизация в Китае" - Needham. "Science and Civilization in China". Cambridge University Press, 1956, vol. II, p. 303.).

[10] Слова из американской конституции. - (прим. перев.).

[11] Автор, вероятно, имеет в виду Гималаи - (прим. перев.).

[12] Все это не следует рассматривать как полное неприятие "современного искусства". Скорее речь идет о том, что неправилен его главный принцип: человек искусства должен представлять свое время. Вот и получается, что поскольку настало время свалок, афиш и фешенебельных трущоб, многие люди искусства - полностью лишенные какого-либо таланта - делают себе имя, заключая в рамку или возводя на пьедестал типичные предметы городского мусора.

[13] Генри Миллер - американский писатель XX века, автор широкоизвестного скандального романа "Тропик Рака" (1932) и многих других прозаических произведений оригинального жанра. - (прим. перев.).

[14] Нутка - народ, населяющий территорию острова Ванкувер в Канаде и северо-запад штата Вашингтон в районе мыса Флаттери в США - (прим. перев.).

[15] Эту аналогию я почерпнул из книги Оувена Барфилда "Спасение видимостей" (Owen Barfield, "Saving the Appearances". Faber and Faber, London. 1956).

[16] Дэвид Бом. "Квантовая теория" - "Quantum Theory". Prentice-Hall, New Jersey, 1958, pp. 161-162.

[17] Эрвин Шрёдингер "Мое видение мира" - Ervin Schrodinger. "My View of the World". Cambridge University Press, 1964, pp. 21-22.

[18] Там же, pp. 22.

[19] Г.К.Честертон "Песня странного аскета" в "Сборнике стихов" (G.K.Chesterton, "Collected Poems". Dodd, Mead, New York, 1932, pp. 199).

[20] Мейстер Экхарт (1260-1328) и его ученик Иоганн Таулер (1300-1361) великие немецкие мистики, члены доминиканского ордена. Анабаптисты (перекрещенцы) - последователи радикального христианского учения, которое распространилось в XVI в. в Западной и Центральной Европе, исторические предшественники современных баптистов. Левеллеры (уравнители) - радикальная демократическая партия времен Английской буржуазной революции 17-го века. Братья Свободного Духа - последователи ордена, существовавшего в Западной Европе в XII-XIII вв., которые верили в скорое пришествие на землю Святого Духа и наступление эпохи полной духовной свободы - (прим. перев.).

[21] Артур Эддингтон, "Природа физического мира" (Arthur Eddington, "The Nature of the Physical World". J.M. Dent, London, 1935, pp. 280-281).

[22] Идрис Парри, "Кафка, Рильке и Румпельстильтскин" - Idris Parry, "Kafka, Rilke, and Rumpelstiltskin". The Listener. BBC, London, December 2, 1965, p. 895."

[23] Академическая философия упустила великолепную возможность пойти по новому пути, которая была ей предоставлена в 1921 году. В этом году был впервые опубликован "Логико-философский трактат" Людвига Витгенштейна, заканчивающийся следующими словами: "Правильным методом философии был бы следующий: не говорить ничего, кроме того, что может быть сказано, следовательно, кроме постулатов естествознания, т.е. того, что не имеет ничего общего с философией, - и затем всегда, когда кто-то захочет сказать нечто метафизическое, показывать ему, что он не придал никакого значения некоторым знакам в своих положениях. Этот метод был бы неудовлетворителен для нашего собеседника - он не чувствовал бы, что мы учим его философии, но все же это был бы единственный строго научный метод. Мои предложения поясняются тем, что тот, кто меня понял, в конце концов уясняет их бессмысленность, если он поднялся с их помощью - на них - выше их. (Он должен, так сказать, отбросить лестницу после того, как взберется по ней наверх). Он должен преодолеть эти предложения, лишь только тогда он правильно увидит мир. О чем невозможно говорить, о том следует молчать". Это был критический момент. У всех академических философов был шанс воздержаться от суждений и довести свою науку до уровня чистого созерцания, примером которого может служить практика медитации в дзэн-буддизме. Однако даже сам Витгенштейн вынужден был и дальше продолжать говорить и писать. Иначе как по-другому может философ доказать, что он работает, а не просто бездельничает?

[24] Энантиодромия - "переход в антитезу" (греч.) (прим. перев.).

[25] С пластинки "Бард и арфист" ("The Bard and the Harper") записей Джеймса Братона и Джоэла Эндрюса. LP-1013, Ассоциация звукозаписи, Сосалито. Калифорния, 1965.